

Юлия Фирсанова

Папандокс

Попали, брат?

Annotation

Близкие родственники – это не только кровная связь и тихие семейные радости. Бонусом прилагается куча проблем, готовых рухнуть на голову в самый неподходящий момент. Хуже могут быть только квесты, от выполнения которых невозможно отказаться, когда их предлагают в ночи таинственные личности.

Денис со Светой убедились во всем этом на собственном опыте, стоило только нечаянно ступить кое-куда спросонья да попасть... Как, во что, куда и зачем – придется разбираться испытанным методом научного тыка. Все равно близнецам ничего другого не остается, потому как буквально у всех на парочку попаданцев своих планы, а у них, соответственно, полный ПАПАНДОКС!

- [Юлия Фирсанова](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Эпилог](#)
-

Юлия Фирсанова
Папандокс

Пролог

Не все то шутка, что сверкает

Разбудил Светку пронзительно-яркий фиолетовый свет, совершенно неестественный ни для солнца, ни для фонарей. Он бесцеремонно лился в девичью спальню не в окно, а через неплотно прикрытую дверь в коридор.

– Дениска, негодник, опять какую-то шутку приволок? – беззлобно пробурчала себе под нос девушка, выбираясь из кровати и накидывая на желтую пижаму халат.

Пока ноги нашаривали вязанные тапочки, Светлана продолжала ворчальную оду:

– Двадцать четыре года парню стукнуло, а он все хулиганит, как мои детсадовцы! Что на сей раз учудил: фонарик китайский притащил или краски светящиеся? Еще раз так пошутит, я тоже пошучу. Всю физиономию ему разрисую чем-нибудь несмываемым! Пусть бухгалтерию и операционисток пачками пугает вместо того, чтобы родную сестру будить!

Продолжая миролюбиво ругаться, Светка взлохматила и так стоящие дыбом короткие перышки светлых волос, потерла нос и толкнула дверь в коридор, морально подготовившись к сюрпризу от младшего, на целых десять минут, непутевого брата.

Люминесцентных воздушных шаров, африканских масок, хулиганских надписей и прочей ерунды в коридоре не обнаружилось. Зато нашлось кое-что другое. Похоже, у братца совсем крыша съехала на почве любимых компьютерных игр. На сей раз он решил соригинальничать и нарисовал пентаграмму или что-то похожее. Светка в мистической и магической белиберде почти не разбиралась. Совсем не разбираться, к сожалению, не получалось. С таким-то братом!

Девушка не жаловалась на зрение и отчетливо видела намалеванную на полу во всю полутораметровую ширину коридора пятиконечную звезду, заключенную в круг. Она-то и испускала удивительное свечение. Кажется, языки пламени были фиолетовыми и голубоватыми, как от газа из конфорки. На всякий случай Светка принялась. Нет, химической и газовой вони не уловила. Наверное, картинку братец выложил какой-то светодиодной китайщиной. И не жалко было человеку время бездарно тратить?!

Позвать Дениску для уборки Светка не успела. Дверь в его комнату резко распахнулась, и позевывающий красноглазый (можно света не включать, точно красноглазый) от долгого сидения за компьютером братец сам выполз в коридор.

– Ух ты, Свет! Классную штуковину замутила! Чем это ты? Фломастерами флуоресцентными? – восторженно выпалил парень и, звучно шлепая босыми пятками по полу, направился к звездочке.

– Я? – удивленно взвился голос сестры.

– Не я же, – хмыкнул Дэн и попытался поскрести уголок пламенеющей фиолетовой звездочки большим пальцем ноги.

Низенькое пламя взметнулось столбом, в секунду охватив заоравшего не столько от боли, сколько от неожиданности брата. Светка, не раздумывая, кинулась к загоревшемуся Дениске на помощь. Едва девушка пересекла контур фиолетового узора, как тоже запылала, не сгорая.

Так, вопя от неожиданности, в ожидании все не приходящей боли и просто для порядка (если с тобой происходит какая-то непонятная ерунда и ты ничегошеньки с этим не можешь поделать, остается только орать), парочка ухнула в пламя с головой. Двое молодых людей исчезли из собственной квартиры. Заодно с ними испарилась и фиолетовая «звездочка».

Глава 1

Упали и попали

Вопящий фиолетовый комок материализовался на холодной, влажной от вечерней росы каменной плите под небом с чужым звездным узором. Большая часть далеких искр отчетливо проблескивала красным и желтым, а не привычно белым. Впрочем, попаданцам было не до астрономии, отдышаться бы после резкого, выбивающего дух перехода. Что-то хлопнуло, будто прокололи небольшой воздушный шарик, и фиолетовое пламя погасло.

– Явились! Почему двое? Ладно, не важно, бежим отсюда, и побыстрее! Тут опасно оставаться! – скомандовал справа хрипловатый то ли со сна, то ли от простуды мужской голос.

На соседней наклонной плите, рядом с той, где совсем без комфорта разместились охающие Дэн и Светка, нетерпеливо притопывал пыльным сапогом незнакомец. Мужчина, закутанный до носа в темный, почти сливающийся с ночью плащ, махнул рукой, указывая направление от каменной груды неопределенных очертаний до высоких кустов.

– Почему опасно? – машинально потирая ушибленный локоть, выпалил Дениска, восторженно озираясь вокруг. – С виду мирные развалины. Непонятно только, где они, то есть мы.

– Поэтому, – несколько напряженно объяснил незнакомец.

Его слова совпали со скребущимся звуком. Ближайшая наклонная плита начала мелко дрожать, приподнимаясь над землей, и из-под нее показались белые костяшки руки скелета.

– И-и-и-и! – завизжала Светка с такой силой, что, казалось, завибрировали воздух и камни, а костяшки рассыпались в прах.

– Ух ты, я поначалу думал, что у тебя вопль зубодробительный, а он, оказывается, еще и кости в пыль разносит! – восторженно выдал Дениска.

– Быстрее, пока они не набрали силы, – чуть более нервно, чем раньше, поторопил брата с сестрой незнакомец.

– Эй, дядя, а ничего, что я босиком? – возмутился Денис, многозначительно пошевелив пальцами.

– Если не хочешь еще и без ног остаться, потерпишь, у меня лошади за кустами. Уматываем, все остальные вопросы потом!

– Логично, – признал парень, соскочил с плиты и подал руку сестре.

Оба они – босой Дениска и обутая в вязаные тапочки Светка – ковыляли так беспомощно, что сердце или скорее нервы незнакомца дрогнули. Девчонка, судя по расширенным в ужасе глазам, сотрясающей тельце дрожи и полуоткрытому до сих пор рту, пребывала в состоянии шока. Двигалась, как механическая кукла, у которой вот-вот кончится завод.

Мужчина выругался сквозь зубы и подхватил обоих землян, как мешки с соломой. Закинул на свои узкие плечи, крикнул, но сцепил зубы и поспешил к кустам.

– А эти... вылезут? – из положения виса попытался извернуться и глянуть на остающиеся позади развалины Дэн.

– Если успеем отойти подальше, пока они просыпаются, нет, – пояснил причину спешки носильщик.

– А если не успеем? – продолжил допытываться неумный «мешок».

– Могу тебя сбросить здесь, поглядишь и, если выживешь, нам расскажешь, – щедро предложил незнакомец. – Мне и девушки хватит.

– Не-не-не, тут небось и кнопочки сейва-то нет, – открестился Дениска, обвисая на носильщике ватной тряпочкой, и хихикнул.

Светка, пребывающая в тихом ступоре от случившегося за последние пять минут, вздрогнула от этого звука. С таким маньячным хихиканьем братец обычно устанавливал на комп какую-нибудь очередную суперскую мечемаше-магическую игрушку.

Пока Дениска хихикал, а Светка тихо сходила с ума от нереальности происходящего, тип в плаще дотащил свои жертвы до высоких кустов, напоминающих густотой ивняк, и проломился насквозь. Там, за кустами, в короткой травке стояла пара темных, кажется, гнедых, лошадок.

Вернее, как превосходно было видно свисающему Дениске, кобыла и жеребец. Точно, настоящий жеребец! На копытное мужского пола носильщик сгрузил почти не трепыхающуюся Светку, а кобылка досталась парню.

Легко вскочив в седло, тип поправил тушку девушки так, чтобы она сидела перед ним, прижимаясь спиной к груди. Дениска, катавшийся верхом самое большее раз пять за всю жизнь (включая фотографирование в двухгодовалом возрасте на пони), попытался кое-как угнеститься сам и поймать жесткие поводья пальцами. Босые грязные пятки, поморщившись, попаданец вставил в холодные стремяна. Может, вокруг с виду и царило лето, да ночью в футболке с коротким рукавом и без обуви прохлада чувствовалась явственно. К тому же странные мурашки бегали по спине с утроенной силой, стоило лишь прислушаться к нарастающему

похрустыванию и скрежету плит или чьему-то скрежету о плиты в развалинах за кустами.

Дениска только не мог пока определиться, что лучше: видеть подозрительно-магическую реальность глазами или не видеть и пользоваться на полную катушку богатым воображением.

– Ходу! – скомандовал незнакомец и пришпорил своего коня, не то чмокнув, не то цокнув губами особым образом. От этого сигнала кобыла, не дожидаясь команды неуча-наездника, сорвалась с места и поспешила за жеребцом.

По почти заросшей травой, а некогда широкой, выложенной каменными плитами дороге скакали минут пятнадцать. А если по ощущениям нижней половины тела Дениски, так и вовсе целую вечность и еще половинку. Когда, наконец, мужчина соизволил остановить жеребца и снять с седла мелко подрагивающую Светку, Дэн сполз с лошади не то амебой, не то кулем с сеном. В общем, никакой лихости не проявил.

Упал на траву, соображая, стер ли он себе все до мозолей или так только кажется. А ведь всего ничего верхом проехал-то! Когда-то и побольше катался, правда, шагом, и лошадь по-другому везла, мягко. Эта коняга была какой-то неправильно-костистой или мускулистой не там, где надо. Мысль о том, что это у него самого нет нужных мускулов для посадки на достойном животном, Денис, разумеется, отверг с негодованием.

Полянка в паре метров от дороги, защищенная очередным мощным кустом местного ивняка, решившего габаритами потягаться с дубравой, приняла еще одну беспомощную тушку женского пола и энергичного мужчину. Тот набросил поводья на ближайшую ветку, прислушивался минуты три, не меньше, проверяя, нет ли костяной погони, и тихо выдохнул.

Сдернув с себя плащ, незнакомец укутал озябшую Светку, снисходительно оглядел парочку слабаков и энергично объявил:

– Давайте знакомиться, племяннички!

Дениска тряхнул головой и, приподнявшись на локтях, уставился на говоруна. Проглянувшая из-за череды тучек бело-желтая луна охотно предоставила возможность для осмотра.

Блондин, не платиновый, а как Светка – золотистый с мелкими русыми прядками, увязанными в низкий хвост, серо-зелеными, опять же как у них с сестрой, глазами. На этом сходство заканчивалось и начинались отличия: пару раз явно ломаный, судя по форме, нос и все лицо – костистое, будто его собирали из лезвий, а потом наспех обтянули кожей – были абсолютно

незнакомыми. Денис бы точно запомнил. Такого красавцем было бы не назвать даже спьяну, но и обычным тоже.

Нет, этого типа Дэн и Светка никогда прежде не видели, потому Дэн удивился:

– Дядя? Чего-то не припомню. Мы своих родственников знаем. Тетя есть, а дяди нет!

– Я вас тоже впервые вижу, – утешил общество дорогой дядюшка. – Я брат вашей матери Лимей. Мы не виделись с ней с того мига, как она сбежала из-под венца, воспользовавшись реликвией рода – порталом последнего шанса.

– Нашу маму Еленой зовут, – набычился Денис. – И ни о каких дядях и иных мирах она нам никогда не говорила. И вообще, вы нас что, похитили? Не то чтоб я был сильно против экскурсии в этой части реала, зато Светка точно в шоке. Может, ее домой отправить?

– Я вас не похищал, лишь отправил зов и распахнул врата для Лимей, которую вы именуете домашним именем Елена. Она шагнула далеко от круга жизни, потому зов пришел к вам – прямым ближайшим потомкам. А ступили вы во врата сами. (Дениска виновато фыркнул, припомнив свои пальцы, пытающиеся затереть фиолетовую линию.) Открыть двери повторно невозможно. Портал действовал на остатках силы древнего амулета. Он распахнул дверь к родной крови. Обратно, если вдруг удастся напитать его, не перенесет. Нет ориентира, настроенного на кровь Керготов. Если только вы успели обзавестись потомством? – Дядюшка вопросительно изогнул бровь.

– Не, как-то не до того было – сначала детство, потом учеба, потом работа, едва на развлечения время находили, куда уж в такой плотный график еще и родных детей втиснуть? – посетовал Дениска, обнимая сестру и прижимая ее к себе. Шокированная девушка не сопротивлялась, испытывая сенсорный шок.

Дядюшка неодобрительно цокнул языком, оценивая состояние Светланы, вздохнул, отцепил с пояса маленькую фляжку и протянул Денису:

– Напой сестру.

– Лекарство? – недоверчиво полюбопытствовал парень.

– Выпивка крепкая. Совсем девчонка не в себе, может, пару глотков сделает, полегчает. Нам ведь до Забыток ехать еще с полчаса. Там и переночуем. А уж утром о делах поговорим, и на все вопросы отвечу, как смогу.

– Только прямо сейчас одно скажи, дядюшка, зачем мы тебе вдруг

понадобились?

– В жажду получить стакан воды перед смертью из родных рук не поверите? – сыронизировал мужчина.

– Не-а, ты, дядя, еще в самом соку, пусть и на любителя. До старости еще успеешь себе подстаканников настрогать.

– Матушки у нас с Лимей разные были, а отец один. Наследство отцово на общую кровь заято и ей лишь откликнется. Без владения замком права на земли Керготов не подтвердить. По условиям завещания старика Итната, пока два ручейка в один не сольются, ворота не отворить. Потому мы с вами в родовой замок поедем, – коротко пояснил дядюшка и привычно почесал себя за ухом.

– А звать-то тебя как? – спохватился Дэн.

– Ригет, – откликнулся старший родственник.

– Я Денис, можно Дэн, а сестра – Светлана, или Света, – в свою очередь представился и представил сестру юноша.

– Хм, Деньес, стало быть, и Свельта, древние дийские имена, – перевел на свой манер дядюшка.

Свежеобозванный Деньесом парень справился при помощи зубов с тугой деревянной пробкой выданной фляги, понюхал и закашлялся. Но все-таки решил, что лекарству вкусным быть не положено. Он набулькал разящей сивухой отравы в колпачок фляжки. Светка точно была в шоке, потому как даже не проверила, чистая ли посуда и что дают пить. Покорно взяла протянутую чашечку, поднесла ко рту и глотнула. Кашель и сип забывшей дышать дегустаторши да слезы ручьем, полившиеся из глаз, дали понять, что девушка понемногу приходит в себя.

Закрыв лицо ладонями, она тихо всхлипнула и неуверенно спросила у брата:

– Дэн, это все взаправду или сон?

– Я себя щипал, не просыпаюсь. Руку ободрал в кустах и зашиб большой палец о камни – болит. Похоже, взаправду, Свет, – посочувствовал сестринским переживаниям Денис.

Он-то был несказанно доволен практически всем привалившим счастьем попаданца. Скудная работа айтишника и в подметки не годилась перспективе приключений в магическом мире. Сестру, конечно, жаль, но их ведь двое мужчин, как-нибудь защитят, а там, глядишь, и получше девчонку пристроят, чем воспитательницей в садике. Может, принца ей какого-нибудь найдут?! Дениска припомнил старые доски с картинками, которые выжигала Светка, млевшая от вида смазливового парня, разбудившего спящую красавицу.

Головка худенькой и мелкой (метр в прыжке) сестренки, высовывающаяся из-под плотного плаща, поднялась. Светка взглянула на дядюшку и жалобно уточнила:

– Так, значит, домой никак?

– Прямо сейчас – точно нет. Про «когда-нибудь» – клясться не буду. Вернуть вас могут, пожалуй, лишь боги, да вот беда, и они из нашего мира ушли давно, встав щитом у рубежей пред порождениями изначального хаоса, – помрачнев, качнул головой Ригет.

Чем-то слова о щите, а может быть, о порождениях хаоса, напомнили Светке про проблемы брата. Включился режим заботы о здоровье. И пусть лунный свет особой яркостью не отличался, его вполне хватало для осмотра. Потому девушка потребовала:

– Дэн, руку покажи.

– Вот, – привычно и смиренно (Свете – маньячке здоровья – лучше показать все сразу, а то догонит и раз десять еще покажет, где раки зимуют) подставил ободранное предплечье придиричивому сестринскому взору парень.

Дядюшка предпочел пару минут не вмешиваться и понаблюдать за общением племянников.

Светлана осмотрела длинную царапину и велела:

– Налей в крышечку той гадости, которой меня поил.

– Зачем? – с ходу насторожилась жертва, чуя недоброе.

– За надом, – отрезала девушка и демонстративно уперла руки в бока.

– «Мне похрену, как у тебя тютетейка надета», – вздохнул парень, удовлетворяя просьбу-приказ Светки. И тут же зашипел, когда любимая сестренка, макнув в горлодеровку кончик чистого платочка из кармашка халата, заботливо протерла царапину.

– Щиплет! – только и пожаловался бесстрашный воитель.

– Зато микробыдохнут, – отрезала добрая девушка и перешла к осмотру второй травмы. – Какой палец болит?

– Уже не болит. Мизинец на левой, – отчитался Денис, проклиная собственный язык, угораздивший его сообщить сестре про «бандитские пули», и одновременно искренне радуясь, что не успел ляпнуть про седалищные проблемы.

Света словам брата до конца не поверила. Опустилась на корточки, ощупала грязный палец, пошевелила его, проверяя, нет ли вывиха. Перелом бы точно начал опухать, и чувствительный к боли Дэн не скакал бы зайчиком, а сдавался на милость домашнего доктора.

– С пальцем все хорошо, просто ушиб, – диагностировала девушка и,

обтерев руки все еще влажным кончиком платочка, закончила осмотр.

– Ура, жить буду, спасибо, доктор, – привычно ляпнул Денис, возвращая спиртное законному владельцу.

– Свелъта, ты целитель? – с гораздо большим уважением, чем раньше, спросил дядя Ригет, цепляя фляжку на пояс.

– Нет, нас только основам немножко учили, – честно призналась Света.

Краткий приступ активности ради помощи брату прошел. Вновь начало накатывать ощущение беспомощности, дезориентации и желание поплакать. Кажется, дядя уловил настроение девушки, потому свернул расспросы и поторопил племянников:

– В седла. Я не уверен, достаточно ли далеко мы от храма отъехали.

– От какого храма? И достаточно для чего? – все-таки не удержался и полюбопытствовал Дениска, со скрипом забираясь в седло.

– От храма Зебѣата, повелителя последнего порога, стража смерти, одного из восьми богов нашего мира; а достаточно для того, чтобы стража Зебата снова уснула крепким сном, – дал короткую справку родственник, продолжая действовать.

Светку дядюшка привычно усадил впереди себя и прижал одной рукой покрепче, и отнюдь не из горячих родственных чувств. Держалась на лошади землянка чуть лучше мешка с соломой. Беда только в том, что мешок можно было положить поперек да привязать, а к живой девушке, обладательнице родной крови, такое варварское обращение было неприменимо.

Сбоку змеей зашипел устраивающийся на лошади Дениска. Снисходительно покосившись на племянника, дядя проронил:

– В селе сапоги и одежду вам купим, а мазь у меня в сумке есть. Перед сном ноги и руку, если надо, намажешь. Хорошо, что стемнело, в селе рано ложатся, никто приглядываться к вам не станет. Только запасной плащ мой на, накинь заранее, чтоб иноземным видом народ не пугать.

Дядюшка слезил в седельную сумку, вытянул из нее темную скатку ткани и метко перебросил племяннику.

– Чего в моей одежде страшного-то? – искренне удивился Дениска, любуясь флюоресцирующим ликом знаменитого чудовища из «Хищника» во всю грудь. – Очень милая футболочка!

Но в пожертвованный с родного плеча плащ завернулся сразу, еще и пробурчал под нос:

– Мог бы сразу дать, или, не успев племянником обзавестись, сразу воспитываешь и закаляешь, дядюшка?

Ригет сделал вид, что ничего не расслышал. Так что намявшему тело, набившему синяков, исцарапанному и замерзшему айтишнику осталось лишь тихонько вздохнуть. На вертящемся эргономичном стуле за ноутбуком приключения марионетки-героя проходили куда как безболезненнее. Но пока задираТЬ лапки вверх и скулить, как сестренка, «хочу домой!» Дениска не спешил. Когда еще такой шанс на настоящее приключение выпадет? Парень сцепил зубы и попытался заняться делом более интересным, чем углубленное переживание собственных телесных мук, – созерцанием.

Увы, не очень-то оно удавалось. Старая дорога из каменных плит, побитых временем, успела смениться на вполне заурядную с двумя колеями, совершенно точно оставленными не шинами внедорожника. Густой лес, серебрившийся кончиками веток в лунном свете и играющий мрачными тенями в глубине, тоже никакими интересными зрелищами не радовал. Шелестел листьями, потрескивал сучьями, перекрикивался редкими ночными птицами. Правда, когда Дэн окончательно разочаровался в пейзаже, где-то слева и далеко завыл-захохотал кто-то, заставив Светку жалобно пискнуть и посильнее прижаться к дядюшкиной груди. Да и сам юноша вздрогнул от неожиданности, соображая, что делать, если на них прямо сейчас нападет какой-нибудь страшный элитный монстр. Никакого оружия, даже ножичка завалящего, дядюшка для обороны не выдал. А сам Денис попросить не догадался.

– Не бойся, Свельта, – промолвил Ригет. – Это всего лишь спутник Зебата – филин Ойх – балуется в ночи.

– Ага, филин, – выдохнул позабывший, как дышать, Дениска. – Я почему-то сразу так и подумал. Так вопить только они, эти самые ойхи, и могут. Эй, дядюшка, а что Зебат, если он смертью заведует, где-то на рубежах против хаоса делает?

– Молчи и слушай. Тебя извиняет лишь незнание. Все наши боги ушли, чтобы принять бой с порождениями хаоса. Ушли вовне, дабы не разрушить могучими силами в битве на Вархете все то, за что сражаются. Мы помним их, чтим и возносим молитвы, отдавая жар сердец и душ, дабы поддержать своих покровителей в нелегком бою, исход которого решит участь нашего мира, – очень серьезно, не поддерживая шуток, роняя каждое слово, как свинцовый шар, произнес Ригет. – Не вздумай шутить на эту тему, если не хочешь умереть с взрезанным животом, как богохульник.

– Жалко их, устали, наверное, – задумчиво вздохнула Света и эгоистично добавила: – Себя мне тоже жалко, домой хочется. Как там моя группа завтра без меня?..

– Да что твоим карапузам сделается? Сменщицу твою из отпуска выдернут, и все, – беспечно отмахнулся Дениска.

– И папку жалко, – продолжила гнуть свою депрессивную линию девушка. – Что он подумает? Исчезли вдвоем, никому ничего не сказали, вещей не взяли.

– Папку жаль, но у него остались тетя Вера и Колька с Машкой, ему некогда будет переживать. Кстати, квартиру нашу сдавать смогут, два десятка лишних тысчонок в месяц малышне не повредят, – практично заметил Дениска.

– Как умерла Лимей? – неожиданно вмешался в разговор дядюшка.

– Как умерла? – хором удивились Светка и Дэн, буквально вчера болтавшие с матерью по скайпу.

– Вы хотите сказать, Лимей жива?

– Да, – слаженно подтвердили брат с сестрой. – Она с папкой развелась, снова замуж вышла и сейчас со вторым мужем в Италии живет. Мы-то в России остались, к ней отдыхать ездим.

– Ничего не понимаю. Тогда почему врата открылись для вас? – окончательно растерялся дядюшка, успевший за полчаса мысленно похоронить и воскресить беглянку-сестру.

– Может, потому что она фамилию сменила? – наивно предположила Светка.

Дениска живо представил себе систему магического поиска по ФИО и огненные строки на полнеба: «Лимей Кергот в базах не найдена, открыт доступ к Светлане и Денису Керготам». Сюрреалистичность видения заставила парня насмешливо фыркнуть и объявить:

– Или мама просто с детства в курсе, что не фиг лезть пальцами в неизвестные пентаграммы! Нам этого в памятку ОБЖ вставить не догадалась!

Света зубоскалить не стала. Почему мама ничего и никогда не говорила о жизни в другом мире и родственниках, ограничиваясь условно честным: «В этом мире у меня лишь вы есть!» – сейчас можно было лишь предполагать. Может, считала, что ей все равно никто не поверит и не хотела прослыть фантазеркой, а может, чего-то боялась. Что толку гадать, если мама в Италии, а в чужом мире оказались они, ее дети, которым не повезло вляпаться в фиолетовый рисунок?

Бедная попаданка от всей души позавидовала мамуле и выдала дядюшке краткую биографическую справку о Елене-Лимей. Когда Елена Кергот и будущий папа близнецов – Виктор Воняев заключали брак, муж взял фамилию невесты без долгих споров. Зато Елена Кергот, выскочив

замуж за Антонио Альмери, охотно стала зваться Еленой Альмери. И была вполне счастлива, укатив в солнечную Италию, куда оба великовозрастных чадушка следовать отказались наотрез. Мама же успела подарить второму мужу наследника, а упрямым деткам изредка звонила и слала переводы «на печеньки».

– Эй, дядя, я в здешней магии не разбираюсь. Зато о выдумках про магию прорву всякого перечитал, пересмотрел и переиграл. Как по мне, так твоя звезда-ловушка у нас в квартире могла по куче причин появиться, – встрял в скучный пересказ Дэн, цепляясь за поводья. Болтовня помогала отвлечься от неуклонно усиливающегося ощущения дискомфорта. – К примеру, права Светка, и сработала официальная смена статуса мамы. Ее нет в списке поиска, а мы – Керготы, потому и попали. Или мамулин амулет до сих пор где-то у нас на антресолях валяется. Там никто лет двадцать не разбирался. Я лишнюю уборку терпеть не могу, а сестра от пыли чихает безудержно. Вот заныканный амулет и притянул заклинание, а до мамы через тысячи километров не добрался.

– Может, и так, Денъес. Вы говорите, Лимей отреклась от рода? – задумчиво хмыкнул Ригет после изложения краткой биографии младшей сестры, поморщил лоб и философски подытожил: – Что ж, на все воля Восьмерых. Но я рад, что сестра жива и благополучна, пусть и не здесь.

– Чего-то не видно ни слез, ни радости, – подковырнул дядюшку Денис.

– Мы родичи, я тепло относился к вашей матери, но близкими по-настоящему мы с ней никогда не были. Виделись-то считанные разы. У нас с Лимей двадцать лет разницы в возрасте. Я уехал на учебу из замка еще до ее рождения. Потом она сбежала с помощью семейной реликвии, поставив семью в сложное положение, – не стал оправдываться дядя, просто сообщил факты.

– Э-э, а сколько тебе сейчас лет? – запутался Дениска.

Если верить словам дядюшки, то навскидку выходило лет шестьдесят, и для такого возраста дядя Ригет сохранился весьма прилично.

– Шестьдесят три, – спокойно ответил мужчина и, сквозь ночной сумрак ощутив удивление племянников, пояснил: – Дийская кровь сказывается – век тех, в ком есть толика крови первых творений богов, долгов. Тело не дряхлеет, как у обычных людей.

– А мы? – высунула нос из-под плаща Светка, впервые проявив искренний интерес к теме, не касавшейся прямо способа возвращения домой.

– Вы – дети Лимей, кровь разбавлена, но лет триста проживете, –

прикинул дядюшка, чуть улыбнувшись, когда мягкие прядки волос завертевшейся племяшки защекотали его подбородок. – Или больше, смотря какой путь выберете.

– Или меньше. От кирпича на голову никто не застрахован, – беспечно хихикнул Дениска и сделал стойку на незнакомое слово: – Дядь, кто такие дии?

– Создания, которыми боги изначально населили Вархет. Внешне они были схожи с человеком. Позднее, когда Восемь привели в мир людей, дии смешали с ними свою кровь. Изначальные были худощавы, легки в кости; говорят, сильнее в магии, искуснее в ремеслах и выносливее, чем люди. Но сколько в тех словах о минувшем правды, а сколько красивой легенды – сказать сложно. Одно лишь точно известно: век дийский вчетверо превышал людской, и борода у мужчин не росла.

– Надоели долгоживущие дийские черепашки, и боги завели людей-хомячков, – прокомментировал Дэн и на миг-другой прижух в седле, когда, словно в ответ на его шуточку, слева от дороги ночной лес разразился глумливо-зловещим «ой-хо-ханьем». Филин вступился за честь хозяина или, напротив, радовался шутке?

Впрочем, страдать и бояться долго парень не умел, он уже загорелся великолепнейшим подозрением. Заерзав и едва не сверзившись с терпеливо сносящей все его выходки и подергивания повода кобылы, попаданец продолжил расспросы:

– А уши? Какие у них были уши?

– Уши? – удивился нелепости темы Ригет.

– У них были острые уши? – выдохнул скрытый эльфоман.

– Нет, самые обычные. Я видел старые гравюры и статуи диев. Их облик мало отличен от моего, – жестоко растоптал дядюшка Денискины надежды на дальнейшее родство с дивным народом одним своим видом с совершенно заурядными, не острыми ушами. И, проведя свои параллели с болтливостью и длительностью жизни потомков первых созданий мира, велел: – Как въедем в Забытки, лучше молчите, чтоб ничего странного не сболтнуть и на кирпич не нарваться. Я снял комнату в трактире и сказал хозяину, что еду на тракт встречать родню из проходящего обоза.

– Это ты здорово просчитал, дядюшка! Не знал заранее, сколько родни на удочку поймает? – поддел старшего родственника Дениска, у которого все сильнее побаливала нижняя часть тела, а разговор хоть немного отвлекал от явных неудобств ночной дороги и нехорошего холодка, бродящего по хребту по той же причине.

Все-таки гулять ночью по улицам с фонарями, где никогда по-

настоящему темно не бывает, и ехать сквозь звездную глухую ночь – две большие разницы. Нет, у бабушки в деревне, к примеру, тоже ночами темно бывало, но та темень была своя, привычная, домашняя, можно сказать ручная, знакомо пахнувшая сеном и навозом. Самым опасным в ней было наступить впотьмах на бабушкиного Блэка. Пес мастерски сливался шкурой с окружением и обожал валяться в самых узко-поперечных местах на пути прямого следования к объекту WC.

– Я не знал, кого смогу дозваться: Лимей или ее потомка, – объяснил Ригет. – Обряд поиска смог указать лишь, что вне Вархета есть носитель родной крови. Потому я отправился сюда, к старому храму Зебата. В местах, где прежде ходили боги и звучали молитвы, двери открываются легче и теперь. К тому же повелитель смерти именуется еще и стражем последнего порога или просто порога, без уточнения, какой имеется в виду.

– Забытки это искаженное от Зебата? – тихо спросила Света.

– Именно так, – приятно удивился выводам и наблюдательности девушки дядюшка. – О том, чей тут стоял храм, и что именно храм, а не форт или крепость, в здешних краях и не помнит никто. Коротка у людей память, быстрее всего добро и страх забываются. Знают только, что соваться в развалины и поблизости бродить, особенно ночью, опасно.

– А... – хотела задать еще один вопрос племянница, но Ригет шикнул:

– Потом, подъезжаем!

Глава 2

Забытки и сон, который не сон

Деревенька, окруженная высоким частоколом, резко вынырнула из-за вильнувшей дороги. Светка с Дениской и заметили-то ее в общей неразберихе темных контуров лишь благодаря свету одинокого факела, вставленного в скобу у ворот.

На стук, предварительно проверив, не твари ли какие ночные ломятся в деревню, распахнул калитку ночной сторож. Патлатый парень позевывал так, что Светлана всерьез испугалась, не порвет ли бедняга рот.

Сонливость сельчанина боролась с любопытством и победила с разгромным счетом. Дядюшку сторож узнал, а касаясь его спутников с вопросами не полез. Лишь зевнул еще раз от души и скрылся в малой сторожевой башенке рядом с калиткой и воротами, сонно бормотнув: «Засов взад задвиньте».

– Тебе, что ль? – сдохмил Денис, но к собственному счастью, проистекающему из разницы весовых категорий и опыта кулачной борьбы, услышан не был.

Чтобы пройти в калитку, айтишнику пришлось спешиться, и обратно на лошадь парень забираться не стал. Бедро намял изрядно. Так и ковылял, не столько ведя кобылу в поводу, сколько опираясь на луку седла, а умная животиная сама следовала за жеребцом. На спине коня кое-как держалась Светка. Дядюшка, задвинувший засов на воротах, тоже шел пешком и указывал всей процессии путь, ведя жеребца в поводу.

Идти молча, ночью, когда смотреть особенно не на что, а ноги – как похмельный колобок и болят от пояса и ниже все целиком, Дэн не мог. Потому для отвлечения и развлечения принялся осыпать вопросами родственника:

– Дядя Ри, а чего ворота-то и забор вокруг села понаставили? Тут иначе не строят или зверье дикое с тварями ночами в пятнашки играет? Может, из храма те костяные красавчики в гости шастают?

Нервическое возбуждение от случившегося попаданства сказывалось на сдержанности, мало свойственной парню даже в спокойные дни, самым скверным образом. Проще говоря, если Светка дрожала и отмалчивалась, хлюпая носом, то у Дэна случился не контролируемый мозгом словесный п... поток, гарантированно перекрыть который мог разве что кляп.

Дядюшка, кажется, понимал состояние парня, потому отвечал. Ответил и сейчас, внося поправку:

– Ригет. Если язык в петлю свивается от имени, лучше вообще никак не зови. Мужские имена у нас сокращать не принято. По первому слогу только женщин можно кликать.

– Хм, прости, дядь. Ригет так Ригет, – повинился Дэн, бредя за родичем по пустынной и темной улочке с высокими заборами. Было тихо, лишь где-то сонно ворчал пес, выводила рулады пара спорящих котов, стрекотали сверчки и вдалеке ухал очередной крылатый помощничек Зебата Ойх. – Так все ж?

– Кругом лес, зверье разное водится. Но храм опаснее. Пусть и лежащий в руинах, он тянет к себе всех, в ком смерти более, чем жизни. Потому прав ты: ночами здесь всякое можно встретить, – сухо ответил родственник, останавливаясь перед широкой дверью в особенно массивном заборе.

Фонаря или факела тут не висело, зато имелась веревка. Подергав ее, дядя вызвал далекое треньканье где-то внутри постройки.

Очередной экземпляр патлатого и заспанного паренька, отличавшийся от сторожа у ворот лишь более subtilной комплекцией и рыжиной, впустил Ригета и его племянников во внутренний двор трактира. Мужчина кинул соне монетку. Открывальщик поймал мзду с удивительным проворством, а дядюшка коротко распорядился:

– О лошадях позаботься. Комнаты мои в порядке?

– Да, дир, все, как наказывали. Белье чистое постелили. Если ужин нужен, я кухарчонка кликну, – простимулированный денежными вливаниями паренек зашевелился живее и стал куда более услужливым.

– Нет, все утром, – отмахнулся Ригет, снимая седельную сумку.

Он помог Свете спешиться, бережно сняв девушку с седла, и повел племянников в трактир – приземистое двухэтажное здание. Первый этаж его был сложен из крупного камня, второй из бревен. Внутри ожидаемо оказалось темновато. Маленькая плошка с едва мигающим огоньком свечи до возможностей лампы недотягивала, а о звании люстры разве что грезил.

Пройдя через сумрачный зал с лавками и широкими столами, дядюшка и племянники поднялись по узкой скрипучей лестнице наверх. Ригет вынул ключ из небольшой сумки на поясе и открыл дверь, впуская Дэна со Светкой. Задвинув засов, мужчина прищелкнул пальцами. Сразу три свечи в медном канделябре, стоявшем на столе, вспыхнули. После ночи и крошечного огонька внизу их свет почти ослеплял.

– Дядя, ты колдун или это фокус такой? – растерянно удивилась Светка.

– Ха, чудачка! Кто ж он еще, если нас сюда вытащил? – еще больше дяди удивился глупому вопросу Дениска. Приземлившись на довольно узкую кровать, парень вытянулся на ней с блаженным стоном.

– И правда, – горько вздохнула девушка. – Я все думаю, что сплю и утром проснусь по будильнику.

– Прежде чем спать, смойте грязь. За дверью ваша комната. Воду в тазу и кувшине я подогрею. Мазь оставлю на столе. Помоетесь и ложитесь, кровать одна, зато большая, поместитесь. Все разговоры утром, – распорядился старший родственник ближайшими планами усталых племянников, ткнув пальцем в нужном направлении.

– Босиком гулять мы точно не пойдем, я все пятки где не отбил, там исколол, – согласился Дениска, нехотя поднимаясь с жесткого ложа, и от души зевнул.

Светка, взбудораженная всем происшедшим куда сильнее брата, поневоле согласилась с планами на ночь печальным кивком.

– Дядя, а нас с сестрой магии научишь? – спохватившись, потребовал парень ответа на самый главный для каждого уважающего себя попаданца вопрос.

Дядюшка поднял голову от сумки и прищурил глаза. Скрутив из пальцев экзотическую многоступенчатую фигу, каковой лично Дениска баловался только в детском садике на спор, Ригет глянул сквозь нее на ребят. Выдохнул то ли с облегчением, то ли разочарованно и огласил вердикт:

– Нет, у вас ни искры дара нет, пусто, может, в ваших детях загорится.

– У-у-у, – разочаровался мнивший себя почти великим магом и мессией Денис, а Света, напротив, успокоилась: она совершенно нормальна.

Дядя зажег в комнате племяшей еще один канделябр, подогрел воду в тазу светящимся облачком, поставил на стол маленькую баночку с мазью и затоптался на пороге, испытывая резкий приступ беспомощной вины от вида скорчившейся на стуле у кровати фигурки племянницы.

– Ложитесь, – еще раз пожелал он и, неловко кашлянув, добавил: – Восемь мне свидетели, вы – моя кровь, младшие родичи, я о вас позабочусь и защиту, без крова над головой и куска хлеба не оставлю.

– Лучше бы вы нас вообще не трогали, – отчаянно пожелала Светлана.

С проклятиями и кулаками на виновника всех сегодняшних потрясений девушка не набрасывалась, бурными упреками не осыпала, но

ее горькой безнадежности хватило, чтобы дядюшка счесал все ухо и разоткровенничался в попытке оправдаться:

– Случилось то, что случилось. Рассчитывая ритуалом вернуть домой Лимей или ее наследника, носителя амулета, я никак не ожидал, что врата распахнутся в другой мир. Никто в семье не мог предположить таких свойств старого артефакта. Скорее всего, правы оказались легенды, и предмет этот воистину был древним даром богини Алхой. Будь вы родом из любого уголка Вархета, я легко мог бы переправить тебя домой, но не из мира в мир... Прости, Свельта.

– Да что там, дядя, это все виноват всемирный закон великой пакости, именуемый законом Мерфи, помноженный на закон нашей родины: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». С такой мощной магией никто не справится! – сыронизировал Денис, пожимая плечами.

На нового родственника он не злился. Понятно, сразу племянникам дядюшка ничего не сказал и ни о чем спрашивать не стал. Охота ли взрослому мужику себя полным кретином чувствовать перед сопляками-племянниками? Вот и притворился: дескать, все заранее просчитано, учтено и идет по плану. Но за то, что сейчас на откровенность решился, Дэн записал старшему родственнику большой мысленный плюс.

– Помогите мне с завещанием, Свельта, Деньес, и я в ответ буду искать способ доставить вас в родной мир, коль таковым останется ваше желание, – попросил Ригет.

– Хорошо, – печально согласилась девушка.

Денис промолчал, вроде и не противореча страдающей сестре, но в то же время активно желая задержаться на Вархете подольше.

Пожелав ночного покоя, Ригет прикрыл дверь. Попаданцы умылись, потом в том же тазике вымыли ноги. Какой бы усталой и испуганной ни была Света, она ни за что не позволила бы брату лечь спать грязным с необработанными «ранами». Отпуск в деревне и общая привычка вечно шастать босиком по дому помогли Дэну выйти почти невредимым из забега по ночной дороге и прогулки по Забыткам. Сестру спасли вязаные тапочки на кожаной подошве с плотной войлочной стелькой. Они мужественно приняли на себя весь удар пересеченной местности.

Тем не менее синяки, шишки и царапины нашлись у каждого. Светка скрупулезно смазала травмы желтой мазью, остро пахнущей свежестью. Младшие потомки рода Керготов потушили свечи и улеглись рядышком на кровать. Вполне просторную, кстати, – с обеих сторон еще сантиметров по десять оставалось до края. Дэн расслабил мышцы с протяжным стоном облегчения, зевнул и тут же почувствовал, как вздрагивает кровать.

Светлана тихо плакала в темноте. Денис развернулся к сестре и сгреб ее в охапку, прижал к себе, забормотал неуверенно:

– Не унывай, сестренка, ну что ты ревешь? Мы вместе, теперь хоть поглядим, откуда мама к нам явилась, дядька мужик надежный, маг вон...

– Домой хочу-у-у, страшно, – залилась слезами девушка.

– Пока никак. Дядька не врал. Но как только, так сразу! В лепешку расшибусь, а если хочешь домой, то вернешься! – клятвенно пообещал Денис, не выносящий женских слез.

Светка вообще плакала редко. От физической боли вообще никогда, только от обиды и несправедливости. Вон как когда-то в школе, когда ей не зачили норматив по бегу. Она честно пробежала три километра, а новый физрук решил, что девчонка срезала дорогу на кроссе. Дэн тогда полез в драку за честь сестры. Разумеется, получил сдачи от опешившего мужика. И пусть бланш под глазом светился несколько недель, зато несправедливый козел из школы со свистом вылетел!

Объятия брата, его обещания, близость родного человека немного помогли. Света перестала лить слезы ручьем, только всхлипывала.

– И вообще, пока дорогу не отыскали, будем развлекаться! Чувствую, тут не только графика классная, но и сюжет – закачаешься! – попытался рассмешить и подбодрить сестренку парень.

– Качайся без меня! – попросила усталая Светка, но тут же, спохватившись, проворчала: – Хотя куда ж я тебя брошу, оболтуса!

– Ага, старшая на десять минут сестренка, – тихо рассмеялся Денис, бывший почти на голову выше близняшки, и погладил ее по голове.

Сестренка в ответ только легонько вздохнула. Сил не осталось даже на слезы.

Светлана думала, что не уснет после всех волнений, но ухнула в сон, как в речку с обрыва. Не ледяную, а по-летнему теплую, с неспешным течением, из которой по собственной воле на берег выбираться нипочем не захочется.

Она и плыла, и парила в чем-то текучем, быстром, теплом и удобном до тех пор, пока не услышала, как кто-то кашлянул. Глаза, прикрытые во сне, резко распахнулись, однако девушка не проснулась. Она оказалась где-то в жемчужно-сером ничто. Просто свет, без опор и иных декораций, лишь Дениска рядом – только руку протяни – и чуть дальше от них обоих какой-то тип в сером плаще с черным посохом. Его попаданцы видели лишь тогда, когда неизвестный начинал двигаться, а стоило попытаться приглядеться, чтобы различить детали, как глаза начало резать. Они заслезились, сдваивая, страивая и вообще превращая изображение в нечто

немыслимое. В один миг на месте головы незнакомца проступил скалящийся череп с ало-зелеными огнями в пустых глазницах, еще через мгновение он сменился туманом, потом ликом древнего старика, спустя долю секунды – мальчишки, мужчины с двуцветными серо-черными волосами, узким носом и резкими скулами... Калейдоскоп обличей завораживал до головокружения.

– Не следует смотреть в глаза бога, ребятишки. Если, конечно, вы сами не боги и не жрецы, – нравоучительно объяснил этот-это-эти и поочередно звонко щелкнул Светку с Дениской по лбу. После эдакой силовой терапии в заблудившийся среди образов разум вернулась частица способности к мышлению, а к юноше заодно и его неизменное любопытство.

– Вы кто? – нахально осведомился айтишник.

– Я? Зебат, – хмыкнул ничуть не возмущенный фамильярностью человека бог. С другой стороны, наверное, привык, что со Смертью все на «ты», потому как она различий и рамок не ведает.

– Повелитель мертвых и страж крылечка? – смутно припомнил Дэн.

– Последнего порога, – с усмешкой поправил неуча собеседник, переложив черный посох с набалдашником – резной головой филина – из одной руки в другую.

– Вы разве не ушли на какую-то битву? – припомнила обрывок поведенной давеча истории Светлана.

– Ушли, девочка. – Скрытая насмешка из голоса собеседника тоже ушла окончательно. – Мы закрыли порождениям хаоса путь на Вархет. Битва была долгой, но мы одержали верх, пусть и отдали для этого слишком многое. Слишком.

Серебристый свет вокруг потускнел, чутко откликаясь на настроение Зебата, закружились на периферии зрения сумрачные тени.

– Непомерно долго длился тяжелый бой. Всю мощь свою, все божественные дары мы бросили на весы победы. Теперь Восемь не могут вернуться. Ни прямых, ни окольных путей мы не оставляли, чтобы по нашим следам не прорвался враг, а новых теперь нам не проложить. Но вы – неплохой шанс для Вархета вернуть своих богов.

– Мы-то чем поможем? Мы вообще не местные! – удивился Денис за себя и за сестру.

– Потому и можете. Люди Вархета как губки пропитаны частицами сути мира, его магии и нашей силы, разлитой перед уходом на битву, дабы не оставить мир своим покровительством. В полный сосуд, где все смешалось, ничего не налить. Не годны нам и пришлые чужаки. Они как заткнутые пробкой фляги. Вы же, лишенные дара магии, но рожденные

дочерью Вархета, способны вместить в себя нашу силу, чтобы стать якорем, маяком и дорогой, по которой мы вернемся домой. Вы – пустые сосуды, которые можно наполнить и тем создать путь между великим ничто, где шла битва, и миром.

– А если у нас не получится? – неуверенно переспросила Света.

– Мы уйдем в другие миры, куда позовет дорога, – едва заметно повел плечами Зебат, побарабанив пальцами по посоху, резная голова ушастого филина сверкнула янтарными глазами. – Вархет же останется без покровителей. Не сразу, но остатки разлитой в нем божественной силы иссякнут окончательно, а следом уйдет магия.

– Значит, у нас квест! – азартно потер руки Денис и почти привычно принялся уточнять задание: – Что надо делать?

– Вы помечены порталом, распахнувшимся в моем храме. Потому мы смогли встретиться здесь, на перепутье. Вы впитали часть силы святилища, я дарую вам еще частицу. Вам надлежит побывать в храме Алхой и вобрать в себя толику ее силы. По этому маяку мы проложим дорогу и вернемся, – дал краткие и не очень понятные инструкции Зебат.

– Скажите, а для нас не опасно в такой маяк превращаться? – Светлана пыталась сконцентрироваться и выяснить подробности в пику брату, готовому на все, сейчас и побольше без долгих рассуждений.

– Нам нужен свет силы, а не кровь на алтарях, – фыркнул повелитель мертвых. – Потому получите!

Резко приблизившись, бог самым бесцеремонным образом пристукнул ладонями Светку и Дениску сзади по шеям. Зазвенело в ушах, горячая волна прошибла тело от затылка до пяток, закружилась голова. Света еще попыталась робко заикнуться:

– Вы сможете, когда вернетесь, отправить домой нас?

– Будет вам дом, – где-то в невообразимой дали ответил Зебат, скрываясь за туманной пеленой, а девушка проснулась от резкой пощечины, ожегшей щеку.

Над кроватью в рассеянном утреннем свете тревожно хмурился дядюшка, безжалостно хлеставший племянников по щекам и тормошивший их сонные тушки.

– Уй, дядя, больно же! Ты чего дерешься? – первым взвыл Денис, попытался неловко уйти из-под удара и в результате с грохотом ссыпался с кровати.

– Очнулись? – не скрывая облегчения, осведомился Ригет, заботливо осматривая Светку. Насчет Дениски, едва племянничек завыл и начал дергаться, дядя волноваться перестал. Тяжелораненные энергично метаться

и вопить не способны.

– Что-то случилось? – встревожилась девушка, приподнимаясь на локтях. До сих пор ее никогда пощечинами не будили: и повода не давала, и с нехорошими людьми, распускающими руки, знакомств не водила. Пусть и случалось в жизни всякое, в том числе ошибки глупые, но таких типов Света старалась обходить седьмой дорогой. Дядя в первые часы после встречи показался вроде как адекватным, извинялся за перенос, а значит, не должен был бросаться на племянников с кулаками ни с того ни с сего.

– Вы оба едва дышали и не просыпались, – скупно объяснил причину рукоприкладства Ригет.

– Это нас на аудиенции ваш Зебат задержал, – выдал Денис, вставая с половиц и потягиваясь всем жалобно взывшим после ночных нагрузок телом. Синяки и царапины мазь вылечила, а натруженные мышцы в интимных и не очень местах – нет.

Дядюшка от таких откровений нащупал рукой стойку кровати и аккуратно осел на матрац.

– Зебат? – хрипло переспросил он, сомневаясь, не ослышался ли.

– Он самый! Мутный тип без четкой наружности в плаще и с посохом. Квест дал! – похвастался Денис результатами сновидения. – Велел отправляться в храм этой... как ее... на букву «А». Забыл.

– Алхой, – тихо подсказала Светлана, поджимая ноги и прикладывая руку к горящей огнем щеке. То, что она, оказывается, видела один сон на двоих с братом и этот сон был вовсе не сном, сильно озадачило девушку. Тем не менее она больше не чувствовала себя такой потерянно-чужой, как вчера вечером. Что-то изменилось, или что-то изменила в ней ночная беседа с «мутным типом». Или бог своим подзатыльником что-то в ней переделал?

– Точно! Зебат сказал, что местные бутылки, то есть люди, не годятся для дела, зато мы – пустые сосуды и когда к его силе добавим силу Алхой, то засверкаем, как лампочки, и дорогу наметим. Тогда они, то есть боги, смогут вернуться. И если у нас ничего не получится, то уйдут куда-нибудь в другой мир, – добил дядю Денис новой порцией информации, потрясающей основы бытия.

– Он пообещал вернуть нас домой, если мы поможем им, – тихо добавила девушка. – Вы нас к храму Алхой проводите?

– Провожу, владения Керготов все равно по дороге. Поможете мне открыть замок и поедем к храму, один из древних стоит на землях Линдорг, граничащих с нашими. Я обещал вам вчера, Свельта, помощь и от своих слов не откажусь, тем паче теперь, – крякнул дядюшка.

Мужчина не подверг сомнению слова племянников. Пусть своей пастве в Вархете ни один из богов не являлся несколько столетий, Ригет понимал: собеседники говорят правду. Их транс и названное имя богини служили достаточными доказательствами. В то, что у пары лишенных магических даров ребятишек получится задуманное, он не очень-то верил, но привык использовать каждый малый шанс. Он клялся помочь племяннице отыскать дорогу домой. К тому же Вархет слишком долго был пуст без Восьмерых. Коль появился призрак надежды на возвращение ушедших богов, Ригет был готов помогать Деньесу и Свельте! Было бы совсем замечательно принять наследство Керготов, вернуть Восьмерых в мир и отправить племянников в их мир, к матери. Пусть дядюшка давно вырос из детского возраста и в сказки не верил, но шанс на достижение хотя бы одной из трех целей уже был стимулом к действию. Впрочем, тактика поедания слона по частям ему была превосходно знакома, дядя решил начать с малого: доставки племянников в родовые владения.

Ригет встал с кровати, кивнул на две скатки, аккуратно сложенные в ногах постели, и объяснил:

– Ваша одежда, сменная к ней и обувь. Лучшего и более точного по размеру в Забытках не найти. Одевайтесь и спускайтесь завтракать.

Глава 3

Завтрак вприкуску с чужими костями

Дядюшка вышел, Светка и Дениска принялись изучать свертки. Оценив внешний вид штанов, рубахи и чего-то, находящегося в отдаленном родстве с длинным жилетом, юноша выдвинул версию:

– Я так думаю, дядя хотел сказать «лучшее из худшего», но не захотел травмировать нашу нежную психику, бьющуюся в корчах после свиданки с богом.

Переведя взгляд на обувь – что-то среднее между ботинками и мокасинами (скорее все-таки мокасины, но с толстой подошвой), – Дэн почесал за ухом, в точности как недавно старший родственник, и кивнул, соглашаясь с собственными выводами. Переворошив скатку еще разок, парень принялся озадаченно советоваться с сестрой:

– Свет, тут должны быть портянки или носки? Ничего не найду.

– Зачем? – удивилась девушка, разбирающая свои вещи.

– Ноги без них сотрем в кровь, я читал, – объяснил брат и тут же пожаловался: – В армии не служил. Я портянки, если найдем, накрутить не сумею. Отец пару раз показывал, когда на рыбалку меня таскал, только я бесталанный по этой части. Надо дядьку звать.

– Дэн, это мокасины, пусть и мутанты. Их на босую ногу носят, – пощупав обувку, вынесла окончательный вердикт Света.

– А чего тогда Борька всегда свои с носками надевал? – не поверил аргументации Денис.

– Судя по запаху ног твоего приятеля, его носки вросли в кожу и не снимались. Может, он в них и спит и моется, – буркнула девушка. – Давай-ка одеваться, пока дядя не решил, что нас опять посетило видение, и не пришел с новой порцией оплеух.

– Да, завтрак! – вспомнил об актуальном парень и, подхватив одежду, ушел переодеваться в дядину комнату.

Света занялась своим комплектом «лучшего из худшего». Пусть выглядели вещи неказисто: серо-коричневый тон разной степени тусклости, но наделись без затруднений и наждачной жесткостью не обладали. Недо– или перемокасины, правда, отличались от земных аналогов не только подошвой, но и строением носка. Их пришлось шнуровать, как в детстве, но сели они по ноге хорошо. Девушка только

умиротворенно улыбнулась. Жмущую обувь она ужасно не любила, лучше уж великоватая на полтора размера, чем малая на половину, и не важно насколько, это красиво или некрасиво. Большие-пребольшие мозоли на пятках и пальцах раз за разом подтверждали правоту мысли до тех пор, пока модница-хозяйка не перестала экспериментировать с размером.

Еще Светлана мысленно порадовалась штанам в ворохе одежды. Слишком привыкла девушка к ним, чтобы влезать в платья, да и в дороге всегда практично предпочитала джинсы или брюки. Мешковатые штаны на завязках отдаленно напоминали летний вариант дачной «униформы».

Одевшись и похмыкав над новым имиджем, гордо поименованным Дэном «попаданец обыкновенный в бегах», родственники спустились в почти пустой зал трактира. Сели рядом с дядей за чистый, пусть и без скатерки, стол у распахнутого окна. Из него как раз открывался вид на улицу через растворенные настежь ворота.

Две кружки молока и две тарелки стукнулись с подноса о столешницу. По-хозяйски шлепнула ароматом в носы большая, еще шкварчающая жиром яичница с обжаренными сардельками, вероятно, являющаяся интернационально-универсальным блюдом многих миров. Дебелая подавальщица многозначительно улыбнулась дядюшке, скользя по тощему Дениске таким взглядом, что тот резко почувствовал себя не молодым перспективным специалистом, а выпускником детского сада «Солнышко», и уплыла, плавно покачивая бедрами. Парень проводил ее зачарованным взглядом и сглотнул слюну. Что-то аппетит разыгрался.

– Ешьте, нам в дорогу сразу после завтрака, – оповестил племянников Ригет.

Сам он расправлялся со шматком лишь прихваченного огнем мяса. Гарниром дядюшка не озаботился, предпочтя есть мясо с мясом и запивать его, судя по цвету жидкости в кружке, совсем не молоком.

– Дядя, а мы ведь на русском говорим, так почему всех вокруг понимаем? – попытался отвлечься от мыслей о выдающихся формах и божественных квестах Дэн своим излюбленным методом. То есть стал приставать к Ригету с бесконечными вопросами на посторонние темы, не пересекающиеся с гастрономическими.

– Когда-то давно я читал в академической библиотеке Бриса о вратах. Приходящие наделяются даром языка, родного вызывающему, – машинально пояснил элементарное правило древнего ритуала дядюшка, не отвлекаясь от трапезы. – Обратное тоже верно. Так было написано в одном ветхом трактате «О дорогах меж мирами».

– Это что ж, ты теперь русский знаешь? – округлил глаза Дениска.

– Нет, я о ритуале ухода. – Ригет скорректировал ответ без углубления в детали. – Перемещающийся в любом случае обретал дар к языку того мира, куда приходил, сам ли он следовал сквозь врата, или его перемещали.

– У вас настолько часто ходят, дядя, чтобы трактаты писать? А ты говоришь, нас нельзя домой отправить?! – укорила Светлана старшего родственника, часто заморгав, чтобы слезы не солили яичницу.

– Прежде ходили. До того, как Восемь покинули мир, – объяснил ничуть не пристыженный дядюшка, продолжая с аппетитом завтракать. Своим вчерашним извинением и обещанием Ригет закрыл вопрос с муками совести. – Теперь все границы заперты ими, чтобы твари изначального хаоса не сожрали Вархет. Древний медальон, позаимствованный Лимей из сокровищницы, заключал, возможно, одну из последних, если не последнюю безопасную дорожку. Мой ритуал не распахивал врат, он лишь творил петлю обратного притяжения, выявляя остатки старого следа, заставляя его ненадолго вспыхнуть и проявиться. К сожалению, восстановить такой отпечаток до полноценной тропы невозможно. Попытаться пройти вторично по такой призрачной тропе способен лишь безумец, ибо она можешь завести и в объятия хаоса, и в любой из множества миров, и к последнему порогу Зебата. Так невозможно предугадать, куда покатится капля воды, лежащая в ладони всадника.

– Круто звучит, дядь, только объяснять бесполезно. Светка все равно ничего не поймет, она в фэнтези, то есть магии, ни в зуб ногой. Вот если бы ты чего про возрастную психологию втирать начал, а так... – пожал плечами Дэн и бодро обратился к сестре: – Свет, я в здешней магии тоже нуль, но звучит логично. Влипли мы с тобой, сестренка. Походу, одна дорога осталась – попробовать сдать квест ночному мужику в плаще.

– Это возможно? – кисло, почти риторически спросила не у брата и дяди, а у всего Вархета бедная попаданка. Маяки, метафизические дороги для богов – все вышеперечисленное казалось практичной девушке чем-то слишком абстрактным для выполнения и во сне, не говоря уж об ощущениях в бодрствующем состоянии.

– Как называются задачи, не имеющие решения, вроде всесокрушающего ядра, долбящего по несокрушиму столбу? – вместо ответа наморщил лоб и постарался припомнить Денис.

– Кажется, парадокс, – вяло отозвалась Светлана.

– Во! Точно! Только в нашем случае *папандокс* получается размерами два попаданца на восемь богов! – провозгласил довольный удачной шуткой Денис. – А полный он папандокс, и тогда будет через первую «о» писаться, или все-таки решение есть – не попробуешь, не узнаешь. Предлагаю

пробовать! Все равно выхода другого нет.

– Попробуем, – нехотя согласилась сестра, возвращая внимание пище и пробуя молоко. Пусть нет желания есть, но завтрак – главная трапеза дня и должен быть полноценным.

– Правильно, завтрак съешь сама, обед раздели с другом, а ужин отдай врагу, – напомнил старую поговорку Денис.

– Замечательно сказано, – удивился Ригет краткой разумности высказывания, мало похожего на обычную болтовню племянника. – Обеденный стол, сложенный из общих с другом припасов, будет разнообразнее, а обменявшись ужином с врагом, получишь неплохой шанс избежать отравы.

– Э-э... ага, – только и смог хлопнуть ресницами парень в ответ на столь оригинальное толкование привычных слов.

Пока решались метафизические, парадоксальные и языковые вопросы, парочка назойливых мух решила, что яичница на тарелке у Светы доставлена исключительно по их заказу. С противным жужжанием насекомые приземлились грязными лапами на чистый глиняный ободок.

– Кыш, пошли прочь, – сердито нахмурила брови Светка и замахала свободной от кружки с молоком рукой. Мухи нагло проигнорировали приказ. Денис благородно пришел на помощь сестре. Грозно сведя брови, парень наставил на мух палец, призвал:

– Встали и пошли! Кыш, пока ее еду не затоптали! – а потом ловко погнал насекомых прямо в открытое окошко энергичным взмахом руки.

Обиженные мухи с вертолетным гудением устремились прочь, в сторону конюшни. Наверное, конский навоз показался им более перспективным блюдом. Да и двуногих конкурентов на него не имелось.

– Ты мой герой, храбрый портняжка! – умилилась Светка, взялась за ложку (почему-то вилок им не подали) и пристально осмотрела ее. Деревянная, но чистая, не пахнет ничем, кроме дерева. Нож тоже выглядел приемлемо: ни жира, ни ржавчины на лезвии. Утешительно-гигиенический вердикт примирил девушку с отсутствием более удобных приборов, и она принялась завтракать. С большей частью вполне съедобного завтрака попаданка успела справиться до того, как с улицы послышались по нарастающей дикие крики.

– Мертвые идут! Мертвяки с погоста разом встали! Спаси Восемь! Сюда идут! А-а-а! Где Огатит?

– Здесь такое часто? – мгновенно заинтересовался Дениска, в светлое время суток не боявшийся никаких квестовых мобов низких рангов. Зомби с погоста – это фигия, если бы хоть лич... Что удивительно, Светка тоже не

запаниковала. Впрочем, сестра, скорее всего, вообще не поняла сути происходящего.

– Днем? Никогда не слышал... – нахмурился дядюшка и привстал из-за стола, пытаясь сориентироваться в обстановке, определить объемы нагрянувшей беды и степень ее серьезности.

В двери трактира вкатился одышливый пузан в бежево-желтом, с лоснящейся не то жиром, не то потом, и притом совершенно лысой головой. Из-за этой особенности определить, где из шеи и подбородка вырастают щеки и в каком месте они переходят в иные части лица, не представлялось однозначно возможным. Маленькие красноватые глазки-изюминки заматались по сторонам. Сизый нос-картошка зашевелился.

– Так вот ты какой, подросший колобок, – с тихим умилением прокомментировал Дениска. И Светка, привставшая было вслед за дядюшкой, буквально рухнула назад на скамью, содрогнувшись в приступе нежданного хохота.

– Мизай, пива мне, да поживее! – повелительно гаркнул неожиданным басом толстячок.

– Да, дир Огатит, несу! – Подавальщица и впрямь почти выбежала, торжественно неся перед собой, как эстафетную палочку, большущую, полуторалитровую, не меньше, кружку.

Толстяк резко выдохнул, отчего в зале повис густой сивушный запах парфюма «Утренний алкоголик», и опрокинул кружку надо ртом. Горло задвигалось, пиво пенной рекой перетекло в благодарно булькнувшее пузо.

Тем временем паникующая толпа, видимо, по наводке кого-то из сведущих в местонахождении запойного колобка, подвалила к трактиру.

– Дир Огатит! Мертвецы! Упокойте их! – с шумом и вразнобой, но очень эмоционально потребовали народные массы от толстяка.

Под шумок Ригет и его племянники выскользнули из залы трактира и вышли за ворота на опустевшую улицу. Пусть Забытки и стояли неподалеку от развалин храма Зебата, но встречаться с паствой повелителя мертвых местному люду ничуть не хотелось. Хотя паники не было, или она носила очень деятельно-практичный характер. Жители доложили о проблеме магу и теперь загоняли живность по сараям и баррикадировались в своих жилищах. Хлопали окна, ставни, двери и ворота. Светка увидела, как какой-то дюжий мужик затаскивает за загривок в дом ничего не понимающего огромного дворового пса. Дверь с треском захлопнулась, лязгнул засов.

– Может, и нам в трактир вернуться? – неуверенно предложила девушка.

– И не увидеть ничего интересного? – до глубины души возмутился Денис.

– Пока опасности нет. Днем мертвые, если они действительно восстали, малоподвижны, – объяснил дядюшка. – И маг сейчас ими займется.

– Такой колобок и без магии их назад утрамбует, стоит только покатиться по земле, – с нарочитым почтением поддакнул Дэн и, сбивая всю торжественную уважительность речи, не удержался от хихиканья.

Хотел было еще что-то остроумное добавить, да объект шутки уже вышел за ворота трактира. Глянул на любопытствующих неместных зевак, но гнать не стал. Охота рисковать и глазеть, пусть их. Убежать, коль страх за горло возьмет, успеют. Все ж дневная пора.

Из-за поворота деревенской улицы слышалось нарастающее шарканье, скрежет и пощелкивание. Ничего общего эти звуки с птичьим пением или шумом, издаваемым зверьем, не имели. Словно какой-то разгильдяй тянул разом несколько волокуш с плохо сделанными или сломанными погремушками. Маг утвердился на ногах-тумбах покрепче аккурат посреди дороги и, наставив на поворот некую фигуру, напоминающую скрученную давеча дядюшкой фигу с перекосом влево, забормотал что-то под нос.

Вот показались первые из гостей с погоста в истлевших одеяниях, шаркающих на темных от времени костях. Они подергивались, словно марионетки из театра ужасов в руках неумелого кукольника.

Едва Светка завидела шаркунов, как изо рта сам собой вырвался визг. Тонкий, звонко-пронзительный и, как и минувшей ночью, удивительно костедробильный. Послышался грохот осыпающихся костей, и все стихло. Только где-то заскребся и звонко залаял молчавший до этой секунды пес.

– Грубовато сработано, девочка, на сырой силе связки в нашем искусстве плести – себя не жалеть. – Самодовольный колобок прекратил крутить фиги и со снисходительным неодобрением обозревал кучки костей на дороге.

– Правильно, ишь намусорила, – неожиданно поддержал мага Дениска. – Чуть что – сразу визжать! Нет бы стоять смирно и за работой местного профи наблюдать. Дир Колобок, то есть Огатит, наверное, этих ребят заставил бы на кладбище самих идти, да еще метлы в руки дал, чтоб они за собой землю с улиц убрали.

Произнося сей спич, парень всю размахивал руками и не успел заметить, как зашевелились и заскрипели вновь обретшие жизнь кости. Огатит начал медленно пятиться, бормоча под нос все более быстро и вновь выкручивая с двух рук все более мудреные фигуры. Процесс сбора

костяков чуть-чуть замедлился, но не остановился. Один раз маг обернулся в сторону открытых ворот на трактирный двор, будто намечал путь отступления.

Костяки шли молча и упрямо. Огатит выдохнул сквозь зубы что-то явно не магическое, а ругательное и, на секунду прекратив выписывать фиги, полоснул костяшками пальцев по бляшке на своем поясе. Это, конечно, был не столько предмет, перетягивающий талию, сколько линия, обозначающая экватор. Зато ремешок служил Огатиту в качестве переносного рабочего стола. Подвешено к нему на кольцах было немало всякой всячины, в которой хозяин ориентировался на ощупь, потому как разглядеть что-то из-за собственных габаритов вряд ли был способен.

Итак, сцарапанные и смазанные растертой кровью пальцы снова пришли в движение, бодрость мерно тащившихся по улице мертвецов заметно упала. Они замедлили ход. Огатит снова выругался, видно, рассчитывал на более действенный результат, и буркнул дядюшке с племянниками, оставшимися единственными не спрятавшимися наблюдателями в Забытках в пределах видимости:

– Отходите, с трудом их держу. Отзыв на полный упокой не срабатывает. То ли поднял их какой неумеха криво, то ли сила мастера поболее моей будет. Придется, видать, по старинке – жечь с ритуалом.

– Чего спешить-то? Может, Светка все-таки снова на грубой силе повизжать попробует? – находчиво предложил Дениска. – Эй, Свет, попробуешь?!

– О? – заморгала дезориентированная девушка, пытаясь сообразить, чего от нее хотят.

Вместо ответа Денис потянулся и легонько ущипнул сестру за предплечье. Та взвизгнула, мертвецы вздрогнули и пошатнулись.

– Действует! Давай, сеструха, визжи, да погромче!!! – возликовал парень.

Света подняла неуверенный взгляд на дядюшку.

– Попробуй, Свельта, – разрешил тот, заметно хмурясь. То ли не любил мертвяков, то ли в душе его давали всходы семена недобрых предчувствий.

Больше упрашивать не понадобилось, племянница прикрыла глаза, сжала ручки в кулачки и с чувством заголосила, выплескивая все возмущение тем, что те, кому полагалось спокойно лежать в земле, вздумали бродить среди бела дня. Нет, почему-то мертвяков девушка больше ничуть не боялась. Но они здесь и сейчас, на мирной тихой улочке деревушки с таким русским названием Забытки, казались ей неуместными. Станным было это чувство. Света раньше никогда ужасиков не жаловала,

тем паче про зомби. Истории про пожирающих мозги мертвецов казались ей абсурдно-тошнотворными. Куда с большей охотой девушка смотрела мультфильмы и мелодрамы.

Воздействие звука на потусторонние создания прошло в штатно-разрушительном режиме. Стук осыпающихся костей возвестил об успешности эксперимента.

– Хм, редкой силы дар упокоения, – тоном знатока, пытаясь скрыть облегчение, покровительственно пропыхтел толстяк, больше не оттопыривая брезгливо губу и не цедя слова о «грубоватой работе». – От толики проблем ты меня избавила, юная дира. Учишься где?

– Я как раз своих племянников для того от сестры и забрал, – прежде чем растерявшаяся Света успела что-то ответить, пояснил Ригет.

– То дело, – кивнул собеседник.

– Теперь, когда все упокоились, ты бы, дир, сельчан кликнул, пусть на погост кости вернут. Нам в дорогу пора, и без того задержались, – посоветовал Ригет, крепко ухватив племянника за локоть, и махнул у толстяка под носом рукой, демонстрируя толстый серый браслет на левом запястье с мудреными не то знаками, не то насечками.

– Да-да, спасибо, что подсобили, – резко растеряв изрядную часть своего гонора, закивал маг, уважительно скосив глазки на браслет, и покатился назад в трактир, бормоча на ходу: – Надо бы в Стражью службу отписать в Брис или сразу в столицу. Виданное ли дело, чтоб на дневных мертвяков малый канон покоя не подействовал?..

– Дядь, а чего у тебя за браслет такой на руке? Магический? – немедленно влез Дэн.

– Знак мага, отслужившего четверть века в наемных отрядах, – усмехнулся Ригет и напомнил племяннику: – Нам пора.

– Что, завтрак доедать не будем? – разочарованно протянул Денис и хотел было махнуть свободной рукой, но оказался перехвачен взметнувшейся конечностью Ригета.

– Деньес, ты ручками больше не маши попусту, не надо, – тихо и твердо посоветовал племяннику дядюшка, зыркающий по сторонам так же настороженно, как только что маг Огатит. Хотя из трактира доносился возбужденный шум благополучно переживших опасность забытчан.

– Что такое-то? – удивился айтишник неожиданному посягательству на свободу жеста.

– То самое! Свяжу, пока до сельчан не дошло, по чьей команде их предки марш устроили, и они не додумались осквернителю шаловливые руки по локоть отрубить, – сердитой змеей прошипел Ригет.

– Но не мог же Дэн их... – начала привычно оправдывать брата Света, как всегда отмазывала его перед соседями после очередного хулиганства.

– Я верю своим глазам, Свелта. Твой брат поднимал мертвых мановением длани, ты упокоевала. Без заклинаний. Надо быстрее убираться из Забыток.

– Мне что ж, теперь вообще руками шевелить нельзя? – восторженно выпалил Денис, радуясь привалившему таланту. Ведь еще вчера вечером дядя утверждал, будто у попаданцев нет никакого дара! Ошибся!!!

– Пока не разберешься, как у тебя что получается, – нельзя, – отрезал Ригет, запутавшийся в происходящем, но подозревающий в непосредственном участии не только собственного племянника, но и покинувшего пределы Вархета покровителя мертвых. Тяжело вздохнув, дядюшка досадливо крикнул: – Все-таки придется выкупать повозку! Сплошные расходы с вами.

Парочку живых проблем дядя лично отконвоировал до комнат в трактире, велел сидеть там и носа наружу не высовывать, а сам исчез минут на двадцать, чтоб забрать у деревенского лавочника транспорт, к которому приценивался на всякий случай еще ранним утром.

Повозка – четыре колеса, выцветший тент из плотного некрашеного полотна, в общем, на Светкин взгляд, что-то в стиле поселенцев Дикого Запада – досталась прижимистому Ригету по дешевке из-за сильной вони.

Нерасторопный сынишка местного торговца умудрился разбить в фургоне бутылку с дешевым и оттого особо популярным в небогатых Забытках средством от насекомых. Хорошо ли оно травило гнус в малых пропорциях, Ригет не знал, но забравшись в фургон на пару минут, чтобы осмотреть товар изнутри, одно мог сказать наверняка: из повозки точно ушло все живое. Могли бы уползти даже доски и тент на деревянных обручах – запах внутри стоял невообразимый, и никакие проветривания, из-за которых, собственно, дядя приметил фургон в соседнем дворе, бывшему владельцу не помогли. Ярко-фиолетовый раствор очень удачно залил повозку, потому та не подлежала даже частичной переделке. Зато великолепно помогло одно довольно заковыристое по плетению и емкое по силе заклинание, выученное когда-то ради сокрытия следов разведчиков, приготовленное и не понадобившееся вчера при отступлении с развалин.

Ригет применил чары сразу, как рассчитался с торговцем, прикатившим повозку к трактиру. Чтобы продать некондиционный транспорт, мужик был готов тащить его и за ограду Забыток на своем горбу.

От магического воздействия вонь исчезла мгновенно, постепенно начали выцветать, приобретая вид цветочного рисунка, фиолетовые пятна.

На несколько дней силы заклинания должно было хватить, а потом или новое накладывать, или повозку продавать.

В фургон с легкостью поместилось трое, весь скромный скарб попутанцев, соломенные матрацы, прикупленные у трактирщика, вещи дяди и немного съестных припасов.

Избавившись от запаха, Ригет больше ничего проверять в средстве передвижения не стал, о чем пожалел практически сразу. Уезжая со двора трактира, повозка столь рьяно скрипела передней осью, будто рыдала девица, прощаясь навеки с любимым. Дядюшка все равно не задержался, только сквозь зубы пообещал на первом же привале использовать смазку, а пока плеснул на ось водой из фляги.

Кобыла, прозываемая почему-то Петрушкой, и жеребец, названный в пару к товарке Укропом, играючи потянули повозку. Лошадки бежали рядом слаженно. Явно не впервой им было менять седла на такую упряжь.

Огатит усердно праздновал избавление Забыток от мертвой напасти вместе с ликующими односельчанами. Он отсалютовал путешественникам поднятой вверх кружкой-бочкой в правой длани и толстой сарделькой, зажатой в левой. Но выпить вместе, поделиться гонораром или частью славы, оповещая людей о заслугах проезжих, не позвал. Чего там этого пива? Ему одному-то едва хватит горло промочить!

– Колобок, – Денис не удержался и фыркнул, вспомнив прозвище, данное магу.

– Он храбрый, – уважительно протянула Светлана. – Не мог мертвых остановить, а все равно не сбежал. Выход искал, о нас беспокоился.

– Его призвание требует силы духа, без этого магии не бывать, а уж что пиво кружками хлещет и жрет без меры, так то его выбор, – философски согласился Ригет, сидевший на месте возницы.

Когда выяснилось, что племянники не только держаться в седлах не умеют, а и править повозкой не в состоянии, дядюшка только обреченно вздохнул и взялся за работу сам. Но взгляд, брошенный на парочку неudelков, был многообещающим. Он словно говорил: «Вы у меня всему научитесь, чему захотите, и чему не захотите тоже научитесь».

Пока же Ригет правил, а Дэну со Светой предоставил умеренную свободу передвижения: хочешь, беги за фургоном, хочешь, сиди рядом с дядей на облучке. При желании еще можно было дышать свежим воздухом и пялиться на убегающую вдаль дорогу через откинутый для проветривания матерчатый задник повозки. Племянники дружно выбрали последний способ времяпрепровождения.

Глава 4

Тайна черной метки

Ригет вовремя подсуетился. Выехать из Забыток удалось без проблем. Никакие сердитые типы, жаждущие вырвать Дениске руки, дорогу не преградили. Повезло, что ни Огатит, ни кто другой сопоставить появление чужаков и мертвяков не удосужился. Скорее всего, местные были привычны ко всяким пакостям, преподносимым им родным краем, и относились к ним философски. Или, если судить по веселым крикам и стуканью кружек, доносящимся из трактира, принимали как повод лишней раз отпраздновать счастливое избавление от очередной напасти. К тому же, как подумалось Светлане, напасти приключались в Забытках куда чаще, чем путники.

– Дядь, а объяснить? Как мы мертвякам ваньку-встаньку устроить смогли? – не утерпел первым Денис, когда повозка минут десять катила по проселочной дороге. – Ты ж сам говорил, у нас со Светкой дара нет. Или мы за одну ночь вдруг магами заделались?

– Это невозможно. – Неподдельно удивившись дикому предположению о стихийном возгорании искры дара из ничего, дядюшка на миг обернулся, и племянничек полюбовался его скептически вздернутой бровью. – Но этой ночью вы встретили на дороге сновидений бога. Именно эта встреча изменила расклад. Когда восемь богов еще ходили по нашему миру, жрецов избирали себе они сами и даровали им свой знак. Получивший метку избранник обретал и толику божественной силы или возможность черпать эту силу. Теологи и тогда расходились во мнениях, и поныне не могут прийти к единому взгляду. Что до меня, то я считал и считаю магов мастерами, научившимися черпать из потоков силы мира черпаком, вылепленным из искры дара. Чем она больше, тем более силы способен взять маг для того деяния, к которому имеет склонность.

– Ага, значит черпаки-искры еще и разного качества у разных людей? – попытался подхватить мысль дядюшки Денис.

– Именно. Потоки силы – просто вода, но какой она станет и сколько ее можно взять – все зависит от одаренного, – согласился с выводом Ригет.

– У жрецов получается иначе? У них другие «черпаки»? – заинтересовался Дэн, хмуря светлые брови в попытке выстроить личные представления о новом мире.

Света только слушала их разговор о магии и сама себе удивлялась. Еще вчера, после приземления на каменных плитах развалившегося храма, ее потрясло, пугало и шокировало практически все: от оживших скелетов до странного типа, назвавшегося родным дядей. Сегодня все новые условия, люди и нежить воспринимались как само собой разумеющиеся детали картины мира. Изменилось все. И теперь девушка смогла в мыслях четко поймать момент, с которого начались изменения. Отправной точкой стала беседа с Зебатом. Горячие пальцы бога легонько щелкнули ее по лбу, и она стала другой. Неужели это все случилось из-за прикосновения божества, попросту говоря, после божественного щелбана? Как бы то ни было, а девушка мысленно поблагодарила Зебата за возможность сохранения рассудка.

– У посвященных после благословения бога открывался внутренний родник силы. Не было нужды черпать ее извне. Напротив, сила изливалась в мир через жреца, – промолвил дядюшка.

– То есть одни изощраются, чтобы сделать себе ковши пошире, и локти грызут, если они не того цвета, как надо, а другие просто получают звание жреца и личный родник силы от прикосновения бога? – почти возмутился проявлению магической дискриминации Денис.

– Не просто. Жрецом прежде стать было куда сложнее, чем магом. Боги непредсказуемы в своем выборе, во всяком случае, непредсказуемы людьми, – задумчиво поделился соображениями с племянниками дядюшка. – В одном старом трактате из замковой библиотеки мне попались любопытные рассуждения о природе и круговороте силы Вархета. Восемь дарили миру чистую божественную силу и позволяли заимствовать ее своим избранникам. Преобразованная жрецами, энергия вновь возвращалась миру, измененная до такой степени, которая делала ее доступной для восприятия магов. Из этого потока они и черпают для творения заклинаний. Молитвы же людей есть, по сути, еще один тип силы, которая возвращается к богам, чтобы стать частичкой божественной силы.

– Ничего не понимаю, – честно протянула Света, из всех сил пытавшаяся вникнуть в сказанное дядей. С каждым словом маленькой лекции девушка все отчетливее понимала, что напрасно она так не любила физику и высшую математику. В сравнении с дядюшкиными выкладками учебники по этим предметам вообще читались бы, как сказочка «Теремок» для малышей.

– Слушай, Свет, это как с розетками, переходниками и адаптерами. У богов вроде как просто молнии – сила такая, какую человек никак не освоит. Поставят ему переходник, то есть жрецом сделают, сможет чуток

забрать и по проводкам дальше пустить до тех розеток, к которым маги подключаются, – перевел свои рассуждения на тему магии в сферу электрификации Денис.

Светлана задумчиво нахмурилась, переваривая чуть более понятную информацию, а парень увлеченно продолжал беседу с дядей:

– Круговорот магии в природе получался, с пробкой-спуском через магов. А теперь, если богов рядом нет, некому поставлять силу жрецам, некому их метить, а помеченным со временем нечего станет преобразовывать и сливать в мировой океан энергии для обычных магов. Значит, рано или поздно магическая сила мира иссякнет. Если, конечно, боги не вернутся, чтобы запустить процесс сызнова.

– Твои суждения совпадают с моими, – поскреб за ухом Ригет. Найдя достойного собеседника с новым взглядом на старую проблему, мужчина заметно оживился. – Уже сейчас для по-настоящему емких по силе заклинаний период создания увеличился втрое. Я специально интересовался давними расчетными листами в академии. Но мало кто хочет этому верить и об этом думать. Может, и к лучшему. Мы, уроженцы Вархета, все равно ничего изменить не в силах, а кому нужна паника? Проще думать, что вырождаются сами маги и им не по силам тягаться со славными предками. Я не ведаю, жив ли ныне на Вархете хоть один из истинных жрецов, избранных для служения богами. Скорее всего, все они шагнули за последний порог. Слишком давно по нашим меркам ушли Восемь.

– Ага, зато мы со Светкой в этом уравнении дополнительными переменными появились, – сообразил Денис, больше не глазеющий на дорогу. Теперь парень весь развернулся к дядюшке. – И что, раз мы что-то с мертвяками творить начали, а магической силы нет, значит, Зебат нас через вчерашний сон к божественной сети подключил?!

Полностью смысла речей племянника дядя не понял, но основную нить рассуждений уловил и, цокнув языком, заговорил о важных деталях, касающихся посвящения у повелителя смерти:

– Избранники Зебата получали от бога священную метку – знак Ойха. Каждый из старых жрецов имел. Если вы воистину встретили повелителя мертвых, то...

– То метка должна была появиться и у нас, – азартно закончил за дядюшку Денис. – Где ее искать? И точно ли нас это... посвятили?

Ригет развернулся к племянникам, еще раз пристально осмотрел их и заключил:

– Искры магического дара в вас нет, как не было. Вместо него пляшет

пламя призрачного огня. Пропадет, появится, снова исчезнет. Будто один костер на двоих поделен.

– Так вот какую силу Зебат нам ночью обещал и как удружил?! – догадался парень.

– Если он сделал вас своими жрецами, то метку следует искать на коже, – настойчиво повторил дядюшка.

– Черную? – ляпнул насмешливо Дениска.

– Черную, – поразился осведомленности племяша Ригет.

– Что, прямо череп с костями на ладонь? Или череп со змеей? – восхитился айтишник. На всякий случай он принялся пристально разглядывать обе собственные руки, начиная с ладоней и выше. При этом Дэн все отчетливее ощущал себя Билли Бонсом или кем-то из компании упсов.

– Нет, я же сказал, метка Ойха. При чем здесь череп и змеи? Знак Ойха выглядит, как изображение птицы, – изумился странности версий дядюшка, бросив на племянничка взгляд, исполненный сомнений в его душевном здравии.

– Где искать метку, дядь, ты, часом, не знаешь? – Дениска, тщетно обследовавший руки, особенно район предплечья, не унимался. Ему не терпелось провести детальную проверку дядюшкиной версии. Кроме того, очень хотелось надеяться, что юмор у повелителя мертвых если и есть, то не настолько изощренный, чтобы поставить новичкам штампики на ягодицах.

– Сейчас жрецам любого из Восьмерых татуировку ставят на запястье, чтобы все видели метку. Раньше знак появлялся в том месте, где бог касался своих служителей, принимая их посвящение, – выжал из памяти о древних свитках более конкретную информацию эрудированный родич.

– Он нас по лбу щелкал и по шее бил, – потерянно встала Света, запуская пальцы в растрепанные перышки светлых волос.

– На лбу ничего! Голову брить не дам ни себе, ни Светке! – тут же возмутился Денис, будто и не горел минуту назад желанием узреть метку на теле.

– Под волосами не ищите, метка должна быть для взора доступна. Потому грудь, руки осмотрите. Картинка невелика, с монету размером, – припомнил дополнительно все, что знал о жрецах и метках посвящений Ригет.

Денис скинул с себя рубашку и, жертвуя телом для эксперимента, предложил:

– Светка, ищи!

Загорелое худощавое тело брат татуировками не портил, потому никаких рисунков Света, как ни старалась, ни на груди, ни на спине, ни на плечах не нашла.

– Может, все-таки под волосами, – приуныл Денис, повесив буйну голову, и тут сестра ойкнула:

– Сзади, на шее. Почти и не видно, если не приглядываться.

Татушка оказалась совсем не черной, а темно-темно-коричневой и местами чуть бежевой. Голова симпатичной клювастой и круглоглазой птички с забавными ушками-кисточками. Оказывается, именно так выглядел филин Ойх, чьи крики слышали два попаданца в ночи.

Светка выдохнула с облегчением, очень не хотелось бы иметь на теле изображение черепа в вариациях. В общем и целом, девушка противницей татуировок была по двум причинам: во-первых, через ранки легко можно было занести инфекцию, во-вторых, знала, что татуировки со временем теряют форму. Быть похожей на растянувшуюся после стирки тряпочку не хотелось категорически. Но Зебат спрашивать разрешения у двух свеженазначенных в одностороннем порядке жрецов не стал. Пришел, шлепнул, дал, как выразился Дэн, квест и удалился в серый туман. Наверное, сделал так, как и принято поступать у богов. Осталось только рассчитывать на божественную природу татуажа, который не подвергнется возрастным изменениям.

– Эй, значит, если у нас есть метки, то мы со Светкой жрецы? А если я жрецом быть не хочу? – принялся в шутку возмущаться божественному произволу парень.

– Как увидишь в следующий раз Зебата, ему скажешь, – флегматичноотреагировал дядя на негодующий спич парня и серьезно (видно, много успел передумать после утреннего рассказа о ночных похождениях племянников в мире сновидений) заметил: – Речь не о вашем достоинстве как кандидатов в жрецы, повелитель смерти просто нашел самый эффективный способ напитать вас своей силой для исполнения порученной миссии.

– Ну да, он сказал, что никто из здешних не годится, – припомнил Дэн.

– Дядюшка, значит, боги ушли, но храмы остались, и жрецы, пусть непосвященные, без меток, тоже есть? – для начала уточнила Света.

Ригет лишь кивнул, натягивая поводья, чтобы направить пару лошадей по менее наезженной дороге. Петрушке и Укропу туда сворачивать не очень-то и хотелось, но воле хозяина они подчинились.

– Почему тогда здешний храм Зебата в развалинах? Землетрясение или люди разрушили? – озадачилась девушка.

– Потому что рыцари смерти и их мертвые гончие одними из первых почувствовали уход господина и обезумели, – мрачно пояснил дядя. – У других богов помощники и служители не столь опасны. Их храмы не подверглись сокрушительной атаке изнутри.

Света на миг зажмурилась, пытаясь представить, каково пришлось жителям мира, когда те, на кого они привыкли полагаться во всем, покинули мир, оставив храмы на попечение всего лишь жрецов и каких-то своих сверхъестественных помощников. И те, которые должны были бы защищать, вдруг превратились в угрозу. Представлялось с трудом, но развалины и скребущиеся по камням руки скелетов были более чем красноречивым доказательством происшедшего.

Что-то подобное, наверное, вообразилось и Денису, заторопившемуся с новым вопросом:

– Дядь, а пуганый народ после таких представлений от Зебатовых мертвяков все храмы без разбору громить не начал?

– Нет, – удивился странным выводам племянника Ригет. – Боги покинули Вархет, но их посвященные с метками, дарованными богами, остались. Память и сила поначалу были крепки, пусть божественные чудеса более не случались, но служители Восьмерых все еще обладали дарами богов. Потом, когда за последний порог ступили и они, осталась память, подкрепленная верой и традициями. Для нас, людей Вархета, – ожидание и молитвы о придании силы богам в их великой битве. Восьмерым – страшное сражение за наш мир, жизни и души.

– Как у вас все сложно, – выдохнул Дениска, мало впечатленный драматической речью дяди. Наверное, чтобы проникнуться ею, следовало родиться на Вархете и не читать столько книг классического фэнтези старого разлива, пропитанных патетикой и героизмом от корешка до последней странички.

Света хоть и не рождалась здесь, и не читала, но после рассказа о метках заволновалась. Татушка на затылке неожиданно показалась не забавным украшением, а радиомаяком, по крайней мере, правительственного уровня или красной кнопкой от черного чемоданчика. И ощущать себя чемоданчиком особого назначения было как-то неприятно и жутковато. Денис-то, как обычно, включился в новую игру и ничем голову не грузил. Светка же, хоть и отличалась легким смешливым характером, привыкла думать за обоих. Нет, Дэн заботился о сестре и всегда бросался на ее защиту, но планировать что-то крупное не умел совершенно, потому что играл с собой и со всем окружающим всегда и везде.

– Кстати, а другие могут, как ты, дядь, увидеть, что мы не маги, а жрецы? – вдруг спохватился Денис.

– Вряд ли, если не будете каждому встречному тыкать под нос свои затылки с метками. Такое, как у вас, носили лишь истинные жрецы богов, получавшие посвящение из дланей богов. Такие жрецы чувствовали друг друга. Но я говорил, что благословленные Восемью не могут жить вечно. Теперь знак жреца не возникает по воле бога, а делается мастером татуировки при посвящении в сан. Таких меток, как ваша, нет больше на Вархете. Никогда не встречал я и такой разделенной надвое силы. Будьте осторожнее, особенно ты, Деньес. Дар Свельты не столь опасен, как твой. Придется осваивать его как можно быстрее.

– Как? У тебя учебника не найдется или, на худой конец, методички? – заинтересовался парень.

– Будешь пробовать в безлюдных местах, рядом с сестрой, недаром повелитель мертвых силу на двоих поделил, контроль упокою твоей сестре оставив, – выдал элементарную инструкцию предусмотрительный дядюшка, деля внимание между дорогой, лошадьми и прытким племянником с опасными задатками. – Но упаси тебя Зебат размахивать руками попусту, пока не поймешь, как посыл силы делаешь и сколько откуда черпать.

– То есть методички нет, только опытным путем, – крикнул Денис и замолчал, чуть приунывши.

– Вспомни, как с погоста в Забытках мертвых поднял, – рекомендовал дядя.

– Да не поднимал я никого, я вообще не знал, что у них там погост есть! – возмутился навету парень. – У нас мертвых в черте города не хоронят, если только где старинное кладбище сохранилось.

– Мухи... – подсказала молчаливая Света.

– Чего? Укусили? – посочувствовал брат и завертел головой, но ни мух, ни комаров в фургончике не обнаружил.

– Нет. Ты, когда мух с моей тарелки гонял, сказал: «Встали и пошли!», а потом начал руками махать. После этого почти сразу народ начал кричать о восставших мертвецах.

– Э-э-э, – поскреб затылок брат, успевший подзабыть детали героического спасения сестры от докучливых летающих тварей.

– Подходит, – постановил Ригет. – Надо пробовать. Похоже, у тебя, Деньес, сила Зебата получает выход благодаря словесному посылу, где имеется слово-призыв к подъему-направлению и сопровождается близким по смыслу жестом.

– В общем, осторожнее с глаголами движения, – заключила Света, по-своему истолковав происшествие.

Разглядывать однообразный пейзаж: лес, лес, лес, небольшой клочок вклинившейся холмистой равнины и снова лес, лес, лес по обеим сторонам не слишком-то наезженной дороги, – парню надоело быстро, а ни смартфона, ни планшета, ни, на худой конец, ноутбука под рукой не было. Оставалось только скучать, тщетно пытаясь сообразить, как черпать из ничего что-то невидимое, когда понадобится, и как не черпать без нужды. Что главное, Дэн пока не определился. С одной стороны, владеть силой, как записной некромант, хотелось. Шутка ли, махнул рукой – зомби поперли, с другой – чего-то аййтишник не чувствовал, чтобы мертвяки были послушны его воле. Никаких невидимых нитей между ними и собой не видел. К тому же, тут дядька был прав, парню вовсе не хотелось быть покалеченным жаждущими мести обывателями, вздумай они покарать жреца-недоучку. Делать нечего, снова почесав за ухом, Денис вздохнул:

– Ладно, буду пробовать.

– Будешь, – то ли разрешил, то ли приказал Ригет, чмокнув упряжке лошадок, знай себе трусивших по дороге. – Нам бы сгодился заброшенный лесной погост для тренировки. Пока не маши руками почему зря, и чтоб мы от тебя речей о подъеме не слышали, или свяжу и кляп вставлю.

– И что ты людям скажешь о таком злодействе? – попытался было возмутиться Денис под тихий смешок Светки.

– Скажу, что повредился разумом мой нежно любимый племянник, узрев в ночи руины храма Зебата, куда забрел из праздного любопытства. Заговариваться стал, все о мертвых речь завести норовит, людей за поднятых мертвецов порой принимает. И как раз сейчас у него обострение, – обстоятельно рассказал о предстоящем разговорчивому племяншу позоре горячо полюбленный за неполные сутки дядюшка.

Да еще сестрица дорогая добавила масла в огонь, захихикав над возмущенной физиономией Дэна. Тот собирался обиженно фыркнуть, но, представив картину маслом «Буйнопомешанный чудик и заботливая родня», тоже рассмеялся и протянул:

– Эх, не даете мне почувствовать себя великим некромансером!

– Каким-каким высером? – сильно заинтересовался дядя высказыванием племянника.

– Нет в тебе, дядя, романтики, – проглотив смешок, сделал вид, что оскорбился, Денис.

– Нету. Я деньги люблю, баб ласковых, постель мягкую, вино крепкое, клинки древние, книги старинные. А романтику? За что ее любить? Это

девицам молоденьким простительно, они иначе Алхой слеплены. Из мужиков же лишь те, кто задницу от кресла ни разу не поднимал и ничего в жизни не видел – только такие о романтике могут болтать, потому что ни на что, кроме болтовни, не способны.

Высказавшись, Ригет замолчал, погрузившись в раздумья. Возможно, слова племянша все-таки задели какие-то струнки в его душе, или дядя просто устал трепать языком.

– Дядь, а ты богатый? – временно отложив мнимые и явные обиды, вновь надел Денис с расспросами на родственника.

– Я-то? – грустно хмыкнул Ригет. – Когда откроем с вами замок, получим доступ к наследству, тогда будет достаток.

– Дядюшка, ты и впрямь маг по профессии? Почему тогда наемник? – полюбопытствовал парень, припомнив реакцию Огатита на серый браслет.

– Когда ваш дед Итнат лишил меня содержания сразу после выпускных экзаменов в Королевской академии Бриса, я в наемничий отряд подручным мага вступил. – Дядя не видел смысла скрывать биографию от единственных близких родственников. – Мог бы, наверное, где поуютнее устроиться, к королевскому двору отправиться в Илет, столицу нашу, или в гвардию пойти, только не люблю цепей и поводков. Силу свою опять-таки в деле проверить хотелось. Боевка мне всегда неплохо давалась, бытовые чары, с мечом кое-что показать мог. Вот и хлебнул романтики, о которой ты только что трындел, полным черпаком из нужника. Четверть века по отрядам мотался. И богатым бывал, и с парой монет за душой. Воинская удача – девица ветреная. Скопить много не скопил, но голодным-нищим никогда не ходил и на старость кое-что отложить смог.

– Э-э, – протянул Дэн с разочарованием, – а я-то думал, магом быть круто, денежная профессия. Могущество и все дела...

– Когда-то так было, – согласился Ригет, – но нынешние маги не чета легендарным предкам. Сейчас чистого боевика в большинство наемных отрядов и вовсе не возьмут. Зачем платить больше, если работу мага сделает пара умелых арбалетчиков? Я и сам больше бытовыми чарами занимался, боевая поддержка постольку-поскольку. Из отряда до окончания контракта со штрафом ушел, когда о смерти отца и о завещании весточка пришла от блюстителя права. Пришлось семейными делами заняться. Вас разыскивал. Одно хорошо, пока подходящей ночи для ритуала ждал, в развалинах храма кошель старый отыскал. Из него сейчас и трачу. На дорогу хватит с лихвой.

– Угу, – протянул парень, все еще мысленно переживающий крах мечтаний о волшебном всемогуществе. – Командировочные Зебат нам

выдал. А глянуть на местную валюту можно?

– Погляди, – разрешил дядя, отцепил с пояса кошель и кинул племяннику, попутно собираясь выдать сведения о местных денежных единицах. Однако Дэн, проворно распустивший завязки на мешочке, опередил его восклицанием:

– Ух ты, какие-то монетки на цепочках! Знакомая птичка на аверсе, а реверс чистый.

– Филин Ойх, кажется, – уставилась Света на характерную клювастую голову.

– У вас и храмы свою валюту чеканили? – поддел пальцем и покачал находку на цепочке в воздухе Дэн.

– Не чеканили. Ты держишь в руках знак жреца Зебата. И я не видел их, когда высыпал монеты из кошель. Значит, правы старые свитки, знак может видеть и надеть лишь посвященный бога.

– Надеть? Какие бонусы он дает? – Глаза Дэна сверкали от предвкушения плюсиков к силе, мудрости или еще каким волшебным примочкам.

Ригет в ответ лишь почти безразлично повел плечами:

– Это лишь символ Зебата, не артефакт. Возможно, он помогал жрецам вызывать к своему богу.

– Хм, дублирующий спутниковый телефон на одного абонента в дополнение к метке на коже? – предположил Дэн и накиннул на шею цепочку с головой филина. Прислушался к ощущениям и выдал: – Ничего не чувствую. Может, время на калибровку нужно? Дядь, зацени своими магическими фигами, есть изменения?!

Денис перебрался к родственнику поближе. Ригет пальцы в замысловатых жестах крутить не стал, перехватил поводья одной рукой и простер свободную над украшением, поводил, нахмурился, попытался коснуться и отдернул с проклятьем. Скривив рот, дядюшка вынес вердикт:

– Магического фона как нет, так и не было, однако коснуться я его не могу. Руку пробирает смертный холод. Полагаю, снять с тебя это украшение не сможет никто.

– Даже я сам? – тут же насторожился Денис, в голове которого пронеслось с десятков сценариев с летальным исходом от примерки проклятого предмета-удавки. Парень сдернул с шеи цепочку и с облегчением выдохнул, возвращая знак назад: – Уф, снимается. Свет, наденешь свой?

Светлана взяла знак Зебата, задумчиво повертела в руках. Все равно в жрицы ее без согласия зачислили. С другой стороны, именно Зебат обещал

вернуть их с братом домой в обмен на помощь. Так что дополнительная связь лишней не будет. Кивнув самой себе, девушка надела на шею приятно-теплую цепочку.

Обзаведшись побрякушкой, Денис взялся за изучение оставшихся в кошельке монет, попутно требуя пояснений у дядюшки.

Оказалось, на Вархете в ходу монеты из золота, серебра и меди. Причем серебряные ценились больше золотых. В Силегате (именно так именовалось королевство, где располагались наследные владения Керготов) монеты, вне зависимости от изображений на аверсе, издавна именовались «щитами», «солнышками» и «ноготками». На реверсе «щитов», разумеется, красовалось изображение щита, потому что серебро использовалось для защиты от всякой всячины, начиная от магии и кончая нежитью. «Солнышки» банально походили блеском на солнце, а «ноготки» – нет, вовсе не формой и видом пародировали вырванные ногти. Одно время среди женщин всех слоев было очень модно покрывать ногти стойкой краской именно медного цвета. Название и прилипло к монеткам по всему миру.

После выяснения финансового вопроса Света попросила:

– Дядюшка, расскажи нам о Вархете.

– Ага, точно! География там, политическая карта мира и наше место на ней, – опомнился и завертелся юлой на одном месте Дэн.

– Он всегда такой говорливый и неумный? – обреченно спросил Ригет у племянницы, мотнув головой в сторону болтуна.

– Всегда, когда его что-то занимает, но бывает и хуже, чем сейчас, – поделилась наболевшим девушка.

– Как? – почти испугался дядя, вцепившись в поводья.

– Когда Дэну становится скучно и он начинает искать себе интересное занятие, – объяснила Светлана. – Ничего, дядя, привыкнешь, мы же в семье привыкли.

– Конечно, привыкнет! Мы ж родня! – отмахнулся Денис, ничуть не смущенный характеристикой, и напомнил о своем насущном: – Так как насчет географии?! Мы ж пока со Светкой ничего не знаем о стране, которую осчастливили своим явлением!

– Силегат, одно из восьми королевств Вархета, – обреченно начал дядя, не став язвить насчет уверенности племянничка в осчастливлении.

– Дайте угадаю, каждое королевство особо почитало какого-то одного бога, и нам – бинго! – достался Зебат? – предположил айтишник.

– Нет, мы почитали всех богов в равной мере, – непонимающе нахмурился Ригет.

– У-у, – приуныл обломанный Денис, а Света попросила: – Продолжай, дядя!

Через полчаса айтишник глубоко пожалел о просьбе сестры. Но пожалел тихо. Громко возмутиться и перебить старшего родственника не дала Светка. Вредная сестра включила комплекс отличницы и слушала лекцию предельно внимательно. Сам Дэн в голове оставил лишь число стран – восемь, равное числу богов, факт монархического строя, относительно мирные отношения между соседями – дипломатические и экономические подлянки не в счет, свободный проезд через границы и то, что до ближайших соседей Силегата – Ликладика и Надрита – больше десятка дней пути. Остальную кучу информации Дэн отметил, да и выкинул прочь. Надо будет, Светка напомнит. Она внимательная.

Глава 5

Плоды дорожных экспериментов

Денис хотел было поудобнее устроиться на соломенном тюфяке и придавить ухо, да дядя, дождавшись, чтобы между фургоном и Забытками пролегло достаточное расстояние, быстро нашел более продуктивное занятие для молодого бездельника. Парня стали обучать искусству управления повозкой. Против были трое: сам Дэн и Петрушка с Укропом. Увы, мнением заинтересованных сторон Ригет, вот беда, озаботиться не удосужился.

К делу дядя подошел ответственно, и когда через час у айтишника наконец начало получаться хоть что-то, на руках уже имелись пузырящиеся мозоли. Укроп, жеребец дядюшки, порой косил на Дэна с такой ехидно-насмешливой мордой, будто все понимал и мысленно ржал над неумехами. Дэн мрачно зыркал на коника в ответ, однако ж хамить поостерегся. Ладно вождение повозки, ему ведь еще предстояло совершенствовать навык верховой езды. И кандидатура жеребца на должность средства тренировки выпадала с пятидесятипроцентной вероятностью.

Осмотрев трудовые мозоли племяша, дядюшка только укоризненно цокнул языком, выдал нежному мальчику знакомую банку с мазью, а Светке плотные перчатки и взялся учить ее столь же терпеливо, как до этого Дэна.

Свистнувшая и ткнувшаяся в борт фургона стрела для всех трех путешественников и лошадей в придачу стала полной неожиданностью. Денис втянул голову в плечи, Светка ойкнула, Ригет помрачнел и выругался сквозь зубы. Кони тревожно затанцевали.

– Тихо, не дергайтесь и за оружие не хватайтесь, не надо, – громыхнуло откуда-то из кустов. – Нам только лошадки ваши нужны и кошелек, больше ничего не возьмем.

– Дядь, ты их сейчас всех файерболлами положишь? – восторженно зашипел Денис.

– Их шестеро по обеим сторонам дороги, трое с луками, причем один на дереве. Пока я первый шар метать буду, вас стрелами наспигуют, амулета щита у меня нет, один на шестерых я с мечом и кинжалом не выйду, – злобным питоном зашипел в ответ Ригет.

– И что делать? – растерялся парень.

– Если жалко лошадок и деньги, маши руками, да живее, – многозначительно поиграв бровями, намекнул дядюшка, – и болтай побольше про движение и подъем.

– А-а-а... – осенило начинающего некромансера, и он жалобно заканючил:

– Дяденьки, не стреляйте, пожалуйста, у меня и оружия-то никакого нет, я тяжелее ножики для хлеба ничего руками-то не поднимал, можно мне встать и в кустики? Вы ж меня ужас как напугали. Теперь так встать и пойти хочется, что моченьки терпеть нет, спасите! Только на вас вся надежда! У меня штанов всего одна пара, дядюшка больше нипочем не купит! Он такой экономный! Только побыстрее, пожалуйста... Не утерплю-ю-ю!

Судя по тому, что стрел в сторону фургона больше не летело, Денискин концерт без слушателей не остался.

– Я б и раньше сходил, да боюсь мертвяков, а они тут везде повставали и шастанут, а тут вы, дяденьки, хоть и грабители, а живые, вы пока тут с дядей лошадку распрягать будете, я в кустики сбегая, а? Долго терпел!!! – Попаданец заскулил, сопровождая, как завещал дядюшка Ригет, свою речь интенсивными взмахами конечностей. На всякий случай даже ногами подергал.

– Ты чего, блажной? – хмуро справился у Дениса косматый, как ньюфаундленд, бородач, вынырнув из-за толстого ствола дерева. В могучих лапах его имелась изрядная (в половину Денискиного роста) дубинища.

– Ага, – радостно поддакнул айтишник. – Так можно? Встать и пойти? А?

– Иди, – дозволил бородач, указывая дубиной на ближайшие жидковатые заросли, и хмуро потребовал у Ригета ответа:

– Чего придурок про мертвяков болтает?

– За последние сутки больше, чем за всю жизнь, этой пакости шатающейся увидел, – честно предупредил дядюшка. – Потому купил на последние деньги фургон и повез племянников из Забыток. Одни они в этом мире у меня остались.

– Так чего, денег нет? – разочарованно переспросил кто-то слева и сверху.

– На ужин в трактире хватит, и все, – разочаровал лесных грабителей Ригет и, перехватив повод Петрушки, снял с пояса и встряхнул свой собственный тощий кошель, где что-то звякнуло одиноко и жалобно. Тот кошель, по которому племянники учились различать местные деньги, дядя еще раньше сунул за пазуху.

– А если поискать? – нахмурился бородатый.

– Успеешь ли? – в тон ему столь же мрачно спросил Ригет, кивая на начинающийся треск и шум в лесу.

– А-а-а, Восемь спаси, Зебат заслони, мертвяки-и-и! – завопил кто-то тонко и жалобно, послышался удаляющийся от дороги хруст сушняка.

Сверху и слева кто-то выругался, бородач отступил от фургона и зашарил взглядом по лесу, пытаясь выцепить угрозу. Дубина прутиком покачивалась в могучих руках. Шелест и треск нарастали... На дороге показались они: полуразложившийся вонючий барсук, остов белки с сохранившимися местами клочками рыжего меха, множество мышей разной степени свежести, вполне человеческий старый скелет, что-то здоровенное, но приземистое, один зубастый череп которого был с дубину бородача.

У кого-то из выявленных Ригетом лучников не выдержали нервы. В самую крупную черепушку полетела стрела. Свистнула, со звоном отскочила и застряла в траве.

Шум и треск вокруг пошли по нарастающей с одной стороны и по убывающей с другой, куда улепетывали все обезумевшие от страха члены банды. Сбежал, не выдержав высунувшейся из дупла дохлой белочки и чувствовавший себя прежде в безопасности лучник-верхолаз. Светка, чье эстетическое чувство и обонятельные рецепторы подверглись массовой атаке, тоже не выдержала и целиком заползла в фургон, подальше от трупного смрада. Утренние скелеты с деревянного кладбища выглядели куда как чище. Может, и впрямь погост был старый?

Бородач остался один на один с ужасными мертвецами, тройкой ограбляемых клиентов и их фургоном в придачу. Из кустов выбрался гордо улыбающийся ненормальный зассанец и робко спросил у дядюшки:

– Вроде получилось. Попробую ими управлять? Эй, в одну шеренгу становись! – И, не дожидаясь ответа, запрета или разрешения, молодчик махнул рукой в сторону мертвяков.

Разбойник взвесил дубину на руке, решая, кого из некромантов бить первым, или все-таки начать с их тварей.

– Не советую. – В руке дядюшки запылал яркий огненный шар.

– Тогда уж сразу бей, нежити не отдавай, – глухо попросил косматый бандит, едва заметно вздрагивая от все усиливающегося треска, пощелкивания и хлюпанья, сопровождавшего появление все новых и новых мертвяков вокруг.

– Давно на дороге людей обираете? – справился Ригет, не спеша бросать опасный мячик. Он давал возможность для ответа пленнику,

а племяннику время на тренировку.

Дениска кайфовал, устраивая маневры подопытным тварюшкам. С маршем в ногу вышли проблемы: во-первых, нужное число ног было не у всех, во-вторых, к движениям строем разномастные скелетики приспособлены явно не были.

– А с той поры как старый барон Грокт свой дозорный замок молодому хлыщу в столице проиграл да как новый управляющий нас без расчета выставил, – буркнул детинушка, явственно испытывавший стыд от своего положения. Причем стыд куда больший, чем страх пред мертвыми и восставшими. – Думали, хоть горстью монет разживемся, чтобы до города добраться да там первое время перекантоваться до нового найма. И ничего! Не ездят тут людишки денежные. Три дня потеряли, лишь охотой кормились. Одни босяки в лохмотьях пехом идут. Таких и остановить грех пред Алхой и Ирнатом. Только теперь думаю, зря на найм рассчитывали. Кому такие трёусы нужны? – Бугай сплюнул себе под ноги и вздохнул могучей грудью.

– Где служил? – неожиданно спросил Ригет.

– Тадреские харги. Потом пестрягу подхватил, и все под откос... Хотел в тиши век доживать, и то не вышло.

– Это заразно? – на всякий случай опасливо поинтересовался Дениска, краем уха прислушивающийся к беседе.

Со стороны юный некромант, не гнушающийся обществом своей полуразложившейся армии, но опасющийся неведомой болезни с поэтичным названием «пестряга», выглядел несколько нелепо. Но Дениска вообще опасался любой хвори не столько из-за страха перед болезнью, сколько потому, что ненавидел лечиться всеми фибрами души. Тогда как его нежно любимая сестренка при малейших признаках любого недуга окружала братца удушающей заботой, перекрывая все пути отступления к друзьям. Нет, ставила-то Светка на ноги захворавшего брата быстро, но терпеть все процедуры, покорно глотать лекарства и прочую пакость было для Дэна почти так же невыносимо, как болеть. Потому Дениска, как мог, старался скрывать свое состояние. Безуспешно! Сестра мигом вычисляла труса и обрекала его на лечение.

– Нет. От пестряги, коль подхватить угораздило, тело сыпью покрывается, корежит всего дней пять-семь, и либо помрешь, либо уходит, как не бывало, только потом мышечные судороги в любой момент пробрать могут. В армии никто таких держать не будет, в наемники и то нехотя берут, – между делом объяснил дядюшка племяшам.

– Так что? Добиваем, я с дрессурой потренируюсь, или ты его, дядя,

файерболом жахнешь? – азартно предложил Денис, вошедший в роль завязтого некроманта и безжалостного карателя грабителей.

– Дэн! – донесся из повозки возмущенный голос сестры.

– Что, нет? – разочаровался парень в своих некровожадных родственниках. – Ну ладно, ладно, внял и осознал. Тебе тоже надо тренироваться. Сейчас я их в кусты у дороги отгоню и визжи. Хотя белочку я бы себе оставил, забавная. – Денис с каким-то нехорошим умилением покосился на скелетик в остатках рыжей шкурки, скачущий у самых его ног.

– Денъес! – рыкнул на заигравшегося племяша теряющий терпение дядя.

– Нет так нет, – испустил глубокий вздох парень. – Армия, ать-два, в кусты шагом марш!левой! Правой! Задней правой! Задней левой, у кого есть! Светка, готовься визжать!

– Коль клятву охранника принесешь, до Бриса подвезем, – потушив огненный шар, озвучил решение Ригет.

– Пусть будет мне, Валту Боршу, порукой и гарантом слова Ирнат Воитель. Обязуюсь блюсти честь, жизнь и достаток нанимателей своих до прибытия в город Брис и далее ни словом, ни делом угрозы им не нести, – отчеканил с немалым облегчением избежавший гибели и бесчестья здоровяк.

– Пожитки какие есть? Тащи и поедем, и так задержались с этим балаганом, – распорядился дядюшка и попросил племянницу: – Свельта, твоя очередь!

Держа рукав перед носом, чтобы хоть как-то отгородиться от вони, Светлана высунулась из фургона и с удовольствием, не меньшим, чем испытывал братец, устраивая марши мертвяков, завизжала. Треск рассыпающихся костяшек возвестил об очередном успешном применении успокоительно-звукового оружия.

Глава 6

И снова мертвые с косами

Все, кроме Дениски, вздохнули с облегчением, а Валт Борш с поразительной для такого массивного тела скоростью метнулся в заросли справа и очень скоро появился с небольшим заплечным мешком.

Неловко замер рядом с повозкой и тут же был осчастливлен поручением Ригета:

– Принимай вожжи, я спать.

– Он нас тут не перережет, как цыплят, а, дядюшка? – удивился полному доверию Дэн, тоже заскакивая в повозку.

– Я ж Ирнатом поклялся! – взревел всерьез обиженный бородач.

– И чего? – не понял парень.

– Денъес, ты не только руками не маши, ты еще и языком не чеши. Коль именем бога клялся, клятвы не преступить! – укорил остолопа Ригет и извинился перед бывшим бандитом:

– Мои племяши в такой глуши росли, что ни самых простых вещей, ни законов не знают. Сила дурная в крови гуляет, а разумение еще вбивать и вбивать надобно.

– Это да, дурная, – крикнул Валт, покосившись на зеленые насаждения, изрядно пострадавшие от маневров разыгравшегося некроманта.

Когда Денис плюхнулся на сиденье рядом с бородачом, тот вздрогнул и испытал горячее желание оказаться где-нибудь подальше от юного изверга. Увы, бросить поводья он не мог, а доска была не столь длинна, чтобы расположиться на ней иначе, чем практически вплотную.

– Ты не бойся, дяденька, – ухмыльнулся наглец. – Пописать в кустики я успел, тебе ничего не грозит!

– Денъес! – строго предупредил из фургона Ригет.

– Да, дядюшка? – невинным тоном отозвался парень.

– Дир Валт присоединился к нашей компании. Нет нужды демонстрировать ему свое остроумие и прочие уникальные способности.

– Правда? Я-то думал, ты его позвал, чтобы мне было на ком скелетиков натаскивать, – разошелся не на шутку вдохновленный первыми успехами Дениска.

– Дэн, прекращай, не смешно, – попросила Света и обратилась к бандиту: – Прости, пожалуйста, моего брата, у нас совсем недавно что-то

начало получаться, поэтому Дэн так себя ведет.

– Гхм, – засмутился бородач под сочувственным взглядом девчушки-пичужки, которую их банда хотела оставить без вещей и денег.

– Ты на Светкины кроткие улыбочки не ведись, сам не заметишь, как построит и заставит делать все, о чем и сам не знал, что умеешь, – громким шепотом сообщил Денъес новому члену компании. – У нее знаешь какой опыт! У-у-у!

– Дэн, – в голосе Светки прорезалась сталь, – хватит терроризировать человека! У него и так последние дни сплошное испытание сил, а еще и ты со своими мертвяками и дурацкими шуточками! Не знаю уж, что хуже!

– Так вы, ребяташки, некроманты недоученные? – опасливо спросил Валт, сообразив, что отдавать его на потеху восставшим мертвякам никто не собирается.

– Жрецы они недоученные, – буркнул из фургона хриплым голосом Ригет, давая минимум необходимой информации. – Причем работать лишь парой могут. Один мертвых поднимает, вторая упокоевает. Про остальное еще не знают. Потому разбредаться им даже по нужде далеко не давай. Учиться им надо и пробовать. Истинные посвященные Зебата, как предки говаривали, свою паству на мили окрест почуять могли и понять-выбрать, кого призвать, а кого в последнем сне оставить.

Патетичные лозунги о спасении мира и героическом походе во славу и ради возвращения богов дядюшка выдавать не стал. Клятва клятвой, а такой информацией делиться со вчерашним, то есть пока сегодняшним, бандитом Ригет не решился.

– Ух ты, – снова загорелся Дэн. – Я тоже так хочу!

– Хоти, – с сонным зевком разрешил умаявшийся за последние дни дядюшка, опуская полог в фургоне.

– И как... – начал было Дэн.

– Не знаю, я в дела посвященных богам не лез отродясь, мое дело вас до места доставить живыми и свой интерес не забыть. Дальше по дороге небольшая часовня Зебата. Может, найдешь, кого спросить, если с тобой там говорить захотят! Все, я спать! – отрезал дядя и напоследок, перед тем как захрапеть, дал инструкции бородачу: – Валт, если Денъес снова руками начнет махать, прошу, по ручонкам его шлепни.

– С удовольствием, – мстительно прогудел чего только не передумавший в предчувствии своего последнего мига бородач.

Увы, вся его грозность пропала даром, ибо была не замечена Дениской. Когда в душе пылает жажда познания, совмещенная со страстью к каверзам, не до ерунды.

– Дир Валт, а ты есть хочешь? – отыскала Света тему, обыкновенно любезную сердцу любому представителю мужского пола, в каком бы мире он ни находился.

– Гхм, – кашлянул бородач. – Мы ж только в путь тронулись, дира, для привала не время.

– Дядя нам с собой из трактира мяса взял, хлеба, сыра. Давай я тебе бутерброд сделаю!

– А мне? – тут же влез Денис, скроив возмущенно-жалобную физиономию. Как же так! Его собственная сестра обошла его предложением подкрепиться, начав с какого-то незнакомого лохмача.

– А ты своими руками всякую пакость трогал. Пока не помоешь в проточной воде, ничего не дам. Я от отравления трупным ядом лечить не умею! Мы с собой ни мезима, ни но-шпы с лоперамидом не захватили! – возмутилась сестра.

– Я их вроде не трогал, – неуверенно протянул немножко испугавшийся Денис и задумчиво оглядел ладони. Грязи так таковой, не считая пары зеленых пятен от листвы, за которую хватался в кустах, разглядеть не удалось, а пара темных пятен на штанах никак не могла быть следствием общения с трупами, это был отпечаток жирной сардельки, которую Дэн уронил на колени за завтраком, засмотревшись на обширную корму подавальщицы. Вроде и девиц на Земле хватало с избытком, да все настолько просто разглядывалось, не оставляя никакого простора для фантазии, что первый же здешний относительно симпатичный объект, прятавший выдающиеся формы под длинной юбкой, привел к кулинарному конфузу.

– Вроде или не трогал? – потребовала точности сестра, пресекая мечты.

Мягкая-то она мягкая и добрая-то добрая, на хи-хи скорая, но как речь о здоровье и порядке заходит, чистым монстром оборачивается. Небось если бы в медицинский учиться пошла, то не на терапевта, а на хирурга! Вон как зыркает, будто скальпелем водит!

– Не трогал ни зайчика, ни белочку! – уверенно отрапортовал Дэн и устремил на сестру умоляющий взгляд.

– Хорошо, тогда просто сполосни, я тебе из фляги полью, – смиростивилась девушка и прямо на ходу слила на руки обоим мужчинам воды, чтоб смыть дорожную пыль перед едой. Лишь после этого ярая фанатка гигиены взялась настрого бутербродиков оголодавшим путешественникам.

Она пошуршала в фургоне, стараясь действовать потише, чтобы не

тревожить сон задремавшего дяди, и предъявила бывшему бандиту и начинающему жрецу Зебата миску с нарезанными заготовками: хлебом, сыром и колбасой. Благодарно заурчав, Денис впился зубами в быстренько сооруженный бутерброд; перехватив вожжи одной рукой, соорудил мини-башню из нарезки и Валт.

– Вкусно, еще бы чайку или колы, – прочавкал землянин.

– Чая нет, колы тоже. И вообще, она вредна для желудка! – отрапортовала Света.

– Но вкусная же, и вообще – ты сама ее дома держала! – напомнил Дэн.

– Сто раз говорила, для снятия накипи с чайника! – рыкнула девушка.

– Вы действительно странные, ребяташки, – задумчиво резюмировал бородач, в полном молчании слушавший дружескую перепалку брата с сестрой на протяжении четверти часа. – Словами странными бросаетесь, силами великими владеть учитесь. Дядьке-то, уж на что маг, а все одно с вами хлопотно. Вон как умаялся!

– Сам виноват! – отмахнулся, закинув в рот последний кусок бутерброда и отряхивая руки от крошек, Дениска. – Захотел родственников – получил, а что мы некондиционные – о том ничего заранее не оговаривалось. Лучше скажи, дир, где мы едем?

– По дороге, – оторопело прогудел возница.

– Я догадался, – со смешком подтвердил парень. – Давай поконкретнее географически? Город далеко? Лес вокруг большой? Что дальше будет?..

– А-а-а, – протянул бородач, почесав лохматую голову. – Сейчас соображу, прикину. Замок Грокта и его баронский надел на краю Силегата, подачку старому выпивохе за службу верную кинули и забыли. Лес туда на пять дней пути тянется, далее земли Фитланта.

– Эй, дядюшка говорил, что дней десять пути до Надрита и Ликладика, – встрепенулсся Дэн.

– Дык так-то так, да только лес чем дальше, тем бурелом чище, как Зебат с Алхой его тысячу лет назад в одну ночь вырастили, чтоб усобицу меж соседями пресечь, так и не ходит здесь никто. Стало быть, через лес не то что дорёг, троп нет. Дорогой этой мы к вечеру на большой тракт выберемся и по нему напрямик к Брису дня за три доберемся, коль ничего не стрясется.

– Здесь бури сильные часто бывают? – насторожилась после слова «стрясется» Светка, высунув голову из-под полога. Обвела окрестности бдительно-настороженным взглядом из серии «ну, что у нас плохого». Почти ничего плохого, кроме грязных штанов и нечесаной гривы нового

члена отряда, замечено не было, если не считать завала из громадных деревьев справа.

Там, буквально в пяти-семи метрах от дороги, находился натуральный бурелом. Несколько десятков метров леса являли собой огромный завал сломанных, будто спички, деревьев, словно сплетенных друг с другом в последней попытке уцелеть. И пусть сверху все это безобразие худо-бедно пытались прикрыть зеленые побеги, однако ж до конца не получалось.

– Не, бури редки, так, погромыкает чуток, и все. Чаше мелкий тоскливый дождь накрапывает. И ведь льет не день-другой, а не меньше шести крыду, особо сезонов не выбирая, – качнул головой возница.

– Не бури? А кто? Не медвежуть же местная зеленые насаждения заломала в попытке хорошенько наточить когти? Не наточила и ушла с горя топиться подальше в лес или из леса? – радостно отвлекся от географической лекции Денис, махнув рукой вдоль проселочной дороги.

Всколыхнулась земля, ощутимо подбросило фургон, лошадей и людей. Говорливый Дениска чувствительно прикусил кончик языка и теперь завывал на одной ноте. Рот наполнялся кровью вперемешку со слюной. Опасавшийся собственных травм парень торопливо перегнулся и сплюнул тягучую нить кровавой слюны на дорогу. Жалобно охнул и вернулся в сидячее положение, не заметив, как слюна жадно впиталась в дорогу вся, без остатка. С утроенной силой затрещали могучие, в три-четыре обхвата, поваленные стволы, поддаваясь напору изнутри, и разлетелись хворостом.

И под тихую брань очень кстати проснувшегося дядюшки на ноги воздвигся ОН.

– Упс, рыцарь-скелет! – без малейшего испуга, преисполненный чистого восторга, выдохнул Денис.

Не белые и не коричневые, кости этого создания казались тусклым золотом. Золотым огнем горели и глаза. На скелете были серебряный нагрудник и юбка. Костяшки пальцев сжимали могучий меч.

– Ты чего опять натворил? – хрипло прошипел дядька, с которого разом слетели остатки сна. – Я кому велел не болтать лишнего и руками не махать?!

Света тихо охнула и села на пятую точку. Зато кони отнеслись к движущейся фигуре совершенно индифферентно, как к проплывающим над головой облакам и деревьям. Есть, движутся, а и пусть их, вреда-то никакого.

Громадная, на полголовы выше здоровяка Валта фигура вышагнула на дорогу, чуть склонив череп, обозрела фургон и его обитателей, потом, резко согнув одно колено, опустилась на дорогу рядом, грохнув мечом по краю

щита.

– Рада служить огню Зебата, – послышался неожиданно мелодичный женский голос.

– Э-э, чему? – не понял приветствия Денис, остальные тоже не поняли ничего, но с вопросами лезть не спешили.

– Приветствую тебя, пробудивший меня от сна после безумия, даровавший влагу жизни, в которой пылает огонь моего господина, – более развернуто ответила скелетина.

– Я, это... тоже, в общем, рад, – нашелся с ответом почему-то засмущавшийся, уж не от гневного ли шипа дядюшки, Денис.

– Тогда скажи, что принимаешь мою службу, – в легком раздражении от непонятливости жреца-недоучки посоветовала скелетина, не меняя позы.

– Я бы рад, да ведь мы дальше в город по дороге, а ты... это... хоть и красивая, но скелет, – жалобно заморгал парень, которому и самому было жаль расставаться с такой большой блестящей игрушкой. Язык просить сестренку повизжать не поворачивался.

– Это просто. – В мелодичном голосе послышалась улыбка. – Так лучше, дир? Теперь принимаешь?

И на дороге перед фургоном оказалась не скелетина, а вполне с виду живая могучая дева в доспехах. Меч и щит изменений не претерпели. На голове появилась толстая пшеничная коса, синие глаза смотрели прямо, с легкой насмешкой. Чисто бескрылая валькирия, отлучившаяся от папы-Одина, зашла на огонек в Вархет.

– Да-а, – протянул ответ на оба вопроса разом Денис, вперившись в красивые... глаза незнакомки.

Остальные мужчины просто смотрели на нее, разинув рот.

– Кстати, будешь? – последний бутерброд был щедро предложен воительнице.

– Я не нуждаюсь в еде, служитель Зебата, лишь немного в отдыхе, – поблагодарила красавица.

– Имя-то у тебя есть? – решила познакомиться со странным созданием Света.

– Рыцарь Бельташ, – легко поднимаясь на ноги, известила людей та, что еще несколько минут назад выглядела как натуральное пособие по анатомии.

– Скажи же, какова твоя миссия? – взяла быка за рога рыцарь Бельташ, почти игнорируя всех живых, кроме Дениса.

– Э-э... да как бы есть такая, – собрал мысли в кучу парень. – Мы должны прибыть в храм Алхой.

– Тогда к чему промедление? – Рыцарь приподняла бровь, многозначительно уставившись на бородача, так и замершего с вожжами в руках.

Тот словно ожил и тряхнул руками, посылая упряжку вперед. Бельташ вернула меч в ножны на поясе, подвесила щит за спину и зашагала рядом с повозкой.

– Как тебя только угораздило, – простонал дядюшка, молча внимавший переговорам с восставшей «красавицей». – Ведь на полчаса отдохнуть прилег.

– Денис сплюнул на дорогу кровью, – своевременно припомнила показавшуюся ей важной деталь Света.

– Так, Денъес, руками не махать, не плевать и лучше всего молчать, – расширяя список запретов, рыкнул на прыткого юнца Ригет и уполз назад в фургон, досыпать.

Кажется, благоговение и стремление вернуть ушедших из мира богов плохо сочеталось в дядюшке со способностью спокойно терпеть выходки племянничка, одним плевком поднимающего на проселочной дороге легендарного рыцаря смерти, который вдобавок оказался еще и смазливой бабой. Ой, чуял дядюшка седалищным нервом, что его проблемы с приходом младших родственников в Вархет не закончились, а напротив, приняли какой-то лавинообразный и слишком большой для жаждущего всего-навсего вступить во владения собственным наследством мужчины масштаб.

Глава 7

Беседы и эксперименты

– Как ты, рыцарь смерти из храма Зебата, на дороге-то оказалась? – невинно справился Дэн, с которого, как с гуся вода, стек легкий шок от неожиданного явления скелета и ругань дядюшки.

– Когда наши боги ушли для великой битвы, поначалу их силы, оставшейся в мире, хватало жрецам и нам, созданиям Восьмерых. Время шло, и чистой силы, способной напитать нас, становилось все меньше. Однажды я почувствовала, что близка к падению в безумие, подобно моим братьям и сестрам. Чтобы от моей руки не пострадали невинные, я удрала из храма, бежала сколько могла, а потом нарочно израсходовала оставшиеся крохи силы вдали от разумных. Тут и уснула, лишившись последнего. И восстала ныне, благодаря пролитой на землю живительной влаге благословленного Зебатом. Спасибо, что поднял меня не бездумным костяком, а разумным существом, не пожалев крови.

– Э-э, да не за что, как бы все случайно вышло, – пожал плечами Денис и заработал – нет, не гневный взгляд Бельташ, а подзатыльник от сестры, сопровождающийся возмущенным шепотом:

– Разве о таком девушкам говорят?

– Разведаю дорогу, – игнорируя переговоры родственников, оповестила о своих целях привычно «вставшая под ружье» рыцарь смерти. Золотая молния сорвалась с места, бесшумно исчезая среди деревьев.

– Эх, какая женщина, – почти простонал здоровяк.

– Какая-какая, мертвая, – хмыкнул дядюшка, выпрыгивая из повозки, чтобы размять ноги и оказаться на некоторое время подальше от племянника, которого так и тянуло придушить за очередное размахивание очумелыми ручками и расплевывание ценными жидкостями. Сон не шел.

– Ничего, с виду вполне себе живая, да и на ощупь, – невозмутимо ответил бородач и погрузился в грезы, уделяя управлению упряжкой лишь минимальное внимание.

Денис же ничего не сказал, сидел противостоительно тихо и задумчиво пялился на неспешно проплывающий вдоль дороги лес. Сидел-сидел, а потом шепотом и неуверенно выдал за пару секунд до того, как сестра собралась поинтересоваться, не приболел ли ее разговорчивый братишка:

– Я ее чувствую, Бельташ. Она сейчас бежит там, – палец Дэна ткнул в лес со стороны, противоположной той, куда мертвая дева-рыцарь уходила. – Кругами, что ли, бегают?

– Жрецы, если верить древним хроникам, могли с рыцарями смерти без слов общаться и видеть их глазами, – ничуть не удивился дядюшка. – Может, и ты мало-помалу соображать начнешь. А то ж тебя не то что в город – в деревню ближайшую везти страшно.

– Я постараюсь, дядь, – серьезно пообещал Денис, хоть и развлекшийся с недавним массовым подъемом мертвых, но прекрасно сознающий, какую проблему он способен на пустом месте организовать родственникам, если место окажется не пустым, а таящим в себе хоть какой заваливающий скелет. Светка ж не всегда у плеча для своевременного визга оказаться сможет.

Кажется, ориентируясь на постоянное ощущение живой-мертвой Бельташ, свежееиспеченный жрец мог попробовать хоть как-то осмыслить и потренировать странный дар Зебата.

Это было как учиться чему-то совсем новому. Вот, к примеру, новую операционку изучать, в которой никаких аналогий с прежними нет и в помине, потому и осваивать ее лишь методом научного тыка можно. Метод, конечно, веками почитаемый всеми русскими, так ведь те же русские придумали и анекдот: «Если ничего не получается, прочтите, наконец, инструкцию». Беда, конечно, с тем, что инструкций к обязанностям и возможностям жреца Зебат в ночную встречу под подушки не положил. Зато сейчас Дэн мог попробовать другой метод освоения непонятной программы. Относительно длительное наблюдение за тем, как она работает. Дураком при всем своем авантюризме и раздолбайстве парень не был, потому, отрешившись от всех и всего, попытался максимально прочувствовать связь с Бельташ и осознать, какие ощущения появляются от ее присутствия. За центр «агрегата» был взят мифический огонь в груди, вложенный Зебатом.

Парень на миг-другой прикрыл глаза, то ли дурачась, то ли давая чуду шанс появиться. И оно случилось! Как будто включился какой-то вживленный в тело прибор, передающий внутреннее ощущение прохладной щекотки. И теперь Денис постепенно пытался увеличить его чувствительность, чтобы чуют не только рыцаря смерти, а и вообще мертвых.

– Ой, – охнул Дэн от неожиданности, когда на «радаре», пытавшемся выявить отдельные щекотные мурашки из общего нейтрального фона, пробежала крупная дрожь совсем рядом с Бельташ.

– Ты чего, парень? Заспался иль привиделось что? – легонько толкнул в бок жреца-недоучку Валт.

– Нет, не знаю, – мотнул головой Денис и, повернувшись к Светке, принялся ей растолковывать свои соображения о радаре и щекотке, пытаясь не столько поделиться догадками и ощущениями, чтобы помочь и сестре побыстрее освоиться с даром, сколько подключить и ее к обмозговыванию. В его работе, конечно, сестра понимала мало, но порой, если совсем ничего не получалось, он вываливал на Свету все ворохом. Дельных практических советов она, конечно, дать не могла, но иногда спрашивала какую-нибудь чушь, а эта самая чушь каким-то чудом подталкивала Дэна в правильном направлении. Или еще, бывало, пока ей рассказывал, айтишник соображал, где напортачил, и, не договорив, бежал пробовать и исправлять.

Вот и сейчас Денис использовал привычный метод. Светка внимательно слушала, привычная к обилию технических терминов в речи брата, зато дядюшка Ригет с Валтом, послушав буквально минуты три, непонимающе переглянулись, мотнули головами в попытке вытрясти лишние знания из головы и постарались отключиться от беседы. Валт вперил взор в лошадей, а дядя вообще сбежал подальше, тоже занявшись разведкой, а заодно, коль получится, за легендарной скелетиной приглядеть. Не то чтобы дядюшка не доверял слуге Зебата, а все ж таки прошло несколько столетий с тех времен, когда подобные служили в храмах повелителя смерти.

Кроме того, следовало присмотреть родник. Любимая чрезмерно чистоплотная племянница извела половину запаса пресной воды на мытье рук. Двигался дядюшка пусть и не с той стремительной неуловимостью, какую продемонстрировала Бельташ, но, пожалуй, в скорости уступал легендарному рыцарю смерти ненамного. Во всяком случае, никто не удивился, когда спустя пару десятков минут на дороге справа вынырнул Ригет, а слева сама Бельташ. Дядюшка отцепил от пояса большую фляжку, а рыцарь принесла пару жирных кроликов, добытых между делом, чем повергла Свету в смущенную задумчивость.

– Я не умею свежевать кроликов, – сообщила девушка компании. – Только птицу щипать.

– Ничего, я освежую, – утешила скелетина без малейшего оттенка превосходства.

– Так мы и сами обучены, – поспешил взять на себя хоть часть работы Валт и слегка покраснел почему-то носом, бросив смущенный взгляд на добытчицу.

– Свежати́на на ужин – хорошо, – невозмутимо поддакнул дядюшка и

велел Дениске вновь взяться за обучение управлению повозкой.

Айтишник попытался было возмутиться, упирая на главную цель и миссию – постижение силы Зебата. В ответ получил настойчивый совет совместить оба занятия или пренебречь ужином. Рыцарь смерти, увы, вопреки надеждам жреца-неофита, заступаться за призвавшего его не стала. Скорее всего, будучи существом уникальным, Бельташ знала и умела все то, что следовало изучить Дениске, и полагала эти знания неотъемлемой частью общего средневархетского образования.

Любимая сестра на защиту тоже не поднялась, только перчатки подала, чтобы новых мозолей братец не наработал. Мало ли, какую инфекцию через травмы занести в организм сможет?! Дениска только вздохнул: элементарный трюк, благодаря которому он смог бы потом с чистой совестью пренебрегать вообще любой работой, сетуя на раны и требуя больничный, не прокатил.

Бельташ ничего расспрашивать у людей не спешила, сама на вопросы отвечала четко и коротко. Зато заработала молчаливую признательность Укропа и Петрушки тем, что в фургоне прокатиться не стремилась. Легким пружинящим шагом двигалась дева-скелет вровень с повозкой, а то и вовсе убегала стрелой далеко вперед, при этом перемещалась совершенно бесшумно. Ни одна часть ее доспеха не звякнула. Или доспех, так же как человеческий облик, был лишь иллюзией? Дениска вспомнил старую компьютерную игрушку, в которой при произнесении заклинания на персонажа надевался магический незримый доспех, но приставать с уточнениями ТТХ к Бельташ не стал. Вроде и улыбчивая она с виду, и любезная, а все ж кто ее знает, как отреагирует? Для начала надо хоть немного с собственным нечаянным даром разобраться и на мелких объектах его протестировать. Тут, как ни крути, дядя кругом прав.

Света же сидела в фургоне на соломенном тюфяке и в такт мерному покачиванию повозки крутила палочкой, пытаясь почувствовать «радар», огонь внутри, хоть что-нибудь. Пока не получалось. Ощущение при виде поднятых Дениской скелетов у девушки возникало только одно: неправильности. Не должно такое вылезать из земли и двигаться! Именно этот посыл и рождал естественную реакцию визга. Хотя при взгляде на Бельташ визжать Светлане совсем не хотелось и чувства неправильности не возникало. Наверное, рыцарь смерти являлась скелетом настолько особого рода, что имела право на жизнь или не-жизнь. Хотя, возможно, истина крылась совсем в другом. Бельташ не воняла мертвечиной и была чистой.

Раз, по словам брата и Бельташ, при ее поднятии Дэн поделился со скелетиной какой-то частью огонька – подарка Зебата, надо попробовать

уловить его. Полуприкрыв глаза, Света попыталась почувствовать, есть ли что-то общее в ней самой, рыцаре смерти и родном брате. На какой-то миг девушке показалось, что в животе слегка защекоталось, и не только внутри, но и одновременно снаружи. Увы, ощущение почти сразу пропало и, как ни пыталась Света его вернуть, не получалось. Тогда девушка и вовсе легла на тюфяк, зажмурилась и снова постаралась сосредоточиться, твердя под нос:

– Я радар, я радар...

– Пип-пип забыла, – обернувшись, шутливо посоветовал Дениска, получил в затылок метко пущенной подушечкой и предупреждение:

– За следующий остроумный совет кину сапогом.

– Не кинешь, – рассмеялся брат. – У нас нет лишних сапог. Не лишних, впрочем, тоже нет! Только мокасины-мутанты!

Светка фыркнула и решила игнорировать братца. Девушка снова закрыла глаза и мысленно нажала на кнопку включения радара, представляя, как движется по кругу светящаяся полоса, как пикает, черт бы побрал шутника Дениску, при каждом обороте. Кружится, кружится, кружится...

– Ой! – Ощущение было таким острым, что Светка подпрыгнула.

– Приснилось чего, дира? – лениво брякнул Валт, решивший, что девица задремала.

– Нет, мне показалось, в кустах у дороги кто-то большой и мертвый есть, вон там. – Светка махнула рукой на густые заросли. Внешней колючестью и трехпальными листьями они напоминали малинник. Правда, ягод, пусть и зеленых, на ветках по весенней поре не имелось.

Все разом посмотрели на кусты, невинно шелестящие листьями на ветерке, а потом Бельташ кометой сорвалась с места, на бегу выхватывая меч, подпрыгнула и замерла в сердцевине густой зелени.

– Ну как? – первым не утерпел Дэн.

– Мышь дохлая, – равнодушно проинформировала о первых результатах разведки рыцарь смерти.

– М-да, большой и страшный зверь, скольких напугал на своем веку, – захихикал Дениска, а Света чуть-чуть смутилась. Не то чтобы она панически боялась мышей, скорее испытывала к ним скрытую неприязнь как к переносчику болезней. При трезвом сопоставлении выходило, что восставшие мертвяки ей симпатичны больше живых грызунов.

Меж тем Бельташ вонзила меч в землю на две трети длины, что-то неприятно скрежетнуло, а разведчица четко доложила, неизвестно как проведя идентификацию:

– Костяк лося.

– Вот, понял! Лось, а не мышь! – гордая тем, что оказалась способна определить размер и что вообще добыча немаленькой вышла, Светка показала брату язык.

Выпрыгнув из кустов, рыцарь смерти вновь заняла свое походное место справа от фургона. На спокойном лице девы легла тень задумчивости.

– Бельташ, зачем ты проверять кусты полезла? – не удержался от вопроса непоседливый Дениска.

– Я привыкла к спутникам, без них неудобно. Если бы здесь оказался кто-то из них, попросила бы поднять, – объяснила рыцарь.

– Мы в спутники не годимся? Нужен кто-то особенный? – принялся умирать от любопытства свежеиспеченный жрец.

– Гончие смерти, – чуть удивленная незнанием столь элементарных понятий, пожала плечами скелетина. – Меня обычно сопровождали Алой, Керт и Сарта.

– Они могут выглядеть как обычные собаки? – осторожно справилась Света, припоминая панику в Забытках, вызванную подъемом кладбища, случайно устроенным братом. По первому размышлению, вздумай их компания явиться в город или село в сопровождении рыцаря смерти без маскировки и трех костяков собачек в придачу, если не чистая паника, то опаска и подозрения всем путниками обеспечены. Вряд ли таким постояльцам отыщется место в гостинице, или, как это по-местному, трактире. Почему-то после пары ударов от Зебата Света с удивительной легкостью стала оперировать местными понятиями. И мысль о том, что к этому в прямом и переносном смысле слова приложил руку повелитель смерти, крепла с каждым часом. С братом новоиспеченная жрица своими соображениями не делилась. Он-то с первых минут попадания на Вархет чувствовал себя как рыба в воде. Будто его не в другой мир силком выдернули, а в новую игрушку сыграть на халяву предложили.

– Конечно, – порадовала доброй вестью Бельташ относительно способностей питомцев к мимикрии.

– Уф, проще! Где искать-то твоих собачек надо? – продолжил расспросы Дэн.

– Где они нашли покой, определить сложно. В любом храме Зебата я могу позвать своих спутников, если жрец будет проводником зова, – деловито растолковала собеседница.

– Значит, как окажемся в храме, скажешь, – легкомысленно пообещал парень.

Бельташ просияла вполне человеческой улыбкой и признательно

наклонила голову. Дэн чуть-чуть смутился. Дядюшка задумчиво хмыкнул, но возражать не стал. Кто знает, что может понадобиться в пути жрецам Зебата? И лучше это самое «что» иметь, чем жалеть о собственном недосмотре.

Валт поскреб косматый затылок. Собачек-то он любил, но... Впрочем, его никто и не спрашивал. Довезут до Бриса, горло в ближайшей канаве не перережут, огнем не спалят, и на том спасибо. А скелеты, некроманты или люди – какая разница, если отнеслись по-человечески.

Спокойно прошел день пути. Никакие хищные звери и разбойники больше на фургон не нападали. Путников же, верховых и повозок, встретившихся на дороге, можно было пересчитать по пальцам одной руки. До первых урожаев пока было далеко, потому мотаться в дальний город никакой нужды у сельчан не имелось.

На вечерний привал встали еще до сумерек, когда Бельташ подыскала подходящую полянку с родничком ниже по склону. Валт занялся лошадьми, дядя костром, попутно обучая неумех-племянников основам устройства очага в полевых условиях. Розжиг, ясное дело, оставил себе, но пригрозил вскоре непременно показать, как запалить костер огненным камнем.

Бельташ, как и обещала, сноровисто освежевала добычу и выложила собранные в дороге травки, корешки и несколько первых грибов, похожих на зеленые подберезовики. И когда все только успела? Вскоре в котелке побулькивало рагу. Воду равномерными импульсами для ускорения процесса подогревал проголодавшийся Ригет.

Распространяя аппетитный аромат, заставляющий живых членов компании (лошади не в счет) сглатывать слюну, на веточках жарились небольшие кусочки второй тушки, разделанной Бельташ.

Дениска, поедая глазами шашлык, грыз корочку хлеба с такой жадной тоской во взгляде, что будь его взор адресован романтической деве, та охотно отдала бы столь преданному поклоннику свои сердце, душу и честь в полное владение. Кролик же на провокации не реагировал и жариться быстрее не спешил. Впрочем, куски мяса, натертые травами с солью, были некрупными, и время свидания паренька с ужином неуклонно приближалось.

Но что такое очень вкусный шашлык из зайца на четверых, если один из них громадина с аппетитом под стать росту, а второй – молодой растущий организм? Мясо исчезло, будто корова языком слизала. Пришлось в ожидании рагу закусывать пирогами из трактира, колбасой и сыром.

Но когда котел все-таки сняли с огня, причем снимала Бельташ голыми

руками (костями), никакими прихватками не пользуясь, Денис сразу поставил рядышком с рагу свою пустую миску. А потом, довольно урча, обжигаясь и дуя на горячую пищу, громко восхищался кулинарными талантами рыцаря смерти. Светке оставалось только вздохнуть. Готовить на костре девушка не умела вообще. У нее даже шашлыки на углях сгорали или оставались сырыми, тогда как раздолбай Дениска умудрялся с шутками-прибаутками и постоянным отвлечением на кучу посторонних вещей сотворить мясо сочное и одновременно прожаренное. Хотя к готовке в целом таланта не имел, как и сестра. У той вообще с жарением-тушением мясо-рыбных блюд никогда не ладилось. К счастью, дома имелась мультиварка, безошибочно отсчитывающая время, а уж суп или яичницу на плите девушка осилить могла. Во всяком случае, сама ела, и брат лопал, не кривился. Что поделаешь, не каждому дан дар к готовке. Папка их тоже на кухне хорошо лишь погром устраивал. Он, может, и женился лишь для того, чтобы его вкусно кормили, да только прогадал.

– Бельташ, я тебя обожаю! – расчувствовался сытый Денис, облизывая ложку после того, как вычерпал все остатки из котелка на пару с Валтом.

– Не стоит, дир, увлекаться. Помни, мой внешний облик – лишь иллюзия, – мягко возразила красавица, и на миг-другой из-под личины русокозой богатырши выглянул череп.

– И чего? Иллюзия или нет, какая разница? Наш ужин от этого хуже не стал! Ты непревзойденная мастерица! – искренне не понял претензий Дэн. – Я такого вкусного рагу и шашлыка никогда не ел!

– Ах, вот ты о чем, – усмехнулась явно польщенная скелетина и разрешила: – В таком случае обожай.

– У тебя таких поклонников и поклонниц, дира, уже четверо набралось, – добродушно отвесил комплимент довольный дядюшка, не рассчитывавший на полноценные горячие трапезы в пути и зачастую привыкший обходиться куда более скромными блюдами. Кажется, антидар к готовке был у рода Керготов одним из доминантных признаков и передавался по наследству. Насколько помнила Света, у мамы лучше всего получались каши-минутки из коробок, суп и заказывать пиццу.

Спать племянники ложились на матрасах в повозке. Дядюшка и Валт устроились у костра, а Бельташ не ложилась вовсе. Когда среди ночи Денис вылез проветриться и посетить ближайшие кустики, она все так же мерно и неслышно обходила дозором лагерь. Редкие облака бежали по небу, заслоняя луну. Стоило им умчаться прочь, в серебристом свете ночного солнца парню представала не милая дева с русой косой, а рыцарь смерти в своем истинном облике, которому не хватало косы металлической. Свет

смывал иллюзии, так легко лежавшие днем. Дэн взял на заметку не гулять с компаньонкой по ночам в ясную погоду и снова вернулся в повозку.

Глава 8

Немного о стихосложении и малых формах культовой архитектуры

Утро встретило людей аппетитным запахом яичницы с колбасой. У запасливого дядюшка нашлась в фургоне большая сковорода. Теперь ее по прямому назначению использовала Бельташ, задобренная вчерашними похвалами.

Сразу после завтрака состоялся наглядный урок для племянников по запряганию лошадей. Мучить животных и показывать усвоенный материал на практике дядюшка пока не позволил, но обещал, что час икс грядет неумолимо. Зато, пока готовилась еда, Ригет выполнил вчерашнюю угрозу и познакомил Светку и Дениса с огненным камнем. Из кожаного кисета дядюшка достал камень – красный с поросячье-розовыми прожилками. Ничего подобного на земле ребятам видеть не приходилось. Ригет положил камень на землю, рядом устроил небольшой шалашик из тонких веточек и, протянув племяннику нож, предложил:

– Бей!

Денис охотно и от души стукнул острием большого ножа по камню. Неприятно скрежетнуло, и все.

– Рукоятью бей, – сквозь фейспалм подозрительно терпеливо посоветовал дядюшка. Наверное, посчитал, что при недостаточно детальной инструкции с инициативного недоумка станется проверить получение огня методом втыкания острых предметов в ближайших родственников.

– Ок. – Парень перехватил оружие труда и смерти поудобнее и стукнул рукоятью. При соприкосновении с камнем от него разом, как от точильного камня при вращении, посыпался ворох искр. Часть упала на шалашик, и тот задымился. – Вау! Магия? – удивился он, с сожалением возвращая нож Ригету.

Ему хотелось тоже иметь какую-нибудь железку для пущей солидности, да дядюшка колебался. Когда Дэн вчера неосторожно ляпнул про отсутствие опыта обращения с оружием, так дорогой родственник и вовсе передумал выдавать племяшу в постоянное пользование колюще-режущий инвентарь. Зажал даже маленький ножик. Перестраховывался, что ли? Зато в городе пообещал подобрать Деньесу что-нибудь подходящее

с ножнами, да понадежнее.

– На Вархете подобные камни называют «плевком Крисата». Они частенько встречаются в горах, – проронил Ригет.

– Кто такие крисаты? Здешние верблюды, выдыхающие огонь? – полюбопытствовал землянин.

– Крисат – один из Восьми, бог магии, – стоически пояснил дядюшка, ничуть не возмущившись вопиющей безграмотностью племянничка. С другой стороны, какой смысл возмущаться, если сам не дал информации?

Восполняя пробел, дядюшка передал нож для тренировки Светлане и занялся экспресс-просвещением молодежи:

– Восьмером боги создавали и опекали наш мир: богиня жизни, целительница Алхой, бог смерти Зебат, воитель Ирнат, богиня искусств Элмай, бог торговли Сигет, богиня любви Илай, покровитель ремесел Трашп и бог магии Крисат. Равны они были по силе, соперничали, дружили, спорили и творили сообща. Вместе и встали стеной в час великой нужды, дабы заслонить Вархет от порождений хаоса.

– Красивые имена, но сразу не запомнишь, – оценила Света, добившаяся по примеру Дениски возгорания сухих веточек.

– Точно, если бы все рифмовались, было проще. Ирнат, Зебат, Сигет, Крисат – это еще нормально, и с дядей Ригетом тоже рифмуется, не забудешь, а остальные никак в размер и такт не попадают, – пожаловался Дениска, быстренько протараторив усвоенный материал. И, в очередной раз доказывая действием постулат о причудливости и избирательности памяти, а также ускоренном запоминании через творческую работу с материалом, принялся вдохновенно рифмоплетствовать, декламируя на всю поляну:

Война – Ирнат и смерть – Зебат,
Торгаш Сигет и маг Крисат,
Алхой – то жизнь, любовь – Илай,
Запомни, неуч, не зевай.
Искусствам имя Элмай дашь ты,
Ремесла – сфера силы Трашпа!

На секунду после озвучивания состряпанной на коленке божественной считалочки повисла тишина, вставший в позу Денис возмущенно нахмурился, дожидаясь хоть какой-нибудь реакции.

– Ух ты, – оторвавшись от обхаживания лошадей, простодушно

удивился восхищенный Валт и звучно прихлопнул ладонями бока. – Ты, дир, не только жрец, а еще и поэт!

– Стихоплет он, – с легкой завистью буркнула Света и укорила: – Между прочим, в последней строфе рифма прихрамывает!

– Иначе вообще не звучит, – наморщил нос Дениска, не обидевшись на конструктивную критику.

– Да уж, в прозе не запоминается, а с твоей тараторкой, может, хоть что-то в голове осядет, – примирительно рассудила сестра.

– Время будет, запомните, – не стал делать проблему из ситуации поставленный на одну доску с богами дядюшка и в свою очередь не удержался между делом от небрежного вопроса насчет того, опасные ли животные верблюды?

– Еще бы, как плюнут – стоишь и обтекаешь. А если решишь покататься, да потом передумаешь, фиг слезешь, – на голубом глазу подтвердил Денис.

Света промолчала, хихикнув в ладошку над невинным розыгрышем.

Пока племянники упражнялись и просвещались, Валт и Бельташ полностью приготовили повозку к езде по лесным дорогам.

Часовня, о которой вчера говорил дядюшка, показалась из-за поворота. Поначалу Дэн принял ее за трактир и хотел было вслух засомневаться в доходности предприятия, но Ригет опередил его:

– Часовня Зебата.

– Странно, – первая отреагировала Бельташ, сведя на переносице идеальные дуги пшеничных бровей. – Я совсем не чувствую силы своего господина. Нет... крохотный огонек есть, более присущий малой вещи, а не храму или жрецам.

Деревянная постройка в два невысоких этажа, размером с обычную крестьянскую избу, с широким крыльцом и огородиком слева совершенно не выглядела религиозным сооружением и с точки зрения землян. Обычные потемневшие от времени бревна, правда, плиты перед крыльцом каменные, да еще на двери и на столбе рядом с крыльцом висят круглые металлические диски с вездесущим филином. Последнее как раз вполне объяснимо. Если лицо повелителя мертвых сокрыто даже от жрецов, как его изображать-то? Выходили из положения методом замещения: не сам Зебат, а его птица-помощник символизировала место поклонения богу.

Когда фургон затормозил перед крыльцом, на ступенях под внушительно-зловещий скрип распахнувшейся двери показалась высокая фигура с посохом, закутанная в черный плащ. За ее спиной открылся убогонький вид на внутреннее убранство часовни. Попаданцы успели

углядеть три статуи: типа с посохом, кутающегося в плащ, скелета собаки и восседающего на ней филина, а перед ними низкий постамент, то есть, наверное, стол с супницей. Хотя вряд ли кто-то стал ставить супницу на почетное место в часовне. Методом исключения Света идентифицировала предметы как алтарь и алтарную чашу.

Стоило путникам покинуть фургон, как фигура торжественно-звонким тенором провозгласила: «Восемь с вами, путники!» – и весьма резво побежала с крыльца. Излишняя поспешность, длинный плащ и неосмотрительность сыграли с обитателем часовни злую шутку, он запнулся о ступень и полетел рыбкой прямо под ноги Денису.

Айтишник не удержался от шпильки:

– Да ладно, падать предо мной ниц необязательно, хватило бы и обычного: «Здравствуй, о великий господин».

Впрочем, слышала тихую шутку Дэна лишь Светка и, возможно, Бельташ. Зато, сдохмив, парень тут же принялся помогать упавшему бедолаге. По счастью, тот не расшибся. При падении капюшон слетел, являя огненно-рыжую голову молодого мужчины. Веснушчатая лопухая мордаха с чуть косящими глазами буквально светилась от радости и жажды общения.

– Вы решили поклониться Зебату?! – продолжил с того места, где его прервал злой рок порога, рыжик.

– Он не видит, – скорбно качнула головой Бельташ, разочарованная в возможности призвать мертвых гончих в путевом храме своего бога. – Он не жрец, и это место не истинный храм Зебата. Малая толика его спящей силы есть лишь в вещи, скрытой под плащом.

– Восемь с тобой, – выпалил Денис приветствие по местной моде и, отряхнув запыленного парня в плаще, пока чистюля Света не погнала его, а заодно и самого брата мыться с «Даместосом», осведомился: – Ты жрец Зебата?

– Именно так, целых пять лет. Мне поставил метку Зебата мой учитель, жрец Пелап, шагнувший за последний порог минувшей осенью. От него же мне достался и знак Зебата. Более года уже я единственный жрец повелителя мертвых путевой часовни, – подтвердил парень, демонстрируя запястье с кривоватой меткой. Приплюснутая голова Ойха была вытатуирована обычной черной краской.

– Слушай, а чего часовню в такой глуши поставили? Или сейчас не сезон? – взял в клещи жреца-не жреца Денис, пока остальные разминали ноги и осматривали двор.

– Когда полтысячелетия назад Восемь ушли на битву, а их служители

потеряли рассудок, храмам Зебата пришлось тяжелее всего. Жрецы сдерживали потерявших разум слуг повелителя мертвых, чтобы не допустить бойни. Они справились, однако большинство храмов Зебата превратились в руины. Люди были слишком испуганы, потому храмы нашего господина начали возводить далеко от городов и деревень, а жрецы бога стали странниками. Я бы, наверное, тоже ушел, только страшно одному на дорогах, и учитель просил меня присмотреть за храмом, – рассказывая, парень положил руку на грудь, пальцы его соскользнули с плаща и с шипением боли «уй-й» были тут же выдернуты обратно.

– Ты болен? – сразу насторожилась бдительная Света.

– Нет, дира, всего лишь случайность. Знака Зебата нельзя касаться голой кожей – он морозит сильнее льда, – гордо улыбнулся рыжик и продемонстрировал, выдернув из-под плаща, цепочку с кругляшом. Точно такие же висели сейчас на груди Дэна и Светы, даруя приятное тепло.

Теперь-то и Света с Дэном поверили, что толку от не-жреца им не добиться. Бельташ изначально оказалась права: парень не был жрецом бога. Сидя в лесном домике, именованном храмом, и нося диск с мордочкой Ойха, в настоящего жреца Зебата не превратишься, сколько ни старайся. Денис пытался еще выпросить о каких-нибудь реликвиях или записях из старого храма и был разочарован. Никаких книг в часовне не было, и единственное достояние, вывезенное из развалин, попаданцы успели увидеть. Кусочком старого храма и оказались статуи. Когда рушились своды, уходящие жрецы спасли именно их. Хранили ли в святилищах Зебата «методички» по овладению силой бога смерти или молодые служители учились у старших жрецов – о том, к сожалению, рыжий Ксалоу ничего не ведал и, как честно признался, мертвых ни разу не поднимал. Правда, несколько раз упокоевал, тыча в ходящих мертвяков своим знаком Ойха. Да и то не сам сообразил, как кругляш использовать, а учитель подсказал, а тому – его учитель.

Путешественники не стали заходить в фальшивый храм, зато поделились с рыжиком провизией и пожертвовали храму две серебряные монеты из кошель, найденного в развалинах. Дядя, правда, расставался с деньгами крайне неохотно, но средства на благотворительность выделил.

– Да пребудет с вами благословение Зебата! – напутствовал отъезжающих рыжик, энергично размахивая посохом и руками.

– Уже, парень, уже, – очень тихо ответил Денис. – Правда, мы пока не решили, к добру или к худу.

Глава 9

«Трактир» как имя собственное, Мурдар и немного о тренировках

И вновь потянулись бесконечные лесные, а потом лесостепные пейзажи. Редкие деревеньки чуть разнообразили вид, но были так похожи одна на другую, что к вечеру путь начал казаться попаданцам путешествием на карусельных лошадках.

Впрочем, в доказательство ошибочности иллюзии путников на дороге прибавилось, и на вечернюю стоянку компания останавливалась не в чистом поле или лесочке, а в небольшом трактире под вывеской «ТРАКТИР».

– Ну а че? Просто, емко, звучно и конкретно! – оценил Денис маркетинговый ход владельца с вывеской.

Лошади тоже были рады окончанию пути и в конюшню, стоило их выпрячь, отправились чуть ли не вприпрыжку. Остальные же бегать и делиться своим мнением о постоялом дворе не спешили. Бельташ безразлично молчала, она исполняла функцию проводника-охранника для жрецов и ничего интересного в глухой деревне для себя не видела. Светка глазела по сторонам, проникаясь экзотикой. Валт просто ждал возможности пожрать, а дядя бросал на племянника предостерегающие взгляды.

Последние слова упреждающего дядькиного шипения: «Не маши руками, не плюй, а лучше всего вообще молчи», – в аккурат совпали с приближением к деревенской околице. Ответный пассаж потерявшего терпение Дениски не заставил себя ждать:

– Да понял я, понял. Руками буду орудовать, только когда дадут ложку, ну и в сортире. Тут уж, дядюшка, сам понимаешь, никак. Не тебя же просить поддержать?

Дядюшка отвесил шалопаю беззлобный подзатыльник, и на этом короткие разборки завершились.

Вопрос с постоем в трактире решился быстро. Дородная трактирщица и ее столь же хорошо откормленный муж, а также почти полный зал в деревне, где каждый может сам себе что-нибудь сготовить дома, служили заведению отличной рекламой. Две комнаты – одна, поменьше, девицам, и вторая, побольше, всей мужской компании, к тому же чистые, без грязи, пыли и насекомых, – в «Трактире» нашлись, а главное мыльня на задворках

местной гостиницы. Это окончательно умиротворило Светку. Мытье головы вообще всегда приводило девушку в благодушное состояние. Феном она и дома почти не пользовалась, предпочитая сохнуть естественным путем вытирания многочисленными полотенцами или вовсе на солнышке, на балконе (летом, конечно).

Спали все крепко, и никакие вопли о бродящих под окнами мертвяках народ не тревожили. Чего тревожить-то, если Бельташ никуда не ходила и всю ночь провела в комнате на пару со Светой? Уж больно ясная стояла погода, потому поостереглась рыцарша нарушать конспирацию.

Ригет и Денис тоже отправились ночевать в комнату, а Валт решил завалиться спать на сеновале, поближе к лошадам и сочной молодке, которая заинтересованно поглядывала на могучего бородача и сверкнувшую в его руке монетку. Что уж привлекло ее внимание больше: осанистый мужчина или деньги – не так уж и важно. Во всяком случае, Валт этим вопросом не задавался, а уж Денис тем более. Нет, доступные девицы – это, конечно, здорово, но своих-то денег у попаданца не водилось, а представить себя кланчащим у дядюшки мелочь на девочек Дениска не смог, зашелся хохотом. Это не у папки на мороженое и кафешку-киношку для однокурсницы выпрашивать.

Словом, каждый коротал ночь по-своему, но с особым развлечением повезло только дамам. Светку разбудил дикий крик чуть ли не над ухом, грохот и дребезжание мелких стекол в раме. Выбитый шпингалет, распахнутые створки и удаляющийся вопль ясно подсказывали, что кто-то решил зайти темной ночью «на огонек», потом резко передумал и не нашел ничего лучшего, чем удалиться по-английски через окно.

На звон, ор и топот примчались Ригет с Дениской. Бельташ продемонстрировала встревоженным мужчинам поднятое с пола кольцо отмычек и спокойно пояснила:

– Вор. Убивать не стала, хотела допросить. Но луна вышла.

– Ага, и от лицезрения неземной красоты у воришки разом энурез и заикание приключились, – понятливо зевнул Денис.

– Зачем ему отмычки, если лез в окно? – сонно позевывая вслед за братом, удивилась Светлана.

– Чтоб были! Может, просто дурак или увлекается город... то есть сельским, альпинизмом? – захихикал парень и снял клочок ткани с гвоздя, торчащего на треть из подоконника. – Улика, однако!

– Будем осматривать штаны с тылу всех мужчин на деревне или все-таки спать? – посоветовался с племянниками и рыцарем смерти дядюшка.

– Осматривать штаны у всех парней на деревне лунной ночью – это,

конечно, жуть как романтично, но спать хочется больше. – Дениска с сомнением покосился на дамский коллектив. Вроде как к ним полезли, им и решать.

– Давайте окошко закроем и спать, – предложила Света. – Ничего у нас не украли, а вор, наверное, теперь заречется в чужие комнаты без спросу ломиться.

– Во всяком случае, лунными ночами, – хихикнул Дениска, пока Бельташ играючи прикрывала тяжелые рамы и для страховки вставляла вместо сломанного шпингалета вырванный из подоконника гвоздь-штанодер. – Дира Бельташ, ты одним своим видом наставляешь на путь истинный!

– Как и положено слуге Зебата, дир, – то ли приняла слова парня за чистую монету, то ли изысканно пошутила скелетина.

На том и разошлись, а клочок штанов вора и отмычки Дэн прихватил с собой, объявив по секрету дядюшке о своих великих планах на эти вещи. Отбирать игрушки у парня никто не стал.

Так что утром Денис объявился на завтраке, гордо помахивая кольцом с зачерненными отмычками и клочком коричневых штанов. Сияя улыбкой во весь рот, парень прошествовал к стойке и буквально накинулся на сонную трактирщицу с благодарностями:

– Я чего сказать-то хотел: спасибо, дира, огромное!

Трактирщица перевела сонные буркалы на тощенького юнца. На полной луне, заменяющей ей лицо, явилось выражение слабого недоумения.

– Короче, девушки, конечно, очень благодарны, но в следующий раз нельзя ли прислать для ночного обслуживания номеров менее нервного типа? Этот вместо того, чтоб о своих услугах рассказать, показать и все такое, как увидел на моей сестрице маску для красы лица из кислого молока и трав, так через окно с криком восторга и вышел. Вот на память сувениры оставил.

И Дениска гордо выложил на стойку колечко с отмычками и клочок от штанов.

Сонная одурь с трактирщицы слетела разом – как оказалось, полнота и индифферентное выражение лица не являются безоговорочным признаком тупости.

– Наконец-то Вжип попался, теперь не отвертится! – ощерилась дира в акульем оскале. – Будет знать, сволочь, как монеты у постояльцев и продукты с ледника тырить! Уж ты, дир, сделай милость, оставь нам вещи. Я у охотника Шаная лучшего пса попрошу – Дайпа. Уж он-то к ворюге

наверняка выведет, да и народ соберу! За беспокойство же ночное завтрак всем вам от заведения поставлю и припасов в дорогу!

– Договорились! – бодро объявил парень. Трактирщица звучно кликнула девку и, наказав ей накормить клиентов, схапала улики. Завывая сиреной, мадам понеслась звать мужа.

– Сделал гадость, сердцу радость, – хлопнувшись на скамью рядом с сестрой, процитировал Дениска и, вооружившись ножом, ринулся в неравный бой с толстенной сарделькой, отважно заслонившей собой порцию яичницы.

– Ты хоть и балбес, а голова у тебя варит, Деньес, – одобрил действия племянша Ригет.

Валт, которому успели рассказать про попытку ночного ограбления, промышчал утвердительную оду хитроумию героя. Большого с двумя сардельками в пасти сделать было невозможно. Лишь Бельташ, чей дивный лик, собственно, и вызвал лавину событий, ограничилась скромной улыбкой.

Словом, утро в деревеньке, чьим названием Дэн и Светка не удосужились поинтересоваться, порадовало дармовым завтраком и парой мешков припасов в дорогу, источающих запах колбаски с чесночком. Толпа, возглавляемая деятельной трактирщицей, собралась достаточная, небольшая длинноухая собачка Дайп, нюхнувшая кусок от порток, взяла след под окном и рвалась с веревочного поводка. Наконец народ и собачка потянулись из ворот, улица опустела.

Бодрым кузнечиком выскочил Дениска на крыльцо и, энергично потянувшись, выпалил:

– Эх, жить-то как хорошо!

Валт согласно проворчал и вперевалку двинулся в конюшню за Петрушкой и Укропом. Лошадей ночью злоумышленники не беспокоили, потому выбежали они вполне бодрыми и игриво настроенными. Петрушке, изменнице, больше пришелся по сердцу умыкнувший с завтрака горбушку Валт, зато Укроп подбежал к Ригету и боднул его в плечо, напрашиваясь на ласку.

– Дядя, а что с вором сделают? – тихо спросила Светка. Не из жалости, конечно, просто чтобы знать, чего ждать от стихийного правосудия на Вархете. Земной суд Линча, насколько помнила девушка, гуманным никогда не был.

– Бока крепко помнут и, скорее всего, из деревни вышвырнут. Убивать не станут, но не место вору рядом с людьми, – растолковал Ригет, почесывая морду верного коника.

– И пусть, не будет девушек ночами пугать! – объявил черствый Дениска и, снова до хруста потянувшись, спросил: – Пошли тоже на представление глянем или нам уезжать пора?

– Едем, нечего там смотреть, – поморщился дядюшка.

Но не успел Валт сладить с упряжью, как затихшие было крики удаляющейся толпы вновь стали нарастать. И в голосах звучал не гнев на вора, а паника.

– А-а-а! Мурдар! Мурдар!

– Чего орут-то? – высунулся из конюшни молодой парень с волосами настолько светлыми и нечесаными, что понять, где личные лохмы, а где застрявшая в них солома, возможности не представлялось.

– Чего-то о мурдаре, – протранслировал Валт, стоявший ближе к воротам.

– Мурдар? – почесал затылок паря. – Дык он же сдох на прошлой луне, знатный кошак был. Уж кривой, половины хвоста нет, зубы выпали, а все кошек портил без счета. Половина деревни его котят бегала. Бабка Алай так убивалась, под яблонькой во дворе его схоронила. Наливки наливала каждому запросто так...

– Во дворе, значит, – хмуро констатировал Ригет, прислушиваясь к нарастающей панике на деревне и воплям о мертвом, совсем мертвом кошаке. Кажется, своего мага тут не имелось, потому и звать на помощь было некого. От лицезрения мертвяков здешний люд, в отличие от Забыток (а ведь всего-то пара дней пути), и вовсе отвык.

– Запрягаем, быстрее, – поторопил Валта дядюшка, и в четыре руки они занялись повозкой и лошадьми.

– Ты что, опять ничего не чуял? – прошипела Светка на ухо брату.

– Что-то, может, и чуялось, как огонечек маленький прохладный, да не сопоставилось, – виновато шмыгнул носом Дениска и пробубнил на ухо Светке:

– Повизжи, Светик, чего тебе стоит, а? У тебя ж так профессионально получается! Зуб даю, ни одна баньши лучше не справилась бы!

– Я могу упокоить кота своим клинком, – предложила рациональная Бельташ.

– Не надо, – с сожалением отказался дядюшка. – Лишние слухи.

– Точно-точно, истеричные проезжие девицы деревенским более привычны, чем девицы с мечами, – бодро встрял в диалог Дениска, за что получил от родной сестры, выдвигавшейся в авангард для прицельного визжания, порцию негодующего шипения.

Светка выбралась за ворота трактирного двора и заверещала,

ориентируясь на быстро приближающуюся толпу, впереди которой неся бойкий, но, кажется, трусоватый песик Дайп. Толпу визг не остановил, скорее взбодрил, визжать в знак солидарности со Светкой стали еще с десяток баб и, кажется, несколько мужиков. Удивительным было то, что сквозь неслабую эту какофонию почти все расслышали звонкий мальчишечий голосок босоногого зрителя, оседлавшего высокую яблоню у дома на противоположной стороне:

– Ой, а Муддал снова совсем сдохлый!

Повального бегства возглас не остановил окончательно, но притормозил. Первым сориентировался песик Дайп. Вряд ли животное поняла слова человеческого детеныша. Зато отсутствие присутствия немертвого кота, вернее, его переход в состояние «обыкновенно-дохлого» ощутила мгновенно. Пес, проскользнув между лесом чужих ног, с чувством обгавкивал полуразложившуюся тушку, нарежая вокруг нее круги.

– Это все Луська проклятая! – заголосила какая-то баба, разом решив проблему подозрений относительно постояльцев и объяснения восстания кота из мертвых. – Так орала каждую ночь на его могилке, что он к ней и пошел!

– Утопить в пруду кошатину, и вся недолга, пока она еще чего не намяукала! – злобно прошипел (а ничто не злит мужчин так, как бессилие перед собственным страхом) какой-то тощий мужичонка.

– Я те дам, мою Луську топить! Я тебя, кобель плешивый, самого утоплю! – взвился над деревней пронзительный бабий голос.

– Да сжечь эту падаль, и дело с концом, пусть Луська хоть обмякуется, – трезво предложил кто-то более здравомыслящий.

Половина компании поддержала инициатора и отправила его к бабке Алай, владелице Мурдара, за дровами. Скандалить с лучшей на деревне самогонщицей и бросаться обвинениями желающих не нашлось, зато требовать с нее дрова на костер, тачку для перевозки падали и побольше кувшинов самогонки для снятия стресса – это все восемь богов велели. Вторая половина толпы, вновь возглавляемая расхрабренным песиком, вернулась к походу за тушкой вора. На улице стало почти тихо. Путешественники спокойно загрузились в повозку и выехали из совсем не сонной деревеньки.

– Дядюшка, не надо прожигать меня взглядом, – попросил Денис. – Я расту над собой. Сам посуди, в Забытках два раза по полкладбища поднял, а сегодня только дохлого кошака.

– Шума везде хватило, – не сменил гнев на милость Ригет и постановил: – Пока себя контролировать не научишься, в деревнях и городе

тебе делать нечего.

– Понял, – подозрительно покорно согласился парень и, откинувшись на тюфяк, прикрыл глаза, бухтя под нос: «Пип, пип, пип...»

«Радар включил», – догадалась Светка и прилегла на соседний тюфяк для аналогичной тренировки, правда, пикать не стала, чтоб не сбиваться. Для настройки на воображаемый поиск вполне хватало братова голоса.

– Довели мальчонку, умом тронулся, – посочувствовал с облучка Валт.

– Это мы скоро разума лишимся с прытким мальчонкой, а он как был оболтусом, так и останется, – не дрогнуло черствое сердце дядюшки, шагающего рядом с повозкой.

– Молодым жрецам очень тяжело удерживать дарованную силу в себе, вместо того чтобы расплескивать вовне, особенно если касание бога их одарило чрезмерно щедро, – вступилась за молодую поросль Зебатова древа Бельташ. – Лишь время поможет.

– Увы, дира, у нас его не так уж много. Во-первых, если верить моим племянникам, Зебат просил их прибыть в храм Алхой как можно скорее, и во-вторых, пусть для Восьми богов и судьбы мира это не имеет значения, но я должен доставить Деньеса и Свельту к родовому замку ради вступления в права владения до истечения года. В противном случае земли отойдут короне.

– Чего сразу-то не сказал, дядя? Ничего государству мы отдавать не будем, самим пригодится! – резво влез Дениска, который после возни с переоформлением дачи заработал стойкую неприязнь к любым властям, связанным с мытарствами и документами. – А что пара-другая десятков мертвяков на пути встанет – как-нибудь переживем. У вас ведь за некромантию в тюрьму не сажают?

– Нет, – недоуменно поднял брови Ригет. – Но у нас не настолько много денег, чтобы компенсировать ущерб от твоих тренировок каждому пострадавшему. Потому будь осторожнее, чтобы в лесу вместо теплой кровати ночей коротать не пришлось.

– Убедил, дядюшка, ты такой красноречивый, – вздохнул Дениска. – Еще бы это все, что внутри у меня костерком пылает и мертвяков подымает, тоже твоими словами прониклось.

И вновь парень углубился в подобие медитативного сканирования местности, пытаясь ощутить мертвых, но только ощутить, а не воздвигнуть неосторожным своим словом или взмахом руки.

Сардельки в трактирах на завтрак подавали мировые, и они, пожалуй, послужили самым мощным стимулом в тренировке юного жреца. Светка же тренировалась больше заодно с братом и чтоб суметь убрать все, что он

натворит намеренно или случайно. Воспоминания о Мурдаре были слишком свежи, а лошадки, напротив, подустали, потому гнать их по сумеркам к следующей на пути деревеньке Ригет не велел.

– Стой! Тпру! – Денис подорвался со своего тюфяка, как ужаленный пчелкой в самое нежное место.

Валт натянул поводья прежде, чем осознал абсурдность требования. Пустая дорога, деревья вокруг, густотравный большой луг слева, беззаботная переключка птиц – ничто не указывало на срочность остановки. Если только пареньку приспичило?

Обернувшись к Дэну, бородач громким шепотом (уж лучше бы орал, вышло бы потише) осведомился:

– По нужде надобно, дир? Я тогда тихонько поеду.

– По нужде, да не той, – фыркнул Денис и позвал Ригета: – Дядя, тут вроде много мертвых, старых мертвых лежит. Сгодятся для тренировки, как думаешь? Или тут чумных каких закопали и лучше десятой дорогой объехать?

Молодой жрец ткнул в сторону луга, чем заставил и Светку взглянуть в буйное разнотравье. Но нет, никаких могильных плит, памятников, оградок и прочих атрибутов любого кладбища не обнаружилось. Тогда девушка тоже постаралась вчувствоваться в луг и удивленно вздрогнула. Денис не ошибся. Под слоем земли и травы были кости, много костей.

Ригет подошел к обочине дороги и внимательно оглядел не луг, а самое большое дерево на краю леска. Примерился и, вытащив кинжал, обрезал плети вьюна, оккупировавшего солнечную сторону дерева. Под растением оказался знакомый попаданцам знак – филин Ойх, да не с пустыми лапами. Когти птицы сжимали большую кость.

– Обычное лесное кладбище. Старое, – идентифицировал местность Ригет. – После крушения старых храмов Зебата, когда нежить вокруг являться стала, как грибы после дождя, погосты от деревень подальше лет двести делали. Это в городе всегда некромант найдется, чтоб уложить беспокойного мертвяка, а в здешних краях проще было расстоянием отгородиться. Тогда редкий восставший до деревни добредет. Лес кругом, иное зверье от лишнего куска, пусть и с душком, не откажется, и дорога – не ровный стол. Авось и выйдет с концами та сила, которая труп прогуляться толкала.

– М-да, весело тут было, – хмыкнул Денис, а Света только головой покачала, представляя, каково пришлось людям привыкать к такому порядку. Хотя человек ко всему быстро привыкает. Это только отвыкать от комфорта и удобств никак не желает. Девушка с ностальгией вспомнила

ванну, трехслойную туалетную бумагу, зубную пасту и хорошую щетку.

– Что ж, заразы, кроме тебя, здесь нет, пробуйте, – щедро разрешил дядя и прибавил: – Только убрать за собой не забудьте.

Попаданцы вылезли из фургона и дотопали до райского с виду лужка. Денис наставил руку на первый попавшийся участок из тех, которые были поближе к дороге, и велел:

– Встань и стой!

Девушка внимательно смотрела на «шаманящего» братца и углядела-таки, как от его кулона потянулась тонкая фиолетовая нить, похожая на луч от лазерной указки.

– Ого! – Денис и сам заметил световой эффект. – Раньше ничего такого не было. Похоже, кулон Зебата помогает силу концентрировать и направлять, когда цель точно определена.

Порассуждать насчет пользы от украшения Дэн не успел, травка вспучилась, и на поверхности показались темно-коричневые кости. Перед жрецами воздвигся мелковатый, не больше полутора метров в прыжке, скелет. Сказали «встань и стой», он встал и застыл.

– Кровью поливать не будем? – на всякий случай почти безнадежно попробовал добиться у сестры согласия на занятный опыт Денис.

– Ни-за-что! – твердо отчеканила девушка.

– Злая ты, – укорил сестру парень. – Все эксперименты на корню рубишь. Вон как с Бельташ здорово получилось!

– Бельташ была создана Зебатов, чтобы служить храму. Этот же был обычным деревенским жителем. Что, если он не низкорослый мужчина, а подросток и после крови не разум обретет, а вспомнит о том, что он ребенок. Ты станешь ему отцом?

– Э-э-э, нет, опыт отменяется! – Дэна передернуло, он живо представил, как коричневые кости забираются ему на колени и требуют сказку на ночь. Набрав в грудь побольше воздуха, недоделанный жрец-экспериментатор решительно скомандовал: – Ложись обратно!

Скелет покорно лег назад в землю, но и Света и Денис продолжали ощущать его как неупокоенного.

– Упокойся, – попросила объект тренировки Светлана, приготовившись немного повизжать, однако упражняться не пришлось. Проблеснула фиолетовая ниточка света, ударившая из медальона в землю, и ощущение присутствия немертвого сменилось на окончательно мертвого.

– Круто, тебе теперь и верещать, как придавленной, не надо! Хотя нет, если случай подходящий, можно и поверещать для пущего эффекта!

Денис для практики поднял еще пяток темных скелетиков, причем

последних трех разом, Света их исправно уложила обратно. Никакой усталости от процесса оба жреца не почувствовали, но эксперимент все-таки продолжать не стали. Дэн прикинул, что не надорвался бы и целый лужок разом поднять, только зачем? И вообще интересно было раз, другой, на третий стало банально скучно. Маршировать-то «солдатиками» ему никто не позволил. Зато мысль о возможном использовании мертвой силы для воздействия на живых погрела самолюбие молодого жреца.

Да и дядюшка немного успокоился, убедившись, что худо-бедно племянники силу Зебата контролируют. Бельташ смысла в подъеме обычных мертвых не видела, но не дело это рыцаря смерти указывать, чем жрецам заниматься, потому промолчала. Ее забота – охрана и пропитание двух живых средоточий силы бога.

Глава 10

Не все то храм, что дом

Бельташ обнаружила замечательную укромную поляну совсем рядом с дорогой. Удивительно, но туда не вело ничьих следов, не было и призрака наезженной колеи. Хотя чему удивляться? Наверное, путешественники, не отягченные обществом двух необученных жрецов Зебата, предпочитали добраться до жилья и ночевать под крышей.

Вообще-то на редкость уютная оказалась поляна и в меру просторная, хватило места для пяти путешественников с повозкой, лошадей и костра. Родник на краю под корнями могучего дерева, листьями напоминающего дуб, вообще выглядел волшебно. Маленький прозрачный ключ, стекающий в природную чашу из громадного, будто лакированного корня, буквально заморозил Светку. Она вообще обожала текучую воду в любом виде, даже из-под крана, а такую и подавно. Пила из родничка, пока булькать не начала.

Ночлег на природе устроил всех, кроме, быть может, Дениски, который чуть-чуть побухтел насчет своего отличного поведения в течение дня. Дескать, ни единой белочки не поднял из мертвых, а его молодой растущий организм лишают возможности отведать хлеба насущного, то есть румяных сарделек поутру. Увы-увы, ни единая живая или мертвая душа на нытье парня не отреагировала. Лишь сверху, из дупла, насмешливо ухнула большая птица. Не филин Ойх, но кто-то столь же крупный и вредный, обладающий пепельно-серыми перьями. Препираться с птицей Дэн посчитал ниже своего достоинства, а подходящего камешка, чтобы кинуть в дупло, под рукой не оказалось. Наверное, к лучшему. А еще Светка вставила бы бестолковому брату насчет «беспричинной агрессии по отношению к безответной птичке». И аргумент, что птичка первая начала, сестра наверняка учитывать не стала бы! Сплошная несправедливость с этими сестрами!

Укладывались спать недолго. Сразу после ужина из очередного охотничьего трофея Бельташ – тройки рыжеперых жирненьких птиц в две трети курицы величиной – сытых людей разморило. Стали слипаться глаза, в ушах поселился гул. Словом, оставив неспящую рыцаршу за караульную, все четверо расплзлись по тюфякам. Для Валта, раз уж подвязал его охранником, дядюшка купил дополнительный соломенный тюфяк вчера в

деревне.

Стоило попаданцам заснуть покрепче, как они снова, как несколько дней назад, оказались в знакомом жемчужно-сером «никогда», в котором не было никого, кроме них, и ничего, кроме тишины. Несколько секунд молчаливого осознания странности группового видения не успели истечь, а обстановка сменилась. Послышалось журчание переливчатого женского смеха, и из серой туманности проявилась, как мысленно выразилась Светка, красивая тетенька приятных округлостей. Цвет и фасон ее платья не поддавались определению и менялись беспрестанно, как сама женщина. Коротко стриженная шатенка, или все-таки златокосая, или, может, кудрявая блондинка со смеющимися зелеными, нет, голубыми, нет, точно брюнетка с серьезными карими глазами приблизилась к близнецам и промолвила:

– Мой супруг давал вам здравый совет, не стоит смотреть на богов слишком пристально. К богиням это тоже относится.

– Вы Алхой? – чуть заробела Света, опустив в соответствии с рекомендацией ресницы.

Денис же лишь молча и сосредоточенно пожирал дивное видение глазами, не обращая внимания на усиливающееся головокружение. Айтишник – это диагноз. Парень все пытался определить, изменяется ли платье богини с изменением внешности или два процесса не синхронизованы, каким образом выстроен алгоритм изменений и имеет ли четкий интервал, или же ему изначально задавались временные границы с плавающей переменной.

– Я Алхой, – подтвердила богиня и, разом оказавшись вплотную к попаданцам, положила руки им на плечи, обдавая жаром и морозной свежестью. – Но и моей силы вам, увы, не хватит, чтобы стать маяком и путем для Восьми. Слишком густой туман скрывает Вархет. Следуйте прежней дорогой, войдите в храм Ирната и преклоните там главы! Благодарность нашу познаете, а пока лишь малое доказательство сил моих узрите при пробуждении!

– Уй-ху-о-айх, – дико прокричала пепельно-серая птица, обосновавшаяся на нижней ветви упомянутого уже дуба, именуемого в здешних краях ринготом.

Именно птичий крик выдернул из крепкого сна всех, кто коротал ночь на поляне в божественных видениях ли или обычных снах.

– Интересно, эту птицу, случайно, не Айх зовут? – зевнул во весь рот Дениска и выкарабкался из повозки вслед за дядюшкой. У потухшего костра выворачивался из-под плотного одеяла Валт. Денис смерил

пернатого будильника нелюбезным взглядом и прикрыл машинально левое плечо.

– Зовут, и не случайно, – согласилась Бельташ, принимаясь за разведение костра. – Спутницу Алхой от начала времен именуют Айх. Она бережет покой леса днем, тогда как Ойх, спутник Зебата, заступает на пост ночью.

– Ясно, пусть сторожит, – еще раз от всей души зевнув, Дэн стянул через голову рубашку и, поевшись, побрел к роднику умываться. Пусть на Вархете и царил разгар жаркой местной весны, но по утрам холодок чувствовался.

– Выходит, опять сон не был сном, когда Алхой приходила, – ойкнула выбравшаяся из повозки вслед за братом Светка и ткнула пальцем в направлении плеча Дениски.

В дополнение к маленькому филину Ойху на затылке, скрытому прядками волос, на плече теперь топорщила крылья миниатюрная Айх. Парень резко вывернул шею, пытаясь разглядеть новую метку. Дядюшка успел первым. Сцапал племяша за плечо железными пальцами, пристально изучил татуировку, нахмурился и, снова развернув его как болванчика, впился взглядом в кулон на груди Дэна. Парень тут же сам наклонил голову и присвистнул. Кругляш с головой Ойха тоже изменился. Теперь на серебре красовалось две птицы: Ойх и Айх. Ригет вздохнул и только проронил:

– Думал, до святилища Алхой в Брисе дотянем.

– Так это и есть святилище, – спокойно проинформировала людей Бельташ, изящно выгибая бровь. – Вы разве не знали?

– Тут вообще-то ни таблички, ни знака, как в захудалой Зебатовой часовенке, нет, – буркнул парень, критически оценивая татушку и побрякушку. Ничего так, красивая птичка вышла, хоть и орет препротивно. Ну да с павлинами точно так же. Еще ребенком Дениска с восторгом смотрел на роскошные хвосты птиц и один разок смог достать через решетку оброненное перо. Отдал, конечно, Светке, он же мужчина, ему цацки-печки не положены, но любоваться-то никто запретить не мог!

– Зачем табличка? – искренне не поняла комментария Бельташ и повела рукой, поясняя смысл: – Восемь ринготов встали священным кругом, птица Айх – страж храма – приветствовала путников, живой алтарь – родник – по-прежнему чист и свеж низвергается в древесную чашу.

– М-да, – признавая собственный недосмотр, крикнул дядюшка, новым взглядом проводя рекогносцировку местности.

– Это мы, выходит, в храме ночевали? – испуганно присел, где стоял,

Валт, опасаясь громов, молний или еще чего неведомого. Не дождался и в легкой панике стал осматривать сам себя, возможно, опасаясь найти громадную печать «осквернитель» посреди груди или, что вероятней, на филеях.

– Храмы Алхой издревле были приютами путникам, – пожала плечами дева-рыцарь, не видя причин для паники. – Если об этом за века забыли люди, боги и их служители все равно помнят.

Пока шла речь об устройстве храма, Светка успела слазить в фургон, чтобы убедиться – ее плечо и кулон нынче ночью тоже проштамповали.

– Диры, а какова жизнедарительница? Правы ль гимны, что она красы несказанной, не уступающей Илай? – выдохнул Валт, и взгляд его – заискивающий, с наивно-ребяческой верой в чудо, так не вязавшейся с космами и бородой, – растрогал циничного агностика Дэна.

– Красивая. Илай не видел, потому только об Алхой сказать могу. Не девчонка-фитюлька, а женщина с формами. Цвет глаз и волос определить трудно, он все время меняется, или это мы настоящего разглядеть не смогли, – постарался описать неопишемое Денис и развел руками.

– Она красивая, – согласилась Света, – только не добрая просто так ко всем без разбора. Смотришь на нее и знаешь: может и наказать, если надо, и в то же время способна простить. К тому же все время понимаешь, что ей до тебя как до человека особого дела нет, ты для нее как кусочек пазла, который в нужную ячейку следует поставить для пользы дела. Только все не для ее собственной прихоти, а потому что так нужно им всем: и Восьмерым, и Вархету. В глаза Алхой смотришь и все это понимаешь, и чем дольше смотришь, тем лучше понимаешь: надо взгляд опустить, если сойти с ума не хочешь, – в свою очередь прибавила частицу беспомощного описания неопишемого девушка и неожиданно припомнила: – Еще Алхой обещала нам какое-то доказательство своей силы. Наверное, это птички на плечах и узоры на кулонах?

– Не знаю, – на миг призадумался Денис, пожал плечами и вернулся к утренним гигиеническим процедурам, используя вместо умывальника алтарь-родник. Ни смущения, ни благоговения при этом, понятное дело, парень не испытывал. Если бы тут стояла статуя красавицы Алхой или ему Бельташ на руки поливала – другое дело, а так – обычный естественный умывальник. Вода, правда, холоднющая, зато сон на раз прогоняет.

– Нет, метка и кулон – это знаки жреца, – качнул головой дядюшка и прикусил губу, пытаясь сообразить, какого божественного сюрприза ждать. Болтать о кулонах и татуировках в присутствии Валта он не стеснялся. Обычному ли мужику разглядеть разницу между метками и побрякушками

нынешних жрецов на Вархете и истинными знаками на Деньесе и Свельте? Так-то удачно выходит: вроде все на виду и тем сокрыто.

– Знак! Великая Алхой подала знак! – возопил Валт так, что птица Айх свалилась с ветки, Денис поперхнулся водой, которой полоскал рот, Светка рухнула с подножки фургона, а дядюшка и Бельташ синхронно вздрогнули и схватились за оружие.

– Следы пестряги! Они пропали! Я чист! Слава Алхой! Слава великой! – продолжил вопить бугай.

Он дикими скачками передвигался по поляне, исполняя нечто отдаленно схожее с танцами дикарей. Задранная до подмышек застиранная рубаха колыхалась парадным флагом. Голосил бородач во всю мощь нехилой глотки с такой неподдельной радостью, что его хриплый голос звучал прочувствованнее и искреннее любой ритуальной молитвы. Если бы именно такого зова дожидались боги для возвращения в мир, то сейчас непременно снизошли бы к своей пастве. Но нет, одноразовое чудо так и осталось одноразовым.

– О как, – крикнул Ригет и почему-то покосился с подозрением не на великий волшебный алтарь древнего природного храма и не на священную птичку-прислужницу, вспорхнувшую вновь на ветку, а на парочку любимых племянников. К ним за считанные дни знакомства дядя успел проникнуться совершенно родственным по своей причудливости комплексом чувств: и придушил бы порой, а жалко, столько труда и средств угроблено.

Додумать мысль дядя не успел. Резко вскочила и стала то ли прислушиваться, то ли пристально всматриваться в траву Бельташ. Выражение на лице отважного рыцаря женского пола было странным, будто она чего-то очень ждала, на что-то надеялась и в то же время не верила или боялась разочароваться, поверив.

Впрочем, намеченное представление никоим образом от мыслей и чувств присутствующих не зависело. Трава на поляне пошла мелкими волнами и совсем не от ветра. Вздрогнула земля, раздаваясь на несколько мгновений, расплескиваясь водой, чтобы выпустить из своих недр три громадных тела и снова сомкнуться, словно ничего не бывало.

Но живым доказательством реальности происходящего в центре природного храма остались три здоровенные гладкошерстные шоколадно-коричневые туши с обаятельно-клыкастыми улыбками прирожденных убийц и сияющими рубиновым, янтарным и зеленым светом глазами.

– Алой, Керт и Сарта! – счастливо по-девчоночьи рассмеялась Бельташ и, опустившись на одно колено, принялась возиться с гончими смерти.

– Могут выглядеть, как обычные псы, стало быть, – иронично припомнил слова Бельташ дядюшка Ригет, тогда как все остальные просто потеряли дар речи, изучая громадных собак.

– Возможно, немного крупноваты, – почти отмахнулась от него рыцарша, занятая общением с четырехлапыми соратниками, возвращенными ей милостью Алхой.

– Да не, какое там крупноваты, – справедливости ради вступился за зверей впечатленный Денис, – скорее пары сантиметров недотягивают до звания пони!

Тройка гончих смерти отвлеклась от выражения приветственных восторгов двуногой соратнице и покосилась на посмеявшегося обозвать их парня с нехорошим гастрономическим интересом.

– Я тощий и невкусный, – честно и абсолютно убежденно предупредил псов молодой жрец двух богов.

Те демонстративно облизнулись, Бельташ, словно извиняясь, пояснила:

– Они неприхотливы.

И грозные гончие смерти, свежеподнятые волею Алхой, слитой с силой Зебата, способные менять призрачное обличье на вполне плотское, лавиной рванули вперед. Они скопом накинулись на Дениску и на Светлану. Невзирая на протестующие вопли, псы принялись беспощадно облизывать обоих жрецов в знак благодарности за воскрешение, за то, что те послужили проводниками силы богов. Во всяком случае, именно так перевела порыв гончих Бельташ, а не как «предварительную дегустацию», каковой обозвал буйство собакозавров помятый Дениска. У Светланы, всегда симпатизировавшей собакам, вообще не нашлось слов от восторга.

После знакомства с милыми песиками парню пришлось умыться вторично, а девушке особенно тщательно тереть лицо, избавляясь от липкой слюны. Зато на всякий минус непременно найдется в жизни плюс! Это доказали неумные псы, за считанные минуты, потраченные попаданцами на умывание, притащившие из лесу целую тушку какого-то большого рогато-копытного. Четыре пятых, разумеется, схарчили сами прямо на поляне вместе с кожей и костями. Но и того, что осталось, за глаза хватило людям на завтрак. На ужин и обед бы тоже осталось, если бы энергичные песики не обладали столь хорошим аппетитом.

Четырехлапых добытчиков, понятно, никто куском не попрекнул. Большой частью из-за того, что людей волновали совсем другие проблемы: Валт, привычно уютившийся на передок за возникшего, все никак не мог отойти от чудесного выздоровления. Нет-нет да и задирает жилет и рубашу,

чтобы убедиться: следы от пестряги действительно исчезли. Денис со Светкой шли рядом с повозкой и косились на плечи друг друга, где прятались новые татушки, дядюшка косился на племяшей, взявших манеру встречаться в сновидениях с ушедшими богами и получать от них вкупе с бонусами почти невыполнимые задания.

Удачно с Алхой получилось: храм полянкой обернулся. Но как исполнить «простенькое» поручение богини жизни – «преклонить голову» в святилище Ирната, Ригет не знал. О чем и сообщил племяшам, когда Деньес, оторвавшись от послезавтраковых гонок взапуски с собаками вокруг фургона, соизволил заметить задумчивость дядюшки.

– Храм Ирната есть во владеньях Керготов близ замка. Но, во-первых, храм из новых, отстроен после ухода богов, и силы Воителя там может не быть, во-вторых – обычай. Пусть за жреца там мой старый знакомец Нерпат, а только нельзя в храме Ирната спать, – досадливо крикнул дядя. – Перед этим богом лишь стоят, не бьют поклонов, не преклоняют коленей. Ирнат горд и того же требует от своих почитателей. На пол опускают лишь мертвых воинов в час прощания.

– Умирать ради такого случая не хочется, – сразу согласился Дэн. – Никаких заброшенных настоящих храмов, вон как с Зебатом и Алхой, нам найти по пути не удастся? Тут, как я понял, важно, чтоб место было нужное, а его реально-сохранное состояние не имеет значения. Пусть не храм, может, часовенка где-нибудь разваленная имеется?

– У замка Кергот, на наших родовых землях, стоит малый храм Ирната. Но он из новых. Старинных же часовенок не... – начал было дядюшка и захлопнул рот чуть ли не со стуком.

– Ага! Есть! – удовлетворенно вскинулся парень. – И где это чудесное местечко? Далеко?

– Под замком. В старых катакомбах. Часовню оставили, когда поменялось русло подземной реки, там стало слишком сыро и случился обвал.

– Классно все устроилось, мы ж все равно в замок собирались, заодно и под него заглянем, – оптимистично рассудил Дениска.

Света добавила почти про себя с едва слышным вздохом:

– Домой хочется.

– Тебе что, здесь не весело? – искренне, до глубины души изумился парень.

– Нет, – чистосердечно ответила сестра и с наворачивающимися на глазах слезами призналась брату: – Я в садик, к малявкам хочу, в нашу квартиру, чтоб в любую минуту папке и маме позвонить можно было, ванну

принять или душ, туалет нормальный хочу. Здесь оно если и красивое, то все равно совсем не мое, чужое красивое. Потому, если Зебат, Алхой и Ирнат смогут вернуть меня домой, я буду пытаться их вызвать в этот мир.

– Э-э, Свет, я, ты извини, я так всем вокруг увлекся, не подумал, что тебе плохо. – Дениска приобнял сестру, она хлопнула носом в плечо брата и тут же захихикала.

Трое Бельтовых псов, чутко уловивших состояние юной жрицы, принялись легонько бодать ее головами, немилосердно щекоча короткой шестью, и утешающе поскуливать.

Пока новоиспеченные жрецы двух богов с претензией на право приобщиться к силе третьего говорили по душам, дядюшка предусмотрительно скрылся внутри повозки. Не выносил Ригет женских слез категорически!

Глава 11

Странные проявления человечности

Вечером же на очередном бивуаке едва не случилось убийство. Начиналось все вполне невинно. Замечательный ужин из тушеных с травами кроликов плавно перешел в ночные посиделки у костерка, поддерживаемого Валтом. Бельташ бродила вокруг, любуясь звездами и слушая ночь. Потом ненадолго присела к костру рядом со жмурящими разноцветные глаза на огонь псами.

Откашлявшись, бородач неловко заговорил:

– Дира Бельташ, послушай, я чего сказать хочу. Ты такая краса великая и воин истинный, что уж и не важно, мертвая ты служка Зебата или живая баба. Я чего думаю, может, как в город придем, отряд вместе с тобой соберем? Я ж теперь здоров! Могу мечом, дубиной работать, из лука бью. Бронька у меня хорошая осталась. Чего тебе с ребятишками на посылках бегать? Ты, я, и псов своих прихватить можешь, мы такой отряд собьем! Назовем его покрасивше, вон хоть «Псы Зебата»! От заказчиков отбоя не будет!

Тихий шелест выхваченного из ножен меча и предупреждающий рык тройки псов стали для бородача полной неожиданностью.

– Предателю смерть! Бери оружие! – объявила рыцарь смерти.

– Эй, ты чего, дира, на звезды пересмотрела? – охнул не столько от страха, сколько от неожиданности, не принимая действия Бельташ всерьез, Валт и ошалело всхрюкнул, когда клинок побрил ему подбородок дочиста.

– Умри с оружием в руках, как подобает воину! – повторила свой призыв разгневанная дева.

Рык собак и возня разбудили всех. При первом взгляде на диспозицию у костра показалось, что к безоружному лохматому Валту внезапно пристала скелетина, одержимая мечтой помахаться оружием при луне. Ночное светило, прятавшееся с вечера в облаках, тоже выглянуло из-за туч, любопытствуя. Бельташ была в истинной ярости, голубые глаза сменились полыхающими синевой провалами в оскаленном черепе. Меч находился слишком близко от горла побритого железкой мужика.

Ошалевший Ригет не успел сообразить, как Светка и Денис оказались за спиной рыцаря смерти и в четыре руки попытались оттащить ее от жертвы, приговаривая:

– Бельташ, миленькая, успокойся, сядь, не надо его калечить. Нет, убивать в честном поединке тоже не надо. Давай разберемся, что случилось! Спокойнее, тише, расскажи!

Злобная, скалящая зубы скелетина исчезла столь же внезапно, как луна спряталась за крупным облаком. Вновь у костра оказалась сердито сопящая русококая красавица. Она вняла просьбам, со зловещим лязгом вдвинула меч в ножны и присела у костра, демонстративно подальше от Валта.

– Так-то лучше. Чего ты завелась, подруга? – запросто похлопав рыцаршу по плечу, спросил Денис.

– Лишь смерти предатель достоин! – тихо и убежденно, упрямо выпятив челюсть, проронила Бельташ.

– Эй, дыры, тут такое дело. – Валт крикнул и потер голый подбородок, вокруг которого странными клочками бакенбард повисли остатки пышной курчавой бороды. – Как затмение какое на меня нашло: я про то, что здоров теперь, думал и захотелось так, что мочи нет, снова в отряд, в дорогу, чтоб монеты звенели и клинки, а уж с такой, как дира Бельташ, нам бы и вовсе равных не было...

– Короче, сманивал нашу телохранительницу, – удивленно фыркнул Денис, тогда как дева-рыцарь снова едва не схватилась за меч, а трио псов грозно заворчало.

– Есть такое, – виновато поник башкой бывший бородач.

– Из-за этого ты так разозлилась? – удивился айтишник, непонимающе переглянувшись с сестрой.

– Как он, ничтожный, помыслить смог, что я, рыцарь смерти, оставлю единственных жрецов Вархета, в которых пылает чистое пламя Зебата и Алхой и которым миссия великая суждена, ради гнусной поживы? – возмущенно рыкнула Бельташ.

– Он и не думал, прости его, глупца, дира, – вмешался наконец разобравшийся в ситуации дядюшка. – Что он, смертный, знает о твоём призвании и долге? Слишком давно люди не встречали рыцарей смерти, а предания старины... Кто ж им верит безоговорочно? Дурню от радости неслыханной в башку и надуло невесть что. Как надуло, так и выдует, а снесешь ему голову – возницы лишимся.

– Э-э, Восемью клянусь, дира Бельташ, помыслить я не мог, что все так. Одно дело не слишком честно с теми поступить, кто до полусмерти меня напугал и все планы попутал, а другое – в замысел богов вмешаться, – бледный как лохматая луна, потряхиваемый не ужасом, а грузом вины, которую едва не взвалил на себя, взмолился Валт. – Вы ж мне ничего толком-то не поведали. Не в упрек говорю, а просто не знал я...

– Ты просто человек. Дир Ригет прав, просто слабый, глупый человек. Живи, – разрешила Бельташ и отвернулась от бывшего наемника, бывшего разбойника, настоящего... Кто он сейчас, наверное, и сам Валт не смог бы определиться.

Заворчав, отошли от бородача и караулившие его псы, а рыцарь смерти неожиданно сглотнула и растерянным голосом, никак не вязавшимся с ее предыдущим тоном высшего судии, пролепетала:

– Я есть хочу.

– Бери и ешь, кажется, у нас еще тушеный кролик на утро оставался, – не понял причин замешательства Дэн. В чудесном мире, где ночами во снах ходят боги, раздают подарки, а днем встают и превращаются в симпатичных девиц скелеты, по мнению парня, могло происходить вообще что угодно.

– Я ХОЧУ ЕСТЬ! – буквально заглавными буквами повторила Бельташ. – Я не принимала пищи и воды с той поры, как волей Зебата поднялась к новой жизни. Гончие смерти рвут живую плоть, мне в том нужды никогда не было.

– Так, что вы опять натворили? – устало, без удивления спросил Ригет у племянников.

– Чего сразу мы-то? – не понял претензии жрец-недоучка. – Ты ж сам видел, где и как мы тренировались. Уж часов семь прошло, не меньше.

– А кто? Я? – Ригет ткнул пальцем себе в грудь. – Он? – указал на вконец растерявшегося Валта. – Или они? – дядюшка повел ладонью в сторону тройки громадных псов.

– Алхой? – неуверенно внесла предложение Света. – Может, это еще один из ее сюрпризов?

– Может, – поразмыслив, нехотя принял версию дядюшка. – Вашими руками в Вархете действуют боги, только, боюсь, отнюдь не все ваши действия – действия богов, скорее большая часть – самодеятельность от избытка силы жрецов и неумения ею пользоваться.

– Хм, извини, дядя, на экпресс-курсы молодых жрецов нас ночью никто не записал, методичек в фургон не подкинул. Нас, как я понимаю, никто и ничему на Вархете научить не сможет, потому как колдовать, как маги, жрецы не могут – разные виды силы, а жрецы, умеющие пользоваться божественным благословением, в мире повывелись. Перемерли за века. Потому, уж не взыщи, остается лишь великий метод научного тыка. Оттого и гуляем мы со Светкой по кладбищам. И вообще, какие претензии? Бельташ, ты разве никогда, пока рыцарем смерти работала, не хотела нормальной еды поесть?

– Я не задумывалась об этом, блюдя свой долг, – растерянно покачала головой девушка, придвигаясь к котелку с еще теплым мясом и беря в руки ложку. – Теперь же очень хочу!

– Ешь, рыцарь Бельташ, – посоветовал Ригет, понимая, что никакой самый важный разговор сейчас не выдержит конкуренции котелка с рагу, стоящим перед особой, не евшей по крайней мере несколько столетий.

– Приятного аппетита, – вежливости ради пожелала Светка.

– Хлебца возьми, дира, – неуверенно придвинул Валт тряпицу с половиной ковриги к проголодавшейся скелетине и снова отсел подальше.

Боялся ли псов, или презрения в глазах рыцаря смерти, или вполне натурального файерболла от Ригета – никто наверняка бы не сказал. Но Бельташ хлеб схватила и, не глядя по сторонам, накинулась на рагу как на роскошнейшее из блюд с божественного пира.

Света украдкой потянула брата за рукав, шепча на ухо:

– Пошли спать, не надо мешать.

– Ага, пошли, вы тут, если снова убивать друг друга возьметесь, не шумите слишком, – зевнул Дениска, почесал зудящую под рубашкой татуировку на плече, подсадил сестру и сам нырнул за полог повозки.

Ригет же чуть помедлил, остановившись перед смущенно отводящим глаза бандитом.

– До города ты с нами, там слово молчания с тебя возьму, и хоть отряд сколачивай, хоть снова на дорогу в кусты иди.

– Понял, дир, – потер голый подбородок Валт, испытывавший тем более сильную неловкость, что сроду ни перед кем не извинялся, а теперь, когда стоило бы, так никто его извинений не ждал.

– Не предаст потом-то? – шепотом спросил Дэн, когда дядюшка вернулся в повозку.

– Нет, – качнул головой тот.

Уж кто-то, а Ригет, тертый, порой и битый временем, немало прошагавший отрядным магом наемников, понимал Валта. Тот о предательстве не помышлял и не предал бы, это все дурной восторг в крови гулял, не подлость. Гулял, да весь вышел. Бельташ своим мечом его под корень вместе с бородой срубила. Он всего лишь наемник, от такого бесполезно ждать следования понятиям высокой чести.

Урчание и чавканье рыцарши доносились через полог повозки. Ожившая скелетина смаковала рагу. Дядюшка задумчиво спросил:

– Вы ее насовсем в человека превратили или как?

– А Восемь ваших знают, – почесал за ухом Дениска, прикидывая свои ощущения, и неуверенно поведаль: – Мне кажется, нет. Она теперь, как и

псы, может скелетиной вставать, а может как живая девушка ходить. И чего ты такой удивленный? На псов-то спокойно смотрел, когда они мясо рвали.

– Это потому, что не понял тогда, что вы сотворили, недоучки, – буркнул дядюшка. – Про гончих смерти известно издавна, будто плоть живую они рвать могут и словно едят, только не как псы обычные, а сразу в силу для немертвого тела та плоть воплощается. Так-то раньше было, а теперь, выходит, псам взаправду жрать надо.

– Ничего, они ж сами охотятся, – отмахнулся беспечный парень.

– Значит, у нас получились необычные гончие смерти и необычный рыцарь смерти из-за смещения сил Зебата и Алхой, которые в нас их засунули, – осторожно заключила Света, почему-то думая о химических реакциях на школьных лабораторных.

– Ага, сделали гончих жизне-смерти и рыцаря смерто-жизни! Звучит, а? – хихикнул недоучка-брат.

– Спите, пока еще что-то не сотворили, – взмолился Ригет. – Я с вами поседею!

– Ничего, ты все равно блондин, незаметно будет. Теперь жалеешь, что призвал нас, дядюшка? – захихикал пуще прежнего парень.

– Нет, – не раздумывая, отрезал мужчина. – Вы можете принести великое благо Вархету и пользу мне, но сие не отменяет проблем, которые вы валите лично на мою голову. В любом случае вернуть обратно я вас не могу, зато вязать руки и втыкать кляпы обучен. Хочешь попробовать, племянничек?

– Не-не-не, я БДСМ и инцестом не увлекаюсь, – отказался Дениска, поудобнее устраиваясь на жестковатом ложе. – Поэтому давайте-ка спать.

Дядя ничего не ответил, справедливо полагая дальнейший диалог бесполезной тратой времени. Не лезущий за словом в карман племяш мог трепать языком бесконечно долго, перескакивая с темы на тему и употребляя загадочные слова, о значении которых Ригет, справедливо считавший себя эрудированным человеком (все-таки и дома, и в Королевской академии магического и оружного боя учился), понятия не имел. Попытка Денъеса поведать о мире Земли, где родились племянники и нашла приют беглянка Лимей, и вовсе вызвала у бедного вархетца сильнейший приступ головной боли. Похоже, божественный туман, защищающий мир от любой угрозы извне, распространялся и на привнесенные знания.

Новое утро, в отличие от рассказов о Земле, новой головной боли Ригету не принесло. Рыцарь переварила не только рагу, но и информацию о своем новом состоянии и смогла восхваленным Денисом методом научного

тыка определить способ смены ипостасей. Выявленный случайно, он оказался прост, как все гениальное. Бельташ достаточно было посмотреть в любую отражающую поверхность, четко представив тот облик, какой желала принять. Первый раз прием сработал совершенно случайно, когда девушка мыла в ручье котелок. Теперь Бельташ пребывала в состоянии радостного ожидания великой миссии и дальнейших чудес. Валта не задирала, предпочтя и вовсе игнорировать побритого возницу.

Обрадованные неожиданным аппетитом спутницы ужасные гончие потрудились на славу и к завтраку натащили гору дичи пяти видов. Дядюшка задумчиво оглядел перемазанные в крови морды псов-гигантов (себя добытчики в процессе охоты явно не обидели пропитанием), да и практично велел здоровяку Валту убрать мясо в ящик под повозкой. Только предварительно наложил на короб морозильные чары. Кто его знает, как в дороге дело повернется? Так-то мясо под рукой будет. Продать, поменять, съесть, когда есть, что есть, куда как проще, чем в лес на поиски кидаться. Да и транжирой Ригет никогда не был. Если за что-то можно не платить, то зачем платить?

Словом, песиков за удачную охоту похвалили. И, как показала практика, напрасно. Судя по всему, за этот процесс гончих смерти никто и никогда не хвалил, или их вообще хвалили редко, а тут сразу четверо и за такое ерундовое развлечение.

О своих комплиментах добытчикам дядюшка Ригет пожалел спустя час, когда добрые и о-о-чень энергичные собачки принесли шестого по счету зверя. Ящик под повозкой оказался забит до отказа. Чтобы уместить последнюю добычу, два тюка пришлось переложить в повозку. Уж работой-то по свежеванию дичи ретивое трио обеспечило Валта, Ригета и Бельташ на весь дневной привал. Светка и Денис были у них на подхвате, потому как раньше таким никогда не занимались. Но, как бодро объявил племянничкам дядюшка, теперь у них всегда будет вдоволь мяса для практики.

Дорога, чуть подмокшая от зарядившего после обеда дождика, ложилась под копыта коней. Люди сидели в фургоне. Бельташ присоединилась к компании, потому что тройка псов успешно справлялась с дозором и могла если не прикончить любого врага, то уж дать знать о его приближении наверняка.

По непромокаемой ткани полога, дополнительно зачарованной Ригетом практически сразу после покупки, неритмично настукивали капли.

– Скоро развилка, в Брис или дальше в сторону баронства Кергот править, дир? – руководствуясь каменным указателем справа, повернул

капюшон плаща Валт.

– Я тебе обещал, – промолвил Ригет. – В город подвезем, наш путь дальше, к замку Кергот.

– Дир, – откашлялся бывший воин, – а если я клятву верности принесу, возьмете меня на службу? Мечник я не из последних, ты сам проверял. С дирой Бельташ, ясно, не сравнюсь, а все ж, вдруг обычный человек под рукой понадобится?

– Правда, давай его оставим, дядюшка? – предложил Дениска, сжалившись над Валтом. Несчастные глаза мужика и свободная рука, нервно вцепившаяся в левый остаток бороды, пробудила жалость в землянах. Светка только не знала, как попросить дядюшку и имеет ли она на это право, впрочем, брат тоже не знал и просто стал просить, на ходу изобретая аргументы: – Заодно о сохранении тайны заботиться не придется, носитель-то при нас, и Петрушка с Укропом обихожены будут. Они, по-моему, уже сейчас любят Валта сильнее, чем нас всех, вместе взятых.

Похваленный бугай сконфуженно фыркнул. Лошадей он и правда любил больше, чем людей, и ладил с ними получше. С конями-то особых слов подбирать нужды не было – заботься хорошенько, так лошадка завсегда добром ответит. Ригет же с конями, не считая Укропа, никогда особо не ладил. Всякая живность от магии обычно подальше держаться старалась, сколько морковок ни носи, а все подозрительно коситься будет. Вроде как пахнет магия для животных как-то неприятно.

Ригет задумался, прикидывая варианты, а Светка предложила:

– Может, проголосовать?

– Я – за, пускай остается. Ты – за. Итого двое, – подсчитал Дэн. – Ты как, Бельташ, не возражаешь?

– Биться с ним плечом к плечу не стану. В остальном мне все равно, – честно высказалась рыцарша смерти.

– Ага, стало быть, воздержалась, – определил парень и посвистал псам: – Эй, Алой, Керт и Сарта, вы хотите, чтобы Валт остался с нами?

Псы ответили дружным, утвердительным «гав». Еще бы, кто как не бугай втихую вчера за едой и за завтраком кидал здоровенным собакам чуть прихваченные огнем пласты мяса в качестве лакомства.

– Они за, – подвел итог парень, перемигнувшись с сестрой.

– Первые три луны без жалованья, только кормежка, – выдал вердикт экономный Ригет.

Просиявший бугай энергично закивал. Где спать – есть, одежда и оружие у него пока имеются, а уж кормежка такая, какой любой знатный

дир не побрезгует. Не хотелось Валту уходить от Ригета, пары забавных ребятишек, странно-страшной рыцарши, зверушек и великой чудесной тайны. Никак не хотелось!

– Пусть будут Восемь богов мне свидетелями, призываю Ирната в ручатели, клянусь служить верно мечом и щитом диру Ригету до той поры, пока сам он не прогонит меня, – почти скороговоркой, а вдруг передумают, пробормотал Валт, протягивая рукоятью вперед свой меч, снятый с пояса. Дядюшка меч взял, хлопнул, не вынимая из ножен, по правому плечу бугая и протянул ему монетку-ноготок в знак приема на службу.

Валт монету принял и положил не в тощий кошель на поясе, а в потайной карман на широком ремне, в знак своих твердых намерений. В среде наемников на Вархете бытовала примета: рассчитываешь на постоянный контракт – первую врученную монету не вздумай потратить. Или на шею повесь, на ремешке, или в пояс вшей. Валт убрал медяшку на хранение без всякой показухи и вернулся к лошадам.

Вот так, ночуя в поле, у кромки леса, на придорожном лужке, заезжая в деревни лишь для покупки или обмена (мяса-то стараниями псов было вдосталь), повозка двигалась к владениям Керготов. Светка же втихую мечтала о ванне и прекращении бесконечной тряски, но не капризничала, понимая, что очередной парад оживших мертвецов им может с рук не сойти. Это ведь они с братом, пока не спят, себя вроде как контролируют и их случайные слова-движители больше непроизвольного подъема зомби не вызывают. То ли кулон Зебата помог в адаптации, то ли сила жреческая в телах угнездилась и безобразничать перестала. А ну как в спящем состоянии все по-другому будет? Лучше уж пока не рисковать.

Ригет вез племянников, чтобы вступить в права владения собственностью, племянники везлись по собственным мотивам: одна – по необходимости и в надежде на возвращение домой, второй – в поисках приключений. На счастье Светки, за ретивым братцем дядя следил строго и на кладбища, мимо которых двигался фургон, прогуляться не выпускал.

Зато несколько раз Дэн и Света пробовали применить силу жрецов Алхой. И надо сказать, вышло сразу и куда удачнее, чем с Зебатовым подарком. Царапина от ножа, которым Света училась потрошить добычу, под рукой брата затянулась быстрее, чем сестренка успела пролить больше пары капель крови. Сама девушка поглаживанием ладошки убрала красный отпечаток от хлестнувшей зазевавшегося Дениску по шее ветки. Оба раза получились совершенно случайно, потому как практиковаться с силой Алхой на ком-то живом и разумном дядюшка новоявленным жрецам строго-настрого запретил. Исключение оставил для совершенно

безвыходной ситуации, где выбор стоит между жизнью и смертью.

Глава 12

Замок Кергот: запрос идентификации

Одинокая громадная яблоня, старый, но еще крепкий забор, почему-то огораживающий всего несколько метров луга перпендикулярно дороге, а не вдоль нее, россыпь густо поросших травой и мхом камней неподалеку от дерева-гиганта – так выглядели ничем не примечательные подступы к родовому замку Кергот.

Нет, Дэн, конечно, не преминул спросить о камнях и причинах установки куска забора, но истории его воздвижения не знал и дядюшка Ригет. Сколько он себя помнил, столько забор тут и стоял, его давно использовали вместо коновязи желающие полакомиться спелыми яблоками. О камнях достоверно дядя тоже не знал, лишь предполагал, что некогда на их месте высилась часовня Алхой.

Зато о яблоне дядя знал побольше. По легенде, она была выращена самой Алхой для родоначальников рода Керготов в пору мимолетного увлечения богини прекрасным дием. Никаких божественных свойств у плодов зафиксировано не было. Но какое-то зерно истины у легенды имелось, ведь громадную яблоню такой же громадной и всегда плодовой помнил еще прадед Ригета. Яблоня точно была волшебной! Нет, серьезно. Дерево оказалось куда старше забора, оно помнило не только прапрадеда племянников, а, возможно, и те времена, когда по Вархету еще ходили боги. Именно тогда они дарили своим первым детям – диям – диковинные подарки.

Все путешественники с уважением покосились на прапрабабушку яблонь, в кроне которой виднелись мелкие зеленые завязи. До сочно-красных плодов божественно возвращенного дерева было еще далеко. Вряд ли по Вархету, как в сказке Маршака, бродили антропоморфные месяцы, готовые ради сиротки ускорить время или повернуть его вспять.

Денис успел еще вкратце, со своими обычными приколами, в стиле комикса пересказать спутникам сказку о двенадцати чудаках, пока фургон катил по практически пустой дороге. Если на полях, в деревнях и на дороге людей было много, то по мере приближения к замку движение вовсе прекратилось. Бельташ шла рядом с повозкой, собаки весело носились кругами, сбрасывая энергию.

Когда путешественники свернули с тракта, дядюшка сразу велел ехать

к замку на высоком холме. Никуда заезжать он не намеревался и никого о своем прибытии не оповещал.

Здание из серого камня, кряжистое, не слишком красивое, без взмывающих ввысь шпилей, ажурных арок или изящных скульптур, выглядело отстроенным если не на тысячелетия, то на века точно. Толстые стены, донжон, узкие окна были созданы не для любования, а с практической целью защиты жизни обитателей от любых невзгод: будь то войско противника или зимняя непогода.

Дорога огибала стену замка, упиралась в ворота и шла кругом. Ригет велел направить повозку не прямо к воротам, а вдоль стены. За поворотом открылась маленькая деревенька, притулившаяся на южном склоне, и краснокаменный одноэтажный дом, на крыше и двери которого были высечены мечи и вороны.

– Новый храм Ирната. После того как потолок и часть стены старого святилища обвалились, его здесь отстроили, – коротко объяснил дядюшка племяшам, копаясь в седельной сумке. Наконец отыскал в ней нечто мелкое, похожее на маленькую пожелтевшую от времени косточку, зажал в кулаке и дунул. Пронзительный свист, от которого заложило уши людям, всхрипнули, замотали головами кони в упряжке и заскулили псы Бельташ, пронесся над холмом.

– Знаешь, дядя, ты только не огорчайся, но музыка – это не твое, – пытаюсь выковырнуть из уха засевший там звук, огласил общее мнение Дениска.

– Знаю, – усмехнулся Ригет и соскочил с повозки, направляясь навстречу показавшемуся из красного дома человеку.

Высокий старик с короткой седой бородкой и ежиком белых волос, в красно-коричневом одеянии, напоминающем мантию с кожаными наплечниками, опираясь на большое копье и едва заметно прихрамывая, энергично зашагал к дядюшке.

– Ирнат мне свидетель, неужто ты, Ригет, отыскал сестру? – захохотал над замком и полем мощный бас, заставивший неустрашимых бессмертных собак чуть присесть на задние лапы.

Старик приобнял дядюшку на несколько мгновений и похлопал его по спине. Затем практически отодвинул и с любопытством уставился на повозку и столпившихся вокруг нее людей и нелюдей. Черные глаза обежали компанию, а кустистые брови приподнялись в легком недоумении.

– Не сестру, я отыскал ее детей: Свельту и Деньеса, – поправил жреца Ригет и представил племянников старику.

– Вы кто? – непосредственно полюбопытствовал у старика Дэн.

– Нерпат, жрец Ирната, – коротко отрекомендовался старик, еще раз прицельно оглядел племянников Ригета и сочувственно признал: – Похожи. Жалко Лимей. Я ведь ее еще любопытной крохой помню.

– Не жалей, у нее все благополучно, но владения Керготов ей без надобности, – отмахнулся дядюшка. – Хорошо хоть этих двоих дозваться удалось, чтоб условие в завещании отца исполнить. Как тут, пока я в поисках был, все мирно?

– Чего бы не мирно-то, – по-волчьи ощерился Нерпат, перехватывая копье. – Твой пятиюродный племянник из Линдоргов приезжал, за которого Лимей тогда прочили. Я ему честь по чести про завещание сказал, про то, что его там ни строчкой, ни буквой не помянули, и к блюстителю права в Брис направил за подтверждением. Так он, тупица, нахрапом взять решил, пока законный владелец далеко. Думал, если с магом столичным приехал, сам Ирнат ему не судья. Собирался небось в замок прорваться, флаг поднять и тем хозяином себя объявить.

– И как? – ничуть не встревожился, скорее, искренне заинтересовался результатом дядюшка.

– Свидетели их обоих увезли на повозках. Пятиюродного полный паралич разбил, когда он за дверь-то взялся, а маг тот ничего, лишь сипеть мог и под себя ходить. Дюже вонюч маг-то оказался, я аж с дороги учуял.

– Хорошая на Вархете магия, дядя, – от души восхитился Денис. – Как право собственности-то охраняется!

– Отец знал толк в затворах, – согласился Ригет.

– Ты, надеюсь, Свету ни за кого тишком выдать не планируешь? – шутливо справился парень.

– Я обещал вам заботу и кров, а не принуждение, – почти рассердился на племянника Ригет, сам когда-то сдернувший из дома именно из-за отцовского произвола.

– Прости, дядь, это я не подумавши, – извинился Дэн, подмигнув Светлане, едва не подавившейся воздухом при вопросе про нечаянное замужество. Ей в голову мысли о возможности такого странного поступка не приходили.

– Не думать – привычка скверная, – наставительно констатировал Ригет и, отвернувшись от племянника, попросил Нерпата: – Будешь ручателем, как врата отворять пойдем?

– Куда ж я денусь? Вечно ты торопишься, – укорил жрец собеседника. – Кого в свидетели-то с собой привез?

– Вот, знакомься: служительница Зебата рыцарь Бельташ со своими верными спутниками Алоем, Кертом и Сартой. Валта я нанял на службу,

вторым свидетелем сгодится.

– Хорошо, торопыга, лошадок-то с моей Морковкой оставь. Пусть передохнут.

Ригет только кивнул и вместе с Валтом повел повозку к маленькой пристройке у храма. Дэн между тем, пользуясь моментом и не считаясь с интересами жреца Ирната, насел на старика с отвлекающими вопросами:

– Дир, а почему у ваших лошадок такие съестные имена? Петрушка, Укроп, Морковка. Настоящий огород, а не конюшня.

– Хм, знаешь, малец, никогда прежде о том не задумывался, а ведь прав ты, так у нас и повелось, – огладил бородку Нерпат. – Если поразмыслить, то традиция идет от древнего благословения наших нив прекрасной Алхой. Она ведь не только за урожай, а и за приплод скотины отвечает.

– То есть для облегчения божественной работы по площадям? – осенила айтишника гениальная догадка. – Алхой одним легким движением руки может благословить все и всех, если оно зовется овощами, пусть и бегают на четырех?

– Как-то так, – с удивлением подтвердил жрец, впечатленный выводами паренька.

– Скажи, дир, а почему у замка храм Ирната, а не Алхой? – вступила в разговор и Света.

– Скажешь тоже, Светка, а как осаду или набег соседей отбивать было? С колосками в руках и верхом на корове? – удивился Дэн.

– Деньес прав, – крикнул жрец, снова перехватив поудобнее отполированное многочисленными касаниями пальцев копье, как иной монах перебирал бы четки. – При замках всегда первым делом храм Ирната ставили, а уж потом и другие возводили, коль охота была. Это в городах на площадях храмы для всех богов воздвигали – на восемь сторон восемь храмов, и все равны, а у нас свой обычай, кровью политый.

– Многое прежде иначе было. Первым общий храм ставили – простой камень-алтарь с восемью чашами, а уж потом чаще всего храм о двух входах с четырьмя створами отстраивали, – неожиданно промолвила Бельташ, глядя на краснокирпичный дом-храм, но видя нечто свое из минувшего и давно осевшего прахом прошлого. – К Алхой и Зебату в первую дверь поклониться шли, к Ирнату и Илай во вторую входили...

Жрец недоверчиво приподнял кустистые брови, а Дэн запросто посоветовал старику нарочито громким шепотом:

– Ты, дир, первоисточник-то слушай! Бельташ точно помнит, как все было! Если уж не она, рыцарь смерти Зебата, то кто правду скажет? Верно

я говорю, собачки?

Трио подтвердило слова парня звонким лаем, сверканием разноцветных глаз и широкими кровожадными улыбками.

– Рыцарь смерти? Ты воистину такова? – восторженно изумился и заволновался Нерпат.

Бельташ лишь склонила голову в знак согласия: опускала ее русокося красавица, поднимал пустые, сияющие нестерпимой синевой глазницы скалящий в вечной улыбке зубы череп. Под короткий выдох жреца, уцепившегося за свое копье-атрибут, как за соломинку над пропастью, живое воплощение воли повелителя смерти снова склонило голову и вернуло себе прежний человеческий вид.

Старикан охнул и перевел подозрительный взгляд на племянников Ригета, гадая, что скрывается под личинами молоденькой девчушки и ее словоохотливого братца. Где только таких диковинных спутников умудрился раздобыть старый приятель?

– Не, мы живые, а не зомби под личинами, и Валт тоже, – Дениска разом опроверг подозрения с широкой, от уха до уха, улыбкой.

– Истинными жрецами Зебата и Алхой не могут быть те, кто преступил последний порог, – с достоинством подтвердила Бельташ.

Дедушка Нерпат от таких откровений окончательно потерял дар речи, вцепился в копье, упертое в землю, и налег на него всем телом. Мир крепкого еще старикана изрядно зашатался.

На счастье пожилого жреца вернулись от конюшни Ригет и Валт. Кони остались в компании Морковки и свежего сена, а повозка пристроилась у стены храма за изгородью.

– Ригет, скажи мне одно: что происходит? – собравшись с силами, спросил Нерпат.

– Наша рыцарь открыла диру свою суть, и о том, что мы жрецы, тоже сказала, – объяснил Дэн дядюшке.

– И когда успела? – только крикнул дядя.

– Долго ли умеючи? – беспечно ляпнул парень. – Она ж не только красивая, а еще и благородная, врать вообще не умеет. Ей, наверное, по кодексу не положено.

– В кодексе рыцарей смерти Зебата о том не помянуто. Я уважаю правдивое слово, и пусть врать не стану, но промолчать, коль надо, смогу. Однако вы собираетесь отпирать замок, заклятый родовыми чарами на кровь. Свет истины воссияет неизбежно. Лучше пусть жрец все узнает сейчас, чем случайно помешает потом, – невозмутимо объяснила причину словоохотливости Бельташ, повернув голову в сторону замка. Но краска

румянца выдала довольство комплиментом молодого жреца.

Ригет привычно почесал за ухом и поделился с Нерпатом краткой версией явления на Вархете уникальных племянников, рассказал об их вещих снах, неконтролируемых талантах, своих опасениях и надеждах.

– Вечно у тебя так! Еще мальчишкой уходил в лес за зайцами – возвращался с волком, – пережив несколько секунд полного шока, сплюнул в дорожную пыль Нерпат, извинился за манеры перед дамами и велел: – Сейчас пошли, попробуем отворить ворота, как и собирались. Вечером я пущу Свельгу и Деньеса на ночь в храм. Пусть не положено то, но если имеется хоть ничтожный шанс помочь Восьмерым вернуться с рубежей мира в Вархет, будет преступлением его не использовать! Да простит мне Воитель кощунство!

– Эй, дядя нам что-то о старом храме в подземелье замка говорил. Нам же не просто нужно место, определяемое людьми как храм Ирната. Хоть толика божественной силы нужна. Если храм после ухода богов отстроен, скорее всего, ничего не выгорит, – поделился накопленной информацией Дэн. – Жаль, проверить, есть сила Воителя в этих камнях или нет, у нас не получится. Бельташ только на Зебатову реагирует.

Старый жрец задумался, а Денис, шагая по дороге к замку, начал расспрашивать рыцаря смерти:

– Я вот думаю, Бельташ, а таких храмов, о которых ты говорила, где один алтарь и восемь чаш стояло, нигде не сохранилось?

– Храмы Восьми строились очень давно. Тогда по Вархету ходили дии, щедро одаренные божественными талантами, – задумчиво промолвила рыцарь. – То были их храмы, воздвигнутые в честь всех богов. С той поры сменились многие поколения. Вы не ведаете, какую чашу чем наполнить, какой гимн пропеть. Что вы, и у меня в памяти лишь призрак прошлых обычаев, которые сберегали дии, ушедшие за последний порог. Для Восьмерых всегда важнее была искренняя молитва, нежели щедрые дары. Они ценились, но их не требовали от каждого. Ирнату дарили кровь, Зебату подносили кость, Алхой – плод, чаще яблоко, Илай – цветок, Сигету – монету, Элмай – украшение, Трашпу – поделку, Крисату – артефакт. Если обращались с просьбой лишь к одному из Восьми, все равно одаривали всех, пусть и не столь щедро. Самое важное: проситель должен был сам сотворить дары.

– Чего, и монету сам чеканил? – изумился Дэн, прикидывая размах фальшивомонетничества в здешней древности.

– Зарабатывал, – невозмутимо поправила Бельташ.

– М-да, если поделку мы со Светкой какую-нибудь сварганить в силах,

к примеру, украшение она из бисера сделает, то с артефактами полный швах. В магии мы ноли без палочки, всегда такими были и будем. Дядя сразу припечатал – бесталанные бестолочи! Потому, наверное, и хорошо, что таких храмов нет, а то бы все локти с досады изгрызли.

– Человек не в силах укунить сам себя, – машинально вставил Нерпат, мысленно пребывая где-то в мифическом прошлом, пытаясь представить себе величественные древние храмы, прекрасный первый народ, ушедший за последний порог, но передавший своим потомкам-людям частицу силы в крови.

– Так мы друг у друга, – подсказал вариант Дениска, никогда особенно не жаловавший историю, если, конечно, она не была эффектным роликом в компьютерной игрушке. Сейчас никто снисходить до вкусов парня и транслировать ему исторический блокбастер голливудского размаха не собирался. – Ладно, чего уж там. Поручено так поручено. Давайте поскорее ворота откроем.

– Дядя, а почему ты стал искать маму, а не сделал других ворот, и почему этого не сделал тот, пятиуродный? – тихо спросила Света, до этого мгновения шедшая рядом с братом молча, так же как и Валт. Наемник вообще старался сделать вид, будто его тут нет, не было и не будет. Такая интересность вокруг творилась, чисто мифы рождались, и натопать в них хоть краешком подошвы воин был совсем не прочь.

Кто не проникся серьезностью момента, так это псы. Тройка, начавшая в полной мере ощущать все прелести жизни, носилась вокруг компании людей, шутливо клацала громадными челюстями в попытке поймать бабочку или кузнечика, высоко подпрыгивала и от всей души мотала в воздухе лапами, хвостами и ушами.

– Других ворот? – переспросил Ригет.

– Да, если эти закрыты магией, не проще было сделать в стене другие, а не отправляться на наши поиски? – робко пояснила свою мысль девушка.

Нерпат закашлялся, Ригет крикнул и принялся скрестить себя за ухом так, будто подхватил от собак колонию блох.

– Два придурка мы с тобой, и счастье, что пятиуродный с его магом такими же оказались, – хохотнул старый жрец. – Ведь могло сработать!

– Могло и не сработать, – огрызнулся дядюшка и объяснил племянке: – Отец мой покойный, ваш дедушка, приятным человеком не был и смолodu, а к старости, как ваша бабушка за последний порог ушла, вообще невыносимым стал. Например, в условиях исполнения завещания мог ловушку накрутить. Он ведь ключ на двоих завязал только после того, как я поклялся, что не знаю, где искать Лимей. Слишком злился старый, что

все вышло не так, как хотелось ему. Я ж с отцом в ладах никогда не был, отучился и в наемники подался, чтобы кусок хлеба с мясом иметь. Дядька ваш, старший мой брат, Ринай, который в наследниках ходил и отцу в рот заглядывал, по пьяни шею свернул. С лошади грохнулся. Жаль только поздновато, две трети состояния в кости успел спустить. Мне тогда ремесло наемника-мага бросать, чтобы в замке сиднем сидеть под отцовой рукой, никакого резона не было. И Лимей, когда ее для поправки благосостояния Керготов замуж за старика отдавать нацелились, сбежала...

– Короче, мы должны радоваться, что не успели познакомиться с дедулей, – полушутя-полусерьезно подытожил Дениска и присвистнул, оценивая вход, прорубленный в крепостной стене:

– Ничего так воротца! Калитку будто Церетели ваял!

Створка въездных ворот, сбита из дорогого, зато практически вечного железного дерева, поднятая на цепях, была накрепко блокирована изнутри. Иначе бы дядя давно сходил за наследством. Калитка из того же материала – у Светки с Дэном дверь (двойная, металлическая) в квартиру была на треть уже и ниже – отличалась дополнительным украшением в виде цепи и замка, также страдающих гигантоманией.

Все столпились у калитки. Племяшки уставились на дядю в ожидании инструкций. Дениска деловито справился:

– Кровь нужна?

– Зачем? Это ж только говорят так: «чарами на кровь». На чистой крови давно ничего не делают, слишком много было путей обхода чар. Достаточно приложить руку к замку одновременно, – растолковал Ригет и критически осмотрел кровожадных племяшей, гадая, не повредило ли им головы общение с Зебатом и чего тогда стоит ждать после ночевки в храме Ирната. Мало будет их ни к каким костям не подпускать, еще и за любым острым предметом вблизи следить придется, во избежание, так сказать? Хотя никакого безумного блеска в любопытных глазах Деньеса не мелькало. Кажется, ребенку (взрослым такого непосредственного паренька дядюшка никак считать не мог) банально было интересно все происходящее. Потому, в отличие от сестры, открывающей рот только по делу, он ляпал первое пролезшее на язык соображение, не задумываясь о производимом впечатлении и последствиях.

– Боишься, что нас вместо мамы не засчитают? Или посчитают неправильно? – прибавил Дэн, а Светка прыснула, вспоминая про образованного козленка, освоившего счет до десяти и за это дело навлекшего на свою голову массу проблем и большой кросс в придачу.

Старик-жрец за спиной наследничков хохотнул. Валт засопел, чуток

негодую на балаган, устроенный пареньком из торжественного момента. Бельташ спокойно ждала распоряжений, почесывая за ушами псов.

– Надо попробовать все варианты, – предложила Света и первая положила ладошку на створку.

Дядя и брат последовали ее примеру. Потекли томительные секунды ожидания. Калитка с замочком стояла, стояли люди. Первой не выдержала калитка. По ее поверхности пробежала рябь, и массивный замок вместе с цепью осыпался на дорогу.

– Сработало! – воскликнул Дениска.

– Угу, да не совсем, – отметил дядя, толкая створку вперед.

– Это как? – удивилась Света.

– Заклятие доступа по родственной крови ваш дедушка, чтоб ему за последним порогом иголки в темноте голыми пятками искать, повесил на каждую дверь замка. Пока все трое до всех створок не коснемся, будем сообща открывать, а никто другой и вовсе не распахнет. Мстительный старикашка! – ругнулся, но без злобы, пожалуй, с толикой восхищения изобретательностью отца Ригет, первым вступая во внутренний двор замка.

– Может, где-то есть пульт управления? – жалобно спросила Светка, у которой с утра ныл живот, и ей совсем не хотелось бегать по лестницам. Нет, замок – это здорово, но когда что-то болит, от экскурсии никакого удовольствия не получить!

– Ты о чем, Свельта? – Ригет вопросительно глянул на племянницу.

– Сестренка спрашивает, нет ли в замке такого места, из которого можно было бы открыть все двери разом и не мучиться с каждой, – перевел Дениска, жадно рыская глазами по выщербленным временем плиткам двора, старым стенам замка, забранным решетками узким окнам.

Первый замок, который парень видел так близко, да еще и собственный родовой! В голове просто не укладывалось, хотелось завопить что-нибудь восторженное и ринуться с гиканьем вперед, открыть, схватившись за массивное кольцо, тяжелую дверь главного входа и бежать, бежать, облазить каждый угол древнего, поросшего у основания темно-зеленым мхом здания, заглянуть в каждую щель. Дэн едва сдерживался, чтобы не издать, как в детстве, воинственного индейского клича.

– Если только кабинет старика, – снова принялся задумчиво почесываться дядюшка. Глядя на него, тройка псов расселась на каменных плитах двора и тоже стала сладострастно чесать задними лапами уши.

– Откроем ворота и пойдем в кабинет, – решительно прервав размышление-почесывание, определился с дальнейшими действиями дядюшка.

Ритуал тройного накладывания рук на тяжелую створку повторился. Валт занялся воротным механизмом. Ему следовало распахнуть ворота пошире и перегнать в замок повозку. Фуража в конюшне, разумеется, не было, потому Нерпат разрешил взять сена из своих запасов.

Бельташ последовала в замок за юными жрецами. Псы по ее просьбе остались присматривать за двором. Лучших сторожей отыскать было бы сложно.

В холле замка было темно и прохладно. Ригет прищелкнул пальцами, привычно отправляя огоньки, зажигающие большую люстру-колесо под сводом и с пяток малых ламп на лестнице. Нет, загорелись не восковые свечи, а такие же цветом, как летающий огонек, стеклянные шары с кулак взрослого мужчины. Почти электричество, если б не странноватый чуть серебристый оттенок огня.

– Пыли нет, – проведя пальцем по широким перилам лестницы, ведущей на второй этаж, удивилась Светка.

– Наверное, местная магия! И это здорово! – Дениска, сунувший нос в ближайший шкаф, добавил: – Но еды тоже нет, и это не так весело!

– В подвалах есть вино, возможно, немного еды на ледниках и в погребе, – проронил Ригет, помрачневший от груза воспоминаний.

– Нам куда? – понимая, что ни один, пусть и самый зловредный старикашка не станет устраивать кабинет в подвале, если он, конечно, не лич, закрутил головой Дэн.

– На второй этаж, левое крыло, – кивком указал дядя.

До кабинета еще три раза пришлось прикладываться к дверям в три руки, но вот простая – никакой резьбы, мозаик и прочих изысков – дверь распахнулась перед наследниками, открывая вход в просторное помещение, полутемное от опущенных на узкое окно тяжелых штор.

Глава 13

Ключ от замка, или Немного о дедушке

Бельгаш осталась в коридоре, сочтя наиболее приемлемой для себя миссию стража. Остальные вошли и огляделись. Обстановка в кабинете была спартанская. Высокий и жесткий на вид стул с подлокотниками, громадный пустой, не считая письменного прибора, стол с каменной столешницей. Другие предметы мебели для сидения: диваны, кресла, стулья – в помещении отсутствовали. Похоже, прежний хозяин предпочитал, чтобы перед ним стояли и вообще надолго в кабинете не задерживались. Помимо рабочего стола, тут имелись лишь камин и шкафы с тяжелыми томами. Нет, не художественной литературы, как, присмотревшись, поняли Светка с Дениской. Скорее это были какие-то бухгалтерские книги. Дедушка до последнего старался держать управление землями в своих руках или поддерживал видимость контроля?

– У вас управляющий-то был? – скользя пальцами по грубоватым кожаным переплетам, уточнил Дэн.

– Почему был? – Ригет спародировал удивление племяша при вопросе о матери. – Он пока в охотничьем доме.

– В лесу? – изумился ссылке парень.

– У леса, дир Олсоп не в том возрасте, когда бросаются искать новую должность. Ждет явления законного наследника – он был на оглашении завещания при блюстителе права. Я заезжал к нему перед тем, как отправиться на поиски Лимей, – поправил дядя. – Жить в замке под заклятьем на передачу наследства невозможно. После вступления чар в силу он затворяется полностью. Если не хочешь уснуть в течение часа там, где стоишь, надо покинуть зачарованное место.

– Ух ты! – непонятно почему не столько изумился, сколько восхитился, буквально зажегся восторгом Дениска. – Так вот что со спящей красавицей-то приключилось! Я всегда подозревал, что какой-то подвох в этой сказочке есть! Просто так через терновник, чтоб незнакомую девицу целовать, разве что полный дурак полезет! Зато за законным наследством – это да!!!

Светка только удивленно качнула головой, признавая правоту брата. Сказка заиграла новыми красками, и обида феи больше не казалась банальным мщением капризной и вздорной чудачки. Если королева принесла принцессу в подоле, а обиженная за короля волшебница

наложила те самые чары наследования, о которых сказал дядя, то все и вышло так, как вышло. Владения просто дожидались законного наследника, а укол веретеном был не более чем случайным совпадением или красивой легендой, прикрывшей грязное белье королевской семьи.

Дядюшка не стал расспрашивать племяншей о посторонних спящих и чужих заклетах, практически сосредоточившись на настоящем, касающемся его финансовых забот. В шкафах были лишь бухгалтерские книги за последние полгода, и в деле снятия запоров с дверей бумага ничем помочь не могла.

– Полагаю, нам нужен ключ, – поделился Ригет соображениями с племянниками. – Обычно заклета на место накладываются через связанный объект.

– То есть ты хочешь сказать, чтобы отомкнуть все двери в замке разом, надо найти в нем предмет, на который наш дедушка это самое заклетие завязал? – конкретизировал идею Дэн.

– Ты удивительно быстро схватываешь для бесталанного, – похвалил дядюшка паренька.

– Я сразу понял, что ты меня любишь, – беззлобно огрызнулся парень. – Когда прочитаешь тысчонку книжек про миры меча и магии и переиграешь в массу игрушек, что-то в голове да останется. Мне порой казалось, что магия в чем-то похожа на программирование. А, ладно, не буду грузить, ты-то про коды ничего не читал, небось джаву за заклинание посчитаешь. – Дениска просиял счастливой улыбкой, отыгравшись за «похвалу» старшего родственника. Тот только хмыкнул и вернулся к осмотру кабинета. После шкафа проверял ящики стола. Но ничего подходящего не попадалось.

– Может, сразу в сейфе посмотреть? – предложила Света.

– Где тут сейф? – подпрыгнул к сестре Дэн.

– Не знаю, но должен быть. В любом кабинете руководителя ставят сейф, у нашего директора тоже был и у папы на работе, – наставительно пояснила сестра и удостоилась от дядюшки взгляда куда более уважительного, чем тот кидал минуту назад на догадливого племянника. Когда кто-то понимает очевидное для тебя самого – это приятно, а когда сообщают об очевидном, до которого ты сам додуматься не успел, – это гораздо важнее.

Обычно дед держал все бумаги, которые предъявлял посетителям, в столе. Оттуда он их доставал и туда убирал. Потому мысль о потайном шкафе закралась в голову Ригета лишь после толчка от племянницы.

– Спасибо, Свельта, давайте искать.

– Та стена за гобеленом с гербом, – проронил Нерпат, указывая копьем на проем между шкафом и окном. – Старик терпеть не мог ковры и гобелены, чихал от пыли. Однако ж этот из кабинета вынести не приказал.

– Верность традициям превыше аллергии? – весело привел остроумный аргумент Дэн, однако подошел к небольшому, метр на полтора, гобелену, где на сером фоне парил черный ворон, державший в клюве алое яблоко, а в когтях черный меч.

Ригет снял гобелен с разъемных колец, вмурованных в камень, аккуратно уложил его на столешницу. Перед искателями предстала обычная серая стена, ничем не отличающаяся от других стен в замке. Дэн постучал по камням, раздался характерный звук, какой издает камень, если по нему постучать со всей дури. Впрочем, матерым домушником, тем паче специалистом по вскрытию сейфов парень не был, потому понять, есть ли сейф в стене или нет, не мог, хоть дятлом обдолбись. Дядюшка тоже на домушника не учился. Переглянулись родственники с совершенно одинаковой озадаченностью, так же синхронно почесали головы за ушами и одновременно нахмурились. Если у кого-то и оставались сомнения в родстве Ригета с Денъесом, сейчас они бы наверняка испарились.

– Давайте руки положим на стену и проверим, – попросила Света, уставшая маячить за спинами и ждать, пока мужчины наиграются в кладоискателей. Ей хотелось найти в большом замке хоть самую маленькую кроватку или, на худой конец, диванчик и прилечь.

Мочки ушей Ригета стали красными от смущения. Докатился, девочка-племянница подсказывает элементарный порядок действий и кому – выпускнику Королевской академии магического и оружного боя города Бриса.

– Точно, дай пять! – подпрыгнул никогда не смущающийся по всяким пустякам Дениска и хлопнул сестру по подставленной ладошке.

Потеснившись, парочка пропустила Свету к стене. Три ладони легли на прохладный камень. Внутри щелкнуло, скрежетнуло, повернулось по оси и явило нутро каменного монолита, в котором имелось три полки: две поуже, одна пошире. Потому-то никакого металлического звона люди все равно не дождались.

Каменный сейф услужливо продемонстрировал содержимое удачливым искателям. На первой верхней полке лежали папки с бумагами, на средней – какие-то деревянные, металлические и обшитые тканью футляры. На нижней, третьей полке, не нашлось ничего, кроме здоровенного ржавого замка со вставленным в него ключом на большом кольце, к которому крепились еще куча разнообразных ключей: от совсем

мелких и тонких, не более трети мизинца, до массивных.

– Нашли! – озвучил очевидное Ригет и протянул руку.

– Может быть, тоже втроем взять, не зря же ключ такой длинный? – осторожно предложила Светлана.

– Дельная мысль, Свельта, от старика любой пакости можно ожидать, – заключил дядюшка.

Три руки синхронно коснулись ключа и трижды повернули его, размыкая замок. Едва слышный щелчок будто эхом пронесся по всему замку, оборачиваясь скрежетом, щелканьем, глухими ударами, скрипом и лязгом. Заклятие развеялось, признавая за законными наследниками право собственности. Двери открывались по всему замку.

– Светка, ты голова! – выдал Дениска и тут же, прежде чем бежать осматриваться, потянулся к футлярам. – Что там?

– Семейные украшения Керготов, – пояснил Ригет, перехватив руку племянника, и пояснил: – Зная отца, уверен, он и тут пару отравленных иголок мог воткнуть или что-нибудь иное мерзкое. Проверять надо.

– Вот мерзкий старикашка, – восхищенно присвистнул Дэн. – Из могилы подгадить умудряется!

– Побольше уважения, сопляк, – скрипучий голос за спинами раздался неожиданно, заставив подпрыгнуть всех, включая Нерпата.

Посреди кабинета колыхался, уплотняясь с каждой секундой, призрачный образ старикана – высокого, худого, сутуло-нескладного, с явной лысиной, окаймленной длинными прядями сальных волос, спадающих на плечи.

– О, вылитый смотритель Филч! – выпалил Дэн, ничуть не испуганный представлением, и засыпал дядюшку вопросами: – Дядь, это чей призрак? Еще в замке есть? Кто? Как увидеть? А ты кошек любил?

– Это твой дедушка, дир Итнат, и кошек он не любил никогда. Аллергия на шерсть, – представил Ригет аж загустевшего от возмущения призрака племяннику и обратился с формальным приветствием к явившемуся: – Восемь с тобой, отец.

– У-у, значит, не Филч, а я-то уж на кроссовер нацелился, – разочарованно выпалил Дениска.

– Чего? – практически хором удивились все, кроме Светки. Прежде чем братец сел на любимого конька, девушка быстро объяснила понятие, о котором увлекающийся Дениска прожужжал ей все уши прошлой весной, в период острого увлечения фанфиками.

– Дэн в шутку решил, что попал в мир, где действуют герои из нескольких книг разом, потому что призрак дедушки очень похож на

школьного зрителя из одной известной сказочной истории.

Кажется, сравнение с подобным персонажем дедуле не понравилось.

– Дерзкий мальчишка! Сопляк! – на голову креативного парня обрушился водопад ругательств; часть брызг от не помыслившего поздороваться с родственниками призрака досталась и Ригету. – Ты кого приволок в родовой замок? Где Лимей?

– Лимей благополучна в браке, заключенном по любви, и на наследство не претендует, это ее дети, твои внуки Деньес и Свельта. Они согласились помочь мне исполнить условия завещания, – сухо выдал Ригет, с явной неприязнью общаясь с отцом, попортившим ему немало крови и измотавшим километры нервов при жизни.

Смерть, то есть уход за последний порог, на Вархете никогда не считалась величиной абсолютно неизменной и окончательной, исключения случались разные. Но в отношении «драгоценного» родителя Ригет очень рассчитывал на полную конечность хотя бы земного бытия и теперь горько переживал крушение надежд. Жить бок о бок в замке со вздорным привидением старика, способного достать до печенок кого угодно, – на такое наследство дядюшка не подписывался.

– Деда, а ты теперь так и будешь призраком в замке жить? – тихо спросила Света, озвучивая худшие подозрения родственника.

– Как ты меня назвала? – растерянно повернулся призрак желчного старика к девушке.

– Деда, – повторила та. – У нашего отца папа рано умер, только бабушка жива. Ты наш с Дениской единственный дедушка. Пусть и призрак, но ты же тут есть, тебя видно, разговариваешь.

– И тебе не страшно, девчонка? – В комнате ощутимо похолодало, когда призрак придвинулся к собеседнице.

– Прохладно, как сквознячок, – блаженно улыбнулась Светка, изнывающая от жара и духоты, вызванных вовсе не погодой, а циклическим состоянием организма. – Нет, дедушка, после скелетов и зомби-белочек мне такое совсем не страшно.

Старик только крикнул и перевел почти беспомощный взгляд на сына. Тот не разочаровал, добил всего одной фразой:

– Свельта и Деньес пришли на Вархет из другого мира, это привлекло внимание Восьми. Твои внуки беседовали во снах с Зебатом и Алхой, были посвящены в сан жрецов. Получили метки истинных служителей и их знаки, отец. Правда, с силой своей еще не освоились, ибо учить их некому. По поручению Алхой теперь должны встретиться с Ирнатом. Возможно, они смогут стать путеводной нитью и вернуть в наш мир всех Восьмерых.

– Эк... – Призрак перестал брызгать слюной, задумчиво заколыхался, изучая внуков, облетел их вокруг.

Дэн с готовностью вытащил из-за пазухи кулон с птичками и продемонстрировал деду. Дух снова завис перед лицами внуков:

– Вижу.

Повернулся к сыну, снова всмотрелся в посерьезневшие лица внуков и неожиданно выдал:

– Можете звать меня дедом. И, Ригет, тебе нужно несколько крепких парней, путь к старому храму Ирната в подземельях в одиночку не расчистить.

– Я заверил дира Ригета, что готов отступить от векового обычая и позволить юным жрецам преклонить головы в красном храме в подземельях замка, дир Итнат, – промолвил Нерпат, чуть оскорбленный полным игнорированием.

Впрочем, старик и при жизни жреца особо не привечал.

– Что с того храма толку? – пренебрежительно отмахнулся призрак. – Ставили его, когда следы Восьмерых уже остыли на землях Вархета, а последние жрецы доживали свой век. Некому было провести освящение. Храм лишь с виду храм, на деле же лишь постройка из камня. Мне ж теперь видно куда больше, чем раньше.

– То есть, дедуль, нам надо отрыть старый храм в подземелье? – восхитился жадный до приключений Дэн.

– В нем еще живо эхо силы ушедшего, – согласился призрак. – Если где и получится у вас, двойное благословение богов снискавших, до Ирната дозваться, то лишь там.

– И чего дядюшка на деда бочку катил? Малость склочный, конечно, но классный же старикан! – поделился с сестрой своей мыслью Дениска. Шепот был настолько громким, чтобы его расслышали все, кто не глух.

– Опухоль у меня в голове была, паренек, покоя, сна, душевных сил лишала, под конец жизни едва разум не отобрала. На одном упрямстве заклиние наследия выплетал и на сеть для души завязывал. Хотел ясным взглядом на детей в последний раз взглянуть, понять, где прав, где виновен был, а там и за последний порог отправляться. Теперь-то хоть не уходи. Такие дела творятся – ни живым, ни мертвым, ни тем, кто между застрял, покоя не сыскать, покуда дело не сделано. Вон, чую, у дверей стоит одна из таких, кто посередке.

– Это рыцарь смерти Зебата – Бельташ. Мы ее и трех псов ненароком подняли по дороге, – тут же проинформировал дедушку Дэн.

– Надо же, еще одна легенда, – тряхнул призрачной головой дедок и

сварливо велел Ригету: – Вынь демонов ключ из замка, а то я дальше кабинета и пройти не могу, чтоб осмотреться.

– Стоит ли, отец? – тихо проронил дядюшка.

– Неужто твоя обида на недужного старика столь велика, что на мертвом отыгаться вознамеришься? – Призрак то ли удивился по-настоящему, то ли нарочно создал такую ситуацию с выбором, чтобы получше узнать сына.

– Не вознамерюсь, – покачал головой Ригет, оперативно переосмысливая свои отношения с родителем, и вынул ключ. Как могут болеть старые, незаживающие раны, он знал не понаслышке. – Почему ты ничего не сказал о недуге? Есть же целители! Из столицы бы привезли.

– А то ж не возили?! И сам ездил, спрашивал сведущих лекарей, магов. Нельзя было такую пакость ни магией, ни зельями извести, – горько вздохнул Итнат. – Потому и молчал. И вам ничего не говорил, чтоб жалеть не стали. Ничего хуже жалости для мужчины и смертника не сыщешь. Потому еще так сделал, чтоб поскорее прочь вы с сестрой из замка убрались. Старшему-то, транжире, хмель и азарт вечно все застилали. Дождался я поры, как мать твоя за последний порог ступит, и его вслед отправил, пока все владения в заклад не ушли.

– Ой, какие страсти, да уж, деда, шибко ты больным был, – покачал головой Дениска.

Ригет же, шокированный свалившимися откровениями, лишь открывал и закрывал рот. Не каждый день узнаешь, что родной отец был не такой сволочью, какой ты его полагал, а совсем другой сволочью. Своими руками ради процветания земель убил мота и алкоголика сына, подстроил уход, по сути, выгнал двух подающих надежды детей ради их же возможного счастья. И призраком сделался, и завещание заковыристое написал не по злобе, а в надежде в последний раз увидеть Лимей и Ригета, чтобы проститься по-человечески.

– Значит, ты, дедушка, пока будешь с нами призраком? – снова тихо спросила Света.

– Побуду еще малость, – сварливо и с вызовом отозвался дедок.

– Это хорошо, а то мы же с братом ничего в замке не знаем, – улыбнулась девушка.

– Ага-ага! Призрак-проводник – это клево! – азартно потер руки восторженный Дениска, а Светка еще разок улыбнулась, потом резко побледнела до синевы и тихо упала в обморок.

Глава 14

Особенности божественной медицины и архитектуры

Дядюшка успел подхватить племянку над самым полом, не дав приложиться носом. Дэн виновато поник. Увлечшись игрой, парень совсем не обратил внимания на состояние сестры.

– Что с внучкой? – тут же всполошился призрак, легко входя в новое ампула заботливого дедушки.

В кабинет без зова шагнула Бельташ, отобрала бессознательное тельце у Ригета и невозмутимо объяснила:

– Виной спертый воздух в кабинете и усталость с дороги. Такое порой бывает у девушек. Отнесу ее в комнату, где есть кровать или диван. Попробую помочь.

Очнулась Светка от прохладных прикосновений к вискам, чем-то похожих на китайский точечный массаж. Она лежала на широком и низком кожаном диване. Рядом сидела, подогнув ноги, Бельташ. Первым делом, сурово сдвинув брови, дева-рыцарь спросила:

– У тебя лунные дни?

– Еще нет, завтра-послезавтра. У меня за день-два до начала спазмы иногда случаются, ничего не болит особо, но как накатит – холодный озноб, дрожь... Но до обморока никогда не доходило. Я лекарства заранее пью, а тут ничего под рукой не оказалось, и как быть, не знаю. Вокруг одни мужчины, попросить некого, – смущенно призналась Света, сама присаживаясь на диване и поджимая ноги.

– Ты – жрица Алхой, исцели себя, – посоветовала Бельташ.

Она прикрыла глаза, как делала каждый раз, окунаясь в воспоминания, и продолжила:

– Раньше жрицам было достаточно молитвы богине, чтобы разорвать лунную связь до той поры, пока они не пожелают продлить род.

– Молитва? Я не знаю молитв, – пожаловалась Светка, здесь и сейчас готовая выучить любую, хоть десять, только бы помогло справиться с настоящими и неуклонно надвигающимися неприятностями. Как и какие она будет искать прокладки в пустом холодном замке, где подмываться – мысли о грядущих неудобствах накатывали волной истерики.

– Руки на живот, пальцы раскрыты листом каштана. Повторяй! –

скомандовала Бельташ.

Светка, хлопнув растопыренные пятерни на тощее пузико, заговорила в унисон с рыцарем смерти:

– Алхой, мать всего живого, покровительница, защитница, целительница, обрати на меня свой благосклонный взор! Знаю, так тобой заповедано, но прошу о милости и участии, ибо дела мои лишь во славу твою вершатся. Позволь выйти ненадолго из вечного круга, сужденного каждой женщине. Вновь в него возвращусь я по первому слову твоему иль сама ступлю, когда настанет черед продолжить род. Помоги же, великая и милостивая!..

Слово в слово повторяла Светлана за Бельташ молитву, которая ей казалась вовсе и не молитвой, а скорее устной просьбой о временной приостановке женского цикла. И с каждым словом все сильнее девушка погружалась в странное ощущение теплого, пушистого и при этом невесомого покрывала, окутывающего ее с головы до ног, появилось чувство покоя и защищенности. Такое, наверное, испытывают дети в утробе матери, потому столь громко кричат, когда их выпихивают на свет. Слова лились, значение каждого утратилось, остался лишь общий смысл и цель – просьба о помощи. Время застыло или тоже потеряло значение, только мягкий покой и уют заполняли все вокруг.

Три раза произнесла девушка за рыцаршей нужные слова, ощущая, как с каждым повтором все меньше тянет и скручивает мышцы, как перестают кружиться перед глазами черные мушки и стучать молоточки в висках, как высыхает холодный пот.

Бельташ замолчала и вопросительно вздернула бровь.

– Кажется, помогло, спасибо огромное, – возвращаясь в реальный мир, облегченно вздохнула Светка и тут же забеспокоилась: – Сильно я брата и дядю напугала?

– Нет, я объяснила причину, – отмахнулась рыцарь смерти, одним движением вздымаясь на ноги и протягивая руку жрице, чтобы помочь встать и ей.

– Ой, спасибо еще раз. – Светка сильно покраснела, испытывая вполне закономерную неловкость перед малознакомыми людьми и призраком в придачу.

Да что малознакомые, она и Дениски стеснялась, никогда не хотела, чтобы брат обратил внимание на такие проблемы. Он, впрочем, обычно и не обращал, занятый своими делами. Один раз пачку прокладок в коридоре увидел нераспечатанную, в руках повертел, ляпнул что-то глубокомысленное про синюю водичку и прочь отложил.

– Ты – жрица моего бога, ты – надежда Вархета, помочь тебе, пусть и в малости, – мое предназначение, – спокойно, не равнодушно, но без надрыва и патетики растолковала Бельташ так, будто читала на память инструкцию или устав.

В ответ на этот спич у девушки совсем не возвышенно забурчало в животе. Самым забавным стало то, что живот вроде как мертвой рыцарши откликнулся согласным рыком, и та с вполне доброжелательной усмешкой предложила:

– Пойдем поищем мужчин. День перевалил за полдень, уверена, они успели озаботиться обедом!

– Ага, только для начала найдем место, где можно вымыть руки и умыться. – Светка несмело улыбнулась благодетельнице.

Если бы не ее добрый совет и наставления, пришлось бы мучиться не меньше трех дней. Полной веры в то, что удастся избежать очевидных последствий, у Светы не было, но, едва ушло недомогание, девушка стала мыслить позитивно. В конце концов, неужто в замке не найдется кучки старых тряпок и таза с водой? Все решаемо, если не вешать нос! Вон стоит взять пример с дедушки, понятное дело не по части убийства родственников, а в умении не сдаваться и искать выход, если кажется, что выхода нет и быть не может. После жестоких откровений Света зауважала силу духа дира Итната. Злиться ей на него, в отличие от Ригета, было вовсе не за что. Покойного дядю-алкоголика, свернувшего шею, она и вовсе не знала, зато знала на примерах телепередач, как пустеют квартиры наркоманов и опустившихся пьяниц, какую боль причиняют они родным. Старик совершил преступление, но он защищал себя и свои земли, которые желал сохранить для достойных наследников. К тому же только благодаря подстроенному побегу мамы Света и Денис вообще смогли родиться. Потому пусть дедушку Итната судят здешние боги, если вернутся, а Света ему только спасибо скажет.

Можно было, конечно, всерьез обидеться за собственное попадание в чужой мир. Так ведь старик не знал, где скрывается беглянка Лимей и к каким последствиям может привести его закономерное желание проститься с дочерью.

Светлана пожалела одинокого деда и собралась общаться с ним так, как если бы перед ней был живой дедушка. В конце концов, призрак – это не страшно и самое главное – от него не пахнет мертвечиной, как от поднимаемых Дениской зомби, и вообще никакой грязи и пыли нет.

С такими светлыми мыслями (когда минует боль, мир вообще кажется чистым и радостным, словно отмытым дождем и подкрашенным радугой)

Светка вымыла руки в маленькой раковине. Ура, в замке оказался водопровод, пусть лишь с холодной водой. Кажется, частично магический, но девушке было все равно какой. Лишь бы работал. Дениска как-то про шуточную заповедь программистов ей говорил: «Работает – не трогай!» Вот Света и не собиралась, только задумалась: если дядюшка маг, не сможет ли он еще и обеспечивать, хотя бы изредка, теплую ванну. Если файерболлами кидается, то что ему стоит? На подогрев воды мощности точно поменьше надо.

Так, в мечтах о ванной, Света вместе с Бельташ, взявшей на себя роль проводника, вошла в небольшой зал на первом этаже. То ли рыцарь смерти чуяла живых, то ли банально обладала более острым, чем ее спутница, слухом. Все обитатели замка, кроме Валта и резвящихся во дворе псов, тихо беседовали за большим столом. Призрак Итнат восседал в общем кругу.

Небольшие, кажется, серебряные кубки с разбавленным водой вином явственно указывали, что проверка замка по части открытых дверей прошла успешно. На кухне и в подвале новые хозяева побывали и приволокли с собой посуду, пару кувшинов и хороший окорок, от которого исходил умопомрачительный аромат копчености. Не комплексный обед из пяти блюд, зато хорошая закуска под разговор.

Бельташ и Светлане, убедившись в ее добром самочувствии, откромсали по изрядной порции мяса и налили вина. Кисленькое, да еще сильно разбавленное водой, оно освежало не хуже компота. Мясо вообще оказалось таким, какого и за праздничным столом девушка не едала.

– Повар у меня хороший был. Уж на что я в последние годы вкуса еды почти не чуял, и то умудрялся аппетит пробудить, – ностальгически вздохнул старый владелец замка, чуть ли не с умилением наблюдая за тем, как кушает внучка. Нерпат, не раз составлявший старику компанию за едой, согласно загудел.

– Знаю, – согласился Ригет. – У меня с Валепом уговорено: как только я вступлю в права наследования, он прибудет в замок, чтобы занять прежнюю должность. Он пока у управляющего в доме живет, как и остальные слуги из тех, кто места нового не стал искать. Все у него пока проживают.

Старик хмыкнул, но взглянул на сына с явной гордостью, довольный подобной предусмотрительностью.

– Погодите, вы хотите сказать, что окорок из замка? Какой у него срок годности? – забеспокоилась девушка, застыв с занесенным над блюдом ножом.

– Магия! – расплылся в блаженной улыбке Дениска. – Там, в подвале, не просто прохладно и темно, еще какие-то чары хранения на двух булыжниках с иероглифами или чем-то вроде них. Дядя сказал, это дийские письмена, которые маги учат, как наши медики латынь. В общем, пара древних булыжников заменяет один холодильник размером с комнату. Ешь смело, ничего не протухло!

Светка, убедившаяся на практике в существовании магии, все равно еще раз обнюхала кусок мяса (а вдруг оно протухло до того, как попасть в магический холодильник?), но никакой характерной кислинки не уловила. В нос шибал лишь восхитительный аромат мясных деликатесов, вызвавший новую руладу в животе. Решившись, девушка откусила кусок нежной, просто тающей во рту вкуснятины и принялась жевать.

– Ты как, Свет, больше в обморок падать не собираешься, оклемалась? – запросто справился Дэн.

– Не собираюсь. Бельташ мне здорово помогла массажем и советом, – задумчиво качнула головой Светлана и все-таки не утерпела, спросила у дядюшки сразу: – Дядя Ригет, магия холодильная есть, а воду где-нибудь в замке греют?

– Узнаю неженку Лимей, – усмехнулся дядюшка. – Умывальня с большим горячим камнем на втором этаже, в комнатах твоей матушки. Остальные малыми обходились или вовсе холодной водой.

«Если вообще мылись», – продолжила мысль девушка, с упреком разглядывая родственные кромки под ногтями у брата и дядюшки. Но устраивать разборки прямо за столом не стала. Лишь поблагодарила за обещание показать комнаты мамы и вернулась к еде, которой едва не подавилась от очередных слов любимого брата.

– Нам с тобой, сестренка, в подземелье еще топать ночью, если завал разобрать сможем. Валт с приказом барона Кергота в деревню за людьми поехал. Туда тоже часть людей из замка после заклятия запорного ушла. Пяток крепких мужиков привезет, чтоб завал помогли разобрать. Скоро небось вернется.

– В нижней кладовой шкуры харгов лежат. Магией ночью в храме не обогреться будет. Возьмите, чтоб на каменный пол бросить, а не то до утра точно окоченеете, – кстати припомнил и посоветовал дедушка, озаботившись здоровьем и репродуктивными возможностями внучат.

– Пасиб, дед, – промычал с полным ртом Дениска.

– Драть бы тебя на конюшне за твои манеры и дерзости, неслух, – беззлобно огрызнулся призрачный старик.

– Детей нельзя бить, это непедагогично, – наставительно воздел нож с

наколотым на него кусом окорока парень.

– Это кто такую глупость сказал? – до глубины души удивился призрак.

– Этому всех сейчас учителей и воспитателей у нас учат, – охотно объяснил Дениска. – Хоть Светку спросите, это по ее части!

– Учат, – подтвердила девушка.

– И что у вас вырастает после этого? – заинтересовался жрец, только сейчас в застольной беседе с призраком и старым другом толком уразумевший, откуда взялись детки беглянки Лимей.

– По-разному, как, наверное, и везде, – признала девушка и попробовала объяснить тому, кто прожил жизнь в совсем иной среде: – Считается, что, применяя силу, учитель расписывается в собственном бессилии и недостатке терпения, в неспособности воспитать и обучить своим талантом и примером. Да, порой дети могут сердить своими проделками, но ни один ребенок не просил, чтобы его рожали. Они будут такими, какими будут, а не такими, какими мы хотим их видеть, и не такими, как были мы. Если это принять, общение станет радостью.

– Девочка, тебе сколько лет? – неожиданно нахмурился призрак.

– Двадцать четыре, а что? – честно ответила Света, еще не вошедшая в ту пору, когда женщина склонна скрывать свой возраст. Зато она чуть-чуть комплексовала из-за худосочного телосложения, которое папа называл теловычитанием, и невысокого роста категории «метр в прыжке». Сколько ни ела морковки, капусты и ни висела на турниках сосиской – ничего не помогало.

– Многих детей ты воспитала?

– Я не успела выпустить свою первую группу, ребятки у меня только второй год, – улыбнулась, вспоминая малышей, девушка и тоскливо вздохнула: – Ждут небось меня, скучают.

– Какие дети? – что-то разом осип дядюшка, снедаемый недобрыми предчувствиями.

– Там, откуда мы пришли, у Светы работа такая – чужих карапузов воспитывать. У нас так заведено: все взрослые работают, женщины тоже. Сестренка – воспитатель в детском саду, – пояснил всем опешившим мужчинам Дениска и посоветовал: – Только не расспрашивайте ее о карапузах. Сработает профессиональная девиация. О своих двадцати трех бандитах...

– О двадцати пяти, и они не бандиты! – строго поправила девушка, возмущенная тем, как систематически путал цифры брат.

– Во-во, короче, она готова вещать о них часами, – закончил парень и

предусмотрительно откромсал и подбросил сестре на тарелку еще шматок окорока. Проявление родственной заботы и возможность заткнуть рот в одном флаконе Светка оценила и, возмущенно фыркнув, вернулась к еде.

Дениска же остался объяснять дедуле, что жили его внучата вовсе не бедно, просто там, куда сбежала Лимей, так принято. Попытка объяснить смысл собственной работы у Дэна вообще едва не обернулась двойным скандалом. Старичок почему-то заподозрил в айтишнике мальчика по вызову, а родная сестренка едва не поперхнулась мясом, позабавленная недоразумением.

В конце концов Дэну удалось объяснить старику разницу между вызовом для починки и настройки тонкой техники, сравнив ее со сложными амулетами, а себя с магом-артефактором. Пусть такое занятие тоже не стояло вверху списка профессий, подходящих наследникам славного рода, но хоть с первой древнейшей не ассоциировалось, и то хлеб.

Когда все утолили голод продуктами длительного срока хранения, в замок вернулся Валт с кучей народа в повозке: тремя бабами-кухарками да служанками, чтобы похлопотали по хозяйству, и пятью мужиками. Вооружены они были кто молотом, кто киркой, кто лопатой. Тачку для перевозки битого камня нашли в замке. Может, инструмент тоже где-то был, да только старый призрак не знал, где искать, а живые времени на обыск не имели.

Вход в нужную часть подземелий открывался с первого этажа, рядом с кухней. Проход разделялся на три коридора. Один вел на ледник с продуктами, второй к колодцу и винному погребу, а третий, за скрытой дверью, как раз уводил в самые потаенные глубины.

Узнав об этом, Ригет сильно удивился. Про старый храм и обвал он знал. В детстве пытался безрезультатно, не считая измаранной и драной одежды, пролезть, как теперь оказалось, совершенно не туда. Он готов был ручаться, что нехоженные коридоры начинаются за старой темницей, больше двух веков не используемой по иному назначению, кроме как для вытрезвления перебравших слуг. Но нет, оказалось, те ходы ведут вообще неизвестно куда, вернее, когда-то вели, а теперь настолько обвалились и засыпались, что превратились в одну большую ловушку, соваться в которую не решился бы и самоубийца.

Мужики радостно скалили зубы, оглаживали бороды и кланялись новому владельцу замка, о явлении которого еще до прибытия Валта в деревню возвестило взметнувшееся над башней серое полотнище флага: распахнувший крыла черный ворон с алым яблоком в клюве и черным мечом в когтях.

Дира Ригета в землях Керготов помнили и уважали. Земле-то без хозяина куда как плохо, некому, случись что, на защиту стать. Старый дир Итнат, покуда немощен был, все ж о людях пекся, с налогами не злобствовал, да и девок в силу возраста не портил. Дир Ригет, правда, тоже отродясь никого не насильничал, к нему молодухи сами в кровать лезли. Молоденький паренек рядом с дядюшкой вызвал толику опаски, но лишь толику. Злобным стервецом юнец не выглядел, рвался не девок щупать, а в подземелья вместе с мужиками лезть и копать.

Увы, к вящему сожалению Дэна и громадному облегчению рабочих (а ну как с мальцом чего приключится, как перед диром Ригетом ответ держать?) благородный порыв был задушен на корню жестоким дядюшкой. Покуда стучали инструменты и выкатывались тяжелые тачки с камнями, парня в коридор не допускали. Подувшись чуток для порядка, Дэн умчался исследовать замок под присмотром старого призрака. Не то чтобы деда о том просили, он и сам понял, какое сокровище его внучок, за которым глаз да глаз нужен, чтоб ни замок, ни сам молодой потомок не кончились по глупости.

Светка осмотрела мамины комнаты, простоявшие закрытыми с момента побега. Туалетная комната с ванной порадовали, а спальня, гардероб и маленькая гостиная немножко огорчили. Все было чистым, вполне милым, сиренево-зеленым и пропахшим нелюбимой лавандой. Открыв все окна и выкинув все мешочки с духовитой травой, девушка вместе с Бельташ отправилась бродить по замку. Помимо естественного любопытства, ею двигало желание понять, каково было расти в таком месте ее маме и каково будет ей самой, если домой вернуться не получится. Некрасивым и неприятным родовое гнездо девушка назвать не могла, но все-таки терялась при мысли о необходимости жить в такой громаде без привычных современных удобств. Впрочем, пока ничего решено окончательно не было, Света решила относиться к замку, как к музею, и по возможности получать удовольствие от осмотра.

Ужин поварихи успели приготовить нормальный, только отведать его Дениске и Светке оказалось не суждено. Общим решением жреца Нерпата, дядюшки Ригета, призрака дедушки Итната и «предательницы» Бельташ, молодым жрецам рекомендовали строгий пост. То есть краюха хлеба и кувшин воды на двоих. Поначалу вообще хотели отправить в отрытый подземный храм без ужина, лишь со шкурами харгов для постели, да Дэн возмутился и объявил о своей категорической неспособности уснуть на голодный желудок. Тогда садистское решение пересмотрели, заменив на тюремно-диетическое, особого восторга у попаданцев тоже не вызвавшее.

Увы, больше возражений никто слушать не стал.

Глава 15

Храм Ирната, или Жестокая откровенность

Дядюшка проводил добровольцев поневоле до частично разобранный завала близ входа в старый храм. Жрец Ирната и Светка с Дениской по стеночке просочились внутрь помещения, где в чашах у плоского стола-алтаря горел заблаговременно запаленный Нерпатом в честь воинственного бога огонь. Громадная, чудом уцелевшая статуя Ирната высилась сразу над алтарем. Мускулистая мужская фигура, лицо которой, сколько ни приглядывайся, терялось в тенях. Различить можно было лишь короткие волосы под шлемом. В левой руке бог держал что-то вроде каменного копья с дополнительным лезвием, как у косы, на пару ладоней до вершины. Еще у Ирната имелись здоровенные крылья, распахнутые за плечами, каждое перо которых само по себе являлось кинжальной остроты клинком. Одним словом, дяденька выглядел внушительно. С таким не то что сражаться, слова поперек сказать не хотелось.

Попаданцы переглянулись, синхронно вздохнули и принялись расстилать легкие, но в то же время удивительно густошерстные и прочные шкуры харгов, почему-то не пропускающие к телу ледяного каменного холода.

Дениска не поленился и вызнал у призрака дедушки, чего это за твари такие. Оказалось, здоровенные зверюги, вроде земных медведей. Когти, клыки и прочие запчасти в наличии. Шерсть у харгов оказалась дымчато-серой с черными пятнами, короткой и очень плотной. Зато совсем не жесткой! Светке так и вовсе напомнила мутон с шубки.

Благодаря чудесным шкурам пара жрецов-недоучек сейчас могла спокойно сидеть на полу, а не клацать зубами от холода, выбивая ногами чечетку. Попаданцы осматривали дышащее древностью, хорошо если не на ладан, место.

– Хочешь спать? – спросил Дэн.

– Не-а, а все равно придется. Шкуры, конечно, теплые, дедушка прав, только жестковато.

– Ты как, в целом держишься, сестренка? – сжал Светину ладошку брат.

– Куда я денусь, – тихонько вздохнула та и тоскливо прибавила: –

Поскорей бы домой.

– Будет тебе, Свет, не вешай нос. Мы, считай, на экскурсионный тур по Вархету попали. Замок поглядели, где мама росла, с дядькой познакомились и вообще – интересно же!

Попытка подбодрить провалилась, сестра снова вздохнула:

– Если бы только экскурсия, то да, интересно было бы, но я как представляю, что все вокруг окажется навсегда-навсегда, жуть берет. Я очень скучаю. Ты же помнишь, когда мы к маме в Италию ездили, все равно через недельку по дому тосковать начинала.

– Да, ты у меня домоседка, – ласково признал Дэн и попытался подбодрить свою близняшку иначе: – Что ж, тогда по-быстрому выполним божественный квест и можно возвращаться! Хотя я бы еще на Вархете погостил. Все-таки магия – это круто и всяко прикольнее телефонии и сетей. Потому теперь срочно закрываем глаза и выходим на связь с Ирнатом. Удачного нам сна и, как тут говорят, Восемь с нами!

– Сегодня вполне достаточно одного, вон его. – Света указала подбородком в направлении крылатой статуи и легонько сжала пальцы брата в ответ, молчаливо благодаря за поддержку.

– Ага, – зевнул Дэн и присовокупил риторически: – Хотя, может, чем их больше, тем лучше и мы ближе к цели?

Девушка поерзала на импровизированном ложе, натягивая на плечи шкуру-одеяло. Когда своей подложки в виде лишнего мяса и жирка нет, хочется мягкого матрасика, а то после ночи на жестком полу все тело занает, будто побитое. Пробовала, когда у подруги ночевала. Той хоть бы хны, а Света, будто и не молодая девушка, едва встала с оханьем и стонами. А каким мучением ей сидеть на жестких стульях в институте было? Потому пыталась на лекцию пораньше прибежать и стул с мягким сиденьем занять. Таких в аудитории пяток всегда находился. Девчонкам-сокурсницам и невдомек было, как болит тощее место пониже спины после трех часов сидения на железке и деревяшках.

Печально-сентиментальные мысли способствовали расслаблению тела. Девушка краем уха слушала треп братца, затуманенный дремой взгляд скользил по полыхающим почему-то не желтым, а льдистым сероголубым пламенем чашам на здоровенном столе-алтаре, куда, как рассказал Нерпат, принято было возлагать тела особо отличившихся мертвых героев для последнего прощания.

Мелькнула крамольная мыслишка: «Хорошо, что сейчас никаких трупов на камне нет, а то Дениска точно что-нибудь учудил бы от скуки». Визжать, нарушая умиротворяющую тишину, или тишком отдавать команду

на упокоевание совсем не хотелось.

Еще одной мыслью-догадкой делиться Света с братом не стала. Если перед похоронами в храм Ирната павших воинов приносили, то не укладывали ли их случайно тут же, под плитами пола. Кажется, в храмах Земли такое практиковалось. Быть разбуженной лезущими из-под камней мертвецами ничуть не хотелось, хотя страх перед мертвыми давно ушел то ли от влияния метки Зебата, то ли сам по себе, сменившись привычкой и досадой на недоразумения.

Ирнат... Громадная, в полтора человеческих роста крылатая статуя, на которой плясали свет и тени, казалась сейчас живым, замершим перед решающим броском вперед мужчиной. Придет ли он в тумане сна или им придется скитаться по Вархету в поисках места, откуда получится достучаться до бога-воителя?

Светка моргнула и вздрогнула, озираясь. Вокруг сплошь серебрился туман. Слева топтался Дениска, а впереди, и с каждым мгновением все четче, проступали контуры приближающегося к молодым людям мужчины. Он шествовал тяжелым шагом имперской пехоты, постукивая пяткой огромного копья.

– Вау, Ирнат! – выдохнул Дэн и тут же беззастенчиво спросил: – А крыльев нет? Наглое вранье, то есть художественное преувеличение скульптора?

Свету вопрос тоже заинтересовал, но она не преминула негодуя шикнуть на разговорчивого брата – все-таки не с дружкой-приятелем общаться взялся, мог бы для начала и поздороваться, а потом с вопросами и претензиями лезть.

– Не для красоты они, а лишь для того, чтобы разить противников в сражениях, – пророкотал мужчина, лица которого, вот досада, так же как и у скульптуры, разглядеть не получалось. Оно скрывалось за туманами.

Зато Дэн и Светка были перед богом как на ладони.

– На что они надеются? – пророкотал, качнув головой, бог, оценивая ребят, как некондиционный товар. – Какие из вас жрецы? Как вы сможете вместить в себя мой холодный огонь? Нет ни жажды битв, ни упоения схваткой. Оборвали ли вы хоть единую жизнь врага своими клинками, обагрили ли лезвия кровью недругов?..

– Разве что в играх, – честно выпалил Дениска. – До крови я только комаров давил, ну и, может, пару раз в детстве с ребятами дрался. Светка же вообще скорее до смерти залечит, чем кого-то убить захочет.

– Лекарка? – испытующе спросил Ирнат, сместившись в сторону девушки.

– Нет, только чуть-чуть умею, – посожалела Светка, когда бог начал давить на больную мозоль. Когда стоял выбор профессии: медик или воспитатель, девушка, которой нравились оба пути, выбрала второй, чтобы не покидать родного города. Медициной занималась постольку-поскольку: немного в институте научили, чего-то по верхам сама нахваталась, и практика, практика. Куда быстрее и полезнее зачастую оказывалось помочь себе и близким самостоятельно, нежели ждать доктора. Когда «скорую» два часа ждать приходится, поневоле научишься хоть чему-нибудь.

– Лекарка, – согласился сам с собой, а вовсе не со словами девушки бог и перешел к изучению Дэна.

– Не боец, но слабый тактик, – наконец вздохнул Ирнат с интонацией «На безрыбье и рак рыба» и снова повернулся к девушке: – Спросить хочешь?

– Почему мы вашего лица не видим? – робко справилась та, получив дозволение и немного стесняясь незнакомого мужчины.

– Лик мой страшен, дитя, краса лица бога с ужасом, который каждая война сеет, смешана так, что безумием порой и для жрецов моих обернуться может.

– А-а-а, – уважительным хором протянули попаданцы, впечатленные объяснением Ирната больше, чем отговорками Зебата и Алхой.

Воитель еще разок скептически оглядел парочку, качнул головой и бормотнул под нос:

– Может, и нет явного дара, потому как в мире ином росли. Рискну!

Он резко придвинулся к брату с сестрой почти вплотную и вцепился в правые руки ребят, да так, что те завопили от боли. Касание бога было равносильно ожогу пламенем, слитому с ударом током вольт эдак под двести двадцать.

Отняв руки от подрагивающих от пережитого шока бедолаг, еле держащихся на подкашивающихся от слабости ногах, Ирнат вцепился им в плечи, не давая рухнуть, и довольно, с легким удивлением признал:

– Надо же, выжили.

– Могли и помереть? – хрипло каркнул Дэн.

Светка просто молча плакала, слезинки катились из глаз одна за другой.

– Могли, – невозмутимо признал бог.

И тогда хрупкая девочка-воробей его ударила раскрытой ладонью по щеке:

– Мы не давали согласия на эксперимент! Из-за тебя мой брат мог

умереть!

Пощечина вышла знатная, Ирнат удивленно моргнул и с усмешкой констатировал:

– С посвящением, пичуга. Иной раз надо рисковать просто потому, что другого выхода нет. Вы ушли бы отсюда или моими жрецами, или не проснулись бы вовсе. Самим надо было думать, где преклонять головы для сна.

– Но Алхой... – начала было Света и прикусила язык.

Зато Дениска растерялся настолько, что рубанул правду-матку:

– Она нас подставила, вот ведь стерва!

– Чего ты хотел от Жизни? Она всегда такой была, есть и будет. Это только Смерть уравнивает всех и честна по-своему, – грубовато хохотнул ничуть не обидевшийся бог войны.

Богиня жизни умолчала об опасности ночевки в храме Ирната, а им самим, доверчивым по молодости и беспечным, расспросить ее о подробностях и в голову не пришло. Как-то само собой разумеющейся казалась простота ритуала. Зебата повидали, Алхой повидали, пришел черед Ирната. Всей трудности – отыскать подходящее местечко для сна. Богиня всего лишь не предупредила их ни о чем, блюдя личные интересы и интересы своих сородичей. Что ей были жизни двух молодых людей? Ровным счетом ничего. Расходный материал, очень удачный, бесспорно, и своевременно подвернувшийся, но ничего большего. Погибни ребята, посетовала бы на облом, боги принялись бы искать другой путь. Все. Ирнат не стал им врать, объяснил честно и жестко. Светке стало стыдно, и она понуро извинилась:

– Простите, пожалуйста!

– Пустое, пичуга, мне твои шлепки, как камню комариные укусы, – небрежно отмахнулся бог. – Это после печати у тебя в крови забурлила ярость, значит, сила прижилась. Пусть толика, а твоя.

– И что теперь, этого снова не хватает, и нам надо искать очередной храм следующего бога, а не то вы все трое станете нам в кошмарах являться с требованиями, стоит лишь где у развалин древней часовенки задремать? – потер подбородок Дениска.

На бога он не кинулся только потому, что Светка его опередила, а потом нахлынуло осознание: Ирнат, по сути, не при делах. Они сами в его храм по чужой наводке приперлись. Чувствовать себя дураком-смертником Дэну было неприятно.

– Верно, – констатировал бог. – Я-то могу и не являться, коль не позовешь, но Алхой точно придет, а Зебат за супругой потянется. Вы

жрецы, спрятаться не получится. Даже если снимете и спрячете знаки. Метки на теле не позволят. Сны будут приходить.

– Итак, как в русскую рулетку с восемью пулями, три из которых у виска уже просвистели... Эй, а почему к нам Зебат приходил, мы ж тогда в трактире спали, и меток еще не было.

– Вы через его храм на Вархет пришли и в его силе вдосталь искупались, дотянулся, – коротко и по существу поведал бог.

– Дир Ирнат, можно ли отыскать храм Восьми богов, где есть сила каждого из вас? Нам рассказывали, такие раньше были. Насколько опасна такая попытка для нас? – неожиданно спросила девушка, которой очень не понравилась аналогия брата про русскую рулетку.

– Вот что хотите... – протянул бог и замолчал надолго, не то ошарашенно, не то озадаченно, а может, просто-напросто вспоминая, как человек, багаж знаний которого не десять лет школы и пять института, а века, века и века, сливающиеся в полнокровную реку тысячелетий.

Попаданцы не торопили. Минутки текли за минутками, наконец, Ирнат промолвил:

– Если где и сохранился древний храм Восьми, воздвигнутый диями, то в горах, под хребтом Раздела, что частью гор Ликладика является. Много храмов Восьми было, самые грандиозные – на плато, именуемом Столом богов, на острове на реке Великой и в пещерах под хребтом. Первый храм был разрушен землетрясением спустя века после того, как ушли дии. Второй сгинул, когда река изменила свое русло, скрыв под водой остров. Но храм под горами еще может стоять. Люди не любят каменной тверди над головами. Если за время нашего отсутствия не случилось великого потрясения материка, у вас есть шанс отыскать храм Восьми.

– Надеюсь, дядя с дедушкой учили географию хотя бы на тройку и смогут объяснить нам, как добраться до цели, – почесал за ухом Дэн, практично прибавляя: – И денег на дорогу дадут.

– Что ж, коль отыщете храм для полного призыва, даже если ничего иного у вас не получится, жизни сохраните. В сеть сила Восьми сплетется достаточно, чтобы вас смертью не поразить. Коль у вас выйдет воззвать правильно в средоточии силы Восьми, получите разом полное посвящение. Зажжется дарованная сила маяком и развернется дорогой, – резюмировал Ирнат и присовокупил, обращаясь к Дениске: – Оружием, парень, все ж озаботься, благословение мое тебе поможет.

Парень принялся расплываться в мечтательной улыбке, но тут же был резко опущен с небес на землю жестокосердным богом:

– Лишь поможет, но не заменит тренировок. Все, хватит с вас

болтовни, спите!

Категоричный приказ вышиб парочку из жемчужного пространства, Светка только и успела пискнуть:

– Спасибо!

И услышать снисходительное:

– Живи, пичуга.

Вслед за словами пришел настоящий и тяжелый, как медведь, сон. Он навалился на жертвы, будто требовал отступных за блуждание неизвестно где и неизвестно с кем. Кажется, в этом тяжелом сне еще мелькал обрывок туманного видения, черно-стальные волосы Зебата и искры озабоченности в странных серых глазах бога, или Светке это только снилось.

Поскольку окон в храме не было, чаши с зажженным огнем имели свойство неугасимости, а также никто из живых и неживых беспокоить парочку в бдении у алтаря не осмеливался, проснулись брат с сестрой сами, то есть без посторонних вмешательств. Дениска от всей души зевнул и, приподнявшись на локтях, прочувствованно высказался:

– Какие же они сволочи, а, Светик? Хорошо хоть Ирнат вроде как приличный мужик.

– Он просто не любит хитрить без необходимости, – пожала плечами девушка, вспоминая равнодушную тьму, звенящую железом, которая на миг проглянула сквозь завесу лица крылатого Воителя. В сравнении с ней смертный покой Зебатова лика казался почти добрым.

Милосердие, сочувствие и прочие глупости Ирнату присущи не были. Он действовал резко, как рубил мечом. Но именно такой подход оказался самым лучшим Дениске и Светке, так что им так действительно всего-навсего повезло.

Крылатый статуй обсуждение достоинств оригинала принял равнодушно. Скатав шкуры и взяв их в охапки, попаданцы покинули не слишком гостеприимный храм Ирната.

Выходили свежепосвященные жрецы очень тихо, почти крадучись. Не потому, что опасались обвала или ждали иных неприятностей, просто после ночи, проведенной с богом, они чувствовали себя, как после хорошего кросса, и еле переставляли ноги. Активность проявляли лишь ожесточенно прилипающие к позвоночникам животы, едва не долбящие хозяев изнутри с криками: «Дайте жрать! Побольше и поскорее!»

Словом, Дэн со Светкой шли тихо и без светильников. Местные тяжеленные масляные лампы казались попаданцам ужасно неудобными, зажигать светящиеся шарики, как дядя Ригет, они не умели, а переноску прилепленных к стене наколдованных шаров ТТХ изделия не

предусматривало. Они банально гасли, стоило их только сдвинуть в пространстве больше чем на пару метров.

Разочарованный убожеством освещения Денис уже успел зарядить дядюшку идеей магического фонарика, и Ригет увлекся. Правда, времени на артефактные изыскания у дядюшки пока было в обрез, но над претворением в жизнь замысла Дениски дир обещал подумать.

Шепот впереди, за очередным поворотом частично обрушенного тоннеля, стал для молодых людей полной неожиданностью.

– Все, как Фарот рассказывал. Вишь, завалы, сырость, а дальше их не пустили. Точно клад родовой там! Ежели дверь на засове, мы топорами надломим. Возьмем чуток, там этих сундуков небось столько, что и не заметит никто. В Брис сбегём!

– Это куда вы с дядюшкиным кладом бежать собрались? – весело изумился Дэн, первым выступая из-за поворота перед двумя блондинистыми орясинами с топорами.

– А-а-а! – заорали растерявшиеся бугаи, нарастившие мяса, но не мозгов, и выставили вперед топоры.

– У-и-и-и! – заверещала Светка.

Она почувствовала, как распускается внутри нее что-то похожее на огненный цветок, разноцветные лепестки которого – прохладно-серые, насыщенно-изумрудные и нежно-фиолетовые – затанцевали на невидимом ветру. Словно кипятком ожгло все три метки. И в этот момент оба занесенных топора, как намагниченные, метнулись к стене и прилипли к ней от лезвия до топорща вместе с руками держателей. Пальцы, ладони, как ни силились два незадачливых любителя незаконного перераспределения материальных благ расстаться со своими орудиями, казалось, приросли, став с топорами и стеной одним целым.

– Зачетно! – завистливо выдохнул Денис. – Как у тебя получилось?

– Не знаю, я испугалась, – честно ответила девушка.

– Твой основной мотиватор сработал, потому метка Ирната себя показала, словом, полечила ты идиотов, – хихикнул брат. – И куда их дальше? Тут оставим, и пусть у нас, как в каждом уважающем себя подземелье древнего замка, заведется пара-тройка скелетов? Призрак есть, а скелетов нет, непорядок!

– Диры, Восемью милости просим! – побитым псом заскулил один из двоих горе-грабителей.

– Восемью восемь – шестьдесят четыре, а не милости просим, – нравоучительно ответил Дэн. – Так чего вам тут понадобилось, придурки?

Те наперебой кинулись каяться. Оказалось, незадачливых грабителей

вдохновила болтовня одного из деревенских мужиков, помогавших разгрести завал. Неизвестно, что ему в голову напекло, а только «знаток» решил, что откапывали они ход к старой сокровищнице, а парочка других «интеллектуалов», с которыми он этой великой тайной по пьяной лавочке поделился, решила, что будет недурно выкопанными ценностями диру Керготу поделиться. Воистину, как походя прокомментировал Дэн, страсть к халяве неискоренима во вселенной, а стремление все отнять и разделить в пользу отнимающего вечно!

Улучив момент, пока народу с утра в замке поменьше, два олуха вида «сила есть, ума не надо», помогавших с рубкой дров для кухни, отправились по подземному коридору, где и столкнулись с племянниками Ригета.

– Пусть с ними дядя разбирается, он все-таки хозяин замка, – выслушав глупые откровения, предложила Светлана. – Я не знаю, что делать с людьми, которые меня топором зарубить хотели.

– Не-не-не, дира, это мы со страху замахнулись, в голове помутилось, не иначе! Разве ж можно, на живого-то человека просто так с топором? – наперебой забормотали, подергиваясь, приращенные к коридору белобрысые деревенские дурни. По-коровьи хлопающие глаза точно не могли принадлежать потенциальным душегубам. Дуракам, которым звон монет заглушил голос разума и совести – легко, но не убийцам, это оба троекратных жреца чувствовали отчетливо.

– Нельзя? Тогда отправляйтесь Ирнату каяться, а потом дяде во всем сами признаетесь, – прищурил глаза Денис и ткнул пальцем в сторону коридора, ведущего к храму. Руки незадачливых бандитов отклеились от топоров. Оружие же так и осталось частью стены и истории, так сказать, для потомков.

Посекундно оглядываясь, бугаи чуть ли не на цыпочках потрусили туда, куда указывал палец Дэна.

Не успели близнецы выбраться во двор, как охотники за чужими сокровищами, сверкая пятками, пронеслись мимо. Оглушительно завывая и отталкивая друг друга локтями, они вылетели на белый свет двора столь эффектно, что переполошили всех бодрствующих и разбудили спящих. Белые от ужаса, со вставшими дыбом волосами и мокрыми штанами, молодые парни рыдали как дети, лепеча о кинувшемся на них голом мужике с крыльями.

Первыми во двор навстречу крикам вынесло дядю вместе с призраком дедушки Итната. Их обоих оторвали от разбора финансовых документов. Следом явились Бельташ и Валт.

Ригет первым делом буквально ощупал глазами племянников и почти успокоился: целы! Дэн, заметив взгляд, еще и задрал на секунду рукав, чтобы похвастаться печатью Ирната. Теперь в глазах старшего родственника появилось нечто вроде гордости за непутевых попаданцев. Пусть по хозяйству почти ничего не умеют, но вдруг такова их жреческая высшая доля?

Только после осмотра Дениса со Светой дядя уделил внимание паре жертв скромного обаяния статуи воинственного бога, завывающих на камнях двора. Денис наскоро пересказал дяде начало топорной истории и присоединился к числу благодарных слушателей очень стр-р-рашной сказки про поход за чужими сокровищами и нападение монстра.

Айтишник слушал и хихикал в кулак. Давя желание расхохотаться, братец тихо нашептал Светке:

– Их счастье, что Ирнат далеко и не слышит. Это ж надо таким маньяком своего бога выставить: бросается, и на кого, не на симпатичных девок – на мужиков!

Сестра лишь поморщилась и шутки не поддержала, честно признавшись:

– Если б я такую статую неожиданно увидела, тоже бы перепугалась. Вроде бы ничего особо ужасающего в ней нет, а все равно страшно. Какой-то атавистический ужас накатывает.

– Да? У меня точно нет. Наверное, весь атавизм достался тебе, у меня и рудимента не сохранилось, – пожал плечами Дениска.

– Очень плохо. Выходит, твоему инстинкту самосохранения не на что опираться.

– Ничего, ты за нас двоих опасаясь, этого хватит, – беспечно отмахнулся братец, дослушивая историю идиотов-преступников, кающихся перед реальным дядюшкой и призрачным дедушкой.

Досада дира Итната была двойной: оттого что он, неспящий, недоглядел, и оттого, что по окрестностям мог поползти зловещий слушок – дескать, не сокровище молодой Кергот откапывал, а чудовище, и его он сырым мясом прикармливает.

– Что делать с ними будем, отец? – проявил вежливость и посоветовался с призраком Ригет. – По закону их повесить надобно.

– Могу удушить веревкой или отдадим их гончим смерти, – благородно предложила рыцарь Бельташ, воспринявшая нападение на слушателей Зебата как личное оскорбление.

– Они не собирались никого убивать, – встрял Дэн с ценным мнением, пока Света только переваривала суть небрежного вопроса управляющего и

ответ рыцарши.

– Так потому и веревка: за намерения грабительские, – добродушно улыбнулся дедушка Итнат дорогому внуку, благодарно кивнув дире-рыцарю. Сложив руки на груди, старик с легким сожалением следил за елозившими в пыли двора недотепами. После слов Бельташ те посерели от страха так, что под слоем пыли и грязи заметно стало. – Ежели бы покушение на род Керготов было, то до смерти б их засечь следовало. Так-то парни крепкие, жаль, конечно, в расход работников пускать...

Дядя Ригет покосился на племянницу, на валяющихся молодых дураков (давно ли сам был таким, готовым за монету в пекло лезть), крикнул и волей своей, руководствуясь милосердием пополам с прижимистостью, вынес вердикт.

Польстившиеся на чужое добро дурни получили, на Денискин взгляд, наказание худшее, чем изначально предлагал дядюшка, – должность постоянных золотарей. Отныне и пока дир Ригет не сменит гнев на милость этой парочке, как отсидят на воде и хлебе три дня, надлежало по маковку погрузиться в ассенизаторские дела и не отсвечивать.

Дед Итнат одобрил экономию человеческих ресурсов. Помилованные горе-грабители, размазывая сопли по мордам, взяхлеб благодарили обоих хозяев – призрачного бывшего (о нем уж все знали и бояться больше, чем боялись при жизни, не стали) и нынешнего – и чуть ли не бегом отправились в сарай-карцер.

– Ну и слухи теперь о нашем подвале пойдут, – восторженно протянул Дениска.

– Отличные слухи, – одобрил сметливый дядюшка и предложил дополнить историю рассказами о том, что чудовище в подвалах – давний страж замковый, и место, где спит он, указал покойный, вернее, беспокойный Итнат. Теперь, когда в замок вернулись законные владельцы, стража разбудили, чтоб владения от всех напастей оборонял.

Призрак, глубоко оскорбленный нападением на внуков и попыткой ограбления, с идеей согласился. Он немедленно взял на себя сообразительности по запугиванию жаждущих халявы глупцов. Если раньше старику претило эдакое низкопробное хулиганство, то теперь он готов был на любые представления, чтобы отвадить грабителей. Заодно и за внуками присмотреть надо было. Итнат твердо решил обождать с переходом за последний порог. И впрямь, куда уходить, коль есть еще дома дела!

Глава 16

Послать легко, а как дойти? И о птичках

На утренний час приключения попаданцев закончились. Их ждали горячий завтрак и гардероб, подобающий происхождению. Вещи Светки и Дэна – успевшая поизноситься одежонка из деревни Забытки и пижамно-ночные комплекты с Земли – никак не соответствовали званию наследников земель Керготов.

Дядя то ли из экономии времени, то ли просто из экономии до приезда в замок никаких вещей племянникам в дороге не покупал. Или просто закрутился да позабыл, огорошенный всеми божественными новостями и иномирными родственниками. Речь ведь шла не об оружии, и не просили ребята у дядюшки ничего, слишком шокированные попаданием, свалившимся на голову нечаянным могуществом и сумасшедшей круговертью событий, закрутившей их в последние дни. Словом, тема не поднималась, пока призрак дедушки Итната, пораженный монструозной футболочкой Дэна и дырой на брюках в интересном месте, не загнал Ригета в угол. Призрак буквально рвал на себе волосы, горестно сетуя на то, что его внуки выглядят как оборванцы. Тогда-то дядюшке и стало, пожалуй, стыдно. Кормил, защищал, помаленьку учил, а про все другое как-то не подумал. Слишком долго сам мужчина довольствовался малым, чтобы озаботиться каким-то там шмотьем. Но дед вмешался вовремя.

Валт съездил в деревню еще разок и доставил семь более-менее владеющих ниткой да иглой особ женского полу: трех смешливых девиц и четырех дебелых баб. Работа закипела.

По поручению дядюшки с попаданцев сняли мерки и взялись перешить часть имеющейся в замке одежды. С подсказки сварливого дедули, которому обтрепанный вид внучков был как еж за пазуху, из кладовых подняли несколько старых сундуков с детскими платьями Лимей и покойного дядюшки. Комплекция ныне здравствующего Денискиной не соответствовала, да и выглядела большая часть бывших шмоток Ригета чуть ли не более обтрепанными, чем походные вещи племяшей.

Светку, конечно, немного уязвило, что матушкины платья ей достались детские, но если ты в прыжке метр с кепкой, а толщиной со швабру, нечего и мечтать об ином. Впрочем, глянув одним глазком на более взрослые платья дыры Кергот, попаданка мгновенно переживать перестала. Столько

оборочек, жестких корсетов и застежек ей в одиночку нипочем было бы не одолеть, не говоря уж о том, чтобы потом вообще в этом ходить.

Попрыгав на примерке в бледно-лимонном платье до середины икры с противно шуршащей юбкой, девушка внесла рациональное предложение: к паре-тройке маминых вещей добавить на перешив более-менее сохранившуюся одежду из сундука дядюшки Ригета. Мальчишечьи его вещи более подходили привыкшей к практично-удобным джинсам Светлане.

Благодаря трудам швей попаданцы после неудобной ночевки в храме и свидания в туманах с Ирнатом явились на семейный завтрак почти при параде. Оба переоделись в чистое, очень качественное (на одежде для детей старый Итнат не экономил) и свежее, пусть не совсем новое. Бельташ, кстати, тоже позвали за стол, не по праву родства, но как единственную, помнившую времена хождения богов по Вархету. Жрец Нерпат в родичах тоже не числился, зато являлся специалистом по Ирнату и другом хозяина замка по совместительству.

Первым делом брат с сестрой в ответ на вопрос Нерпата о плодотворности ночевки (дядя своей осведомленностью с обществом не поделился) продемонстрировали кругляши знаков. На диске кулона к Ойху и Айх присоединилась третья птица – знакомый по фамильному гербу и флагу черный ворон с мечом в когтях. На запястьях, в которые клещом вцеплялся бог, тоже красовалась новая черная метка – птица.

Дэн тут же принялся расспрашивать об имени пернатого. Оказалось, ворона битв, подручного бога Ирната, так же как и других птичек, именуют односложно – Рат. Нерпат благоговейно коснулся кулона, ощупал клеймо на запястье Дэна – хорошо хоть слюнявить и пробовать оттереть не стал – и просиял лицом. Он получил подтверждение истинного чуда – метки и знака бога!

Достойны всяческого уважения вера и служение, только куда как утешительнее и надежнее для жреца знать, что боги ищут путь на Вархет и готовы вернуться к своей пастве. Служить ушедшим, чтить их память и блюсти ритуалы – дело достойное, но Нерпату так хотелось еще до последнего порога хоть одним глазком увидеть крылатого Ирната и склонить пред ним голову.

Денис же, пока его щупали, буравил взглядом столовый нож и мечтал о дарованных клеймом-посвящением талантах. А то все попаданцы как попаданцы, суперпупервоителями и колдунами на раз-два становятся, вон родная сестра людей к топорам и стенам клеить научилась, а он же только и наострился за неделю трупами командовать да царапины лечить. Может,

теперь пришла пора становиться великим воителем? Почему-то сколько Дэн ни пылился на нож, никого внезапного разархивирования информации о способах обращения с колюще-режущими предметами не произошло. Признав тщетность первой попытки, Дэн вооружился ложкой и ринулся в бой с кашей.

– Какой он, дыры? – подрагивающим от волнения голосом принялся расспрашивать жрец, совершенно позабыв про пищу насущную, настолько алкал духовной.

– Страшный, как все они, – отмахнулся столовым прибором Дениска. – И потрясающий дядька. Знаешь, он, кажется, из их когорты самый честный.

– Нет, Зебат не хитрил и не скрывал, если бы мы спросили, ответил бы, – вступилась за повелителя мертвых Светлана. – Только мы не знали, как задать вопросы и нужны ли они, а он не понимал, что нам нужны ответы. Он как-то иначе думает...

– Ладно, я не наезжаю, – сдал назад Дэн.

– Как вы ощущаете его силу в себе после божественного касания? – не унимался Нерпат.

– Кожу сильно жгло, щипало, – припомнила Света всю палитру неприятных физических ощущений и передернула плечами.

Дэн же хихикнул и пояснил сестре:

– Дир Нерпат небось хочет знать, какими мы теперь стали крутыми жрецами после единого касания-посвящения бога. И как вообще ощущается, что мы теперь его жрецы.

– А-а-а, – протянула Светка и, на миг задумавшись, постаралась честно ответить, удивляя старого жреца и себя заодно.

– Там, – Светка коснулась пальцами груди, – где были мерцающий огонек Зебата и зеленые язычки костра Алхой, добавилось серое пламя. Они не смешиваются, костер один, цвета разные. Вроде как тепло от него и в то же время тебе самой не жарко, и можно эту силу наружу потянуть, только не просто так, а для чего-то. Зебатова к мертвым тянется, Алхой – залечить раны и снять боль, а Ирната...

Светка запнулась и выпучила глаза, как соенок, и ойкнула.

– Чего? – не утерпел Дениска. – Ты теперь супермегакоролева воинов, и мне пора прятаться под столом?

– Да ну тебя, балабол, – отмахнулась сестра и постаралась сформулировать: – Я дома много читала, слышала, смотрела по медицине. И теперь все это не как темная кладовка, где только первую полку видно, а как шкаф с картотекой, где стоит о чем-то конкретном подумать, и нужная

подборка разворачивается в памяти.

– То есть воином ты не стала, Ирнат тебе поисковик по медицинской базе данных подогнал, – сделал вывод брат и признал: – Логично! Он ведь тебя лекаркой признал. Потому утреннее срачивание рук, топоров и коридоров прошло по части экстренного хирургического вмешательства и пластических операций. Алхой – власть над плотью, Ирнат – знание о ней, Зебат – сила повеления неживым – в итоге супермега-эффект! Плохо только, что для его проявления тебя сначала следует хорошенько напугать – раз, и поручиться за повторяемость процесса никто не сможет – два.

– Непредсказуемость – это тоже оружие, – серьезно отметила Бельташ.

– Меня, кстати, слабым тактиком Ирнат назвал, – похвастался Дэн всем и Бельташ в особенности. – Только мне никакого обновления системы не подкинули. Может, времени на установку-распаковку больше надо? Или какие-то особые жреческие тренировки? У вас-то записей не сохранилось, дир Нерпат?

– Истинная метка жреца – это чудо, знак посвящения адепта и единения его с богом. Играть такой силой нельзя, Деньес. Я лишь слышал от деда, как учили новых избранных. В разных храмах Восьми это было едино: старший показывал, младший смотрел, потом повторял или воплощал по-своему, как подсказывало благословение бога.

– То есть крутитесь как хотите. Через метки сила идет, а с конкретикой разбираться надо... – подытожил Денис и немного пообижался на вселенскую несправедливость. Вселенная с исправлениями не поспешила, зато живот голодно взрыкнул, намекая на невозможность замены пищи беседами. Потому парень отложил попытки самоанализа и резюмировал:

– Ирнат нам кроме клейма одну идейку подкинул, после завтрака расскажем. Может, и не придется нам по всему Вархету колесить и на каждых древних развалинах ночевать.

– Прости старика, увлекся, – отступился Нерпат, приняв слова Дэна за укор. Мы, дескать, тут ночами не спим, с богами общаемся, а вы с разговорами лезете, за руки хватаете и мешаете донести кусок до рта.

Дядюшка-то специально молчал, чтобы беседой с любимыми племянничками начисто себе аппетит не отбить. Знал, как обычно бывает – слово за слово, и очередная проблема под окнами. Зато призрачный дедушка просто заботился о голодных внуках и следил за ними с таким искренним умилением, что Светке немного неловко стало. А уж когда Ирнат стал под нос сентиментально бормотать: «Уж и не чаял на внуков глянуть, крови родной продолжение», неловко стало даже непробиваемому Дениске. Тот сглотнул и брякнул:

– Дед, ты тоже мировой старикан, молодец, что нас дождался! Хоть познакомились!

– Дождался, – покивал головой худой старик-призрак. – Теперь и на покой можно уйти, спасибо вам, детки...

Призрак начал расплываться по контуру, от него отделялись крошечные звездочки и устремлялись куда-то вверх. Тело старика выцветало.

– Эй, деда, ты куда? Не уходи! Мы ж только-только познакомились! – завопил Дэн, отбросив ложку и ринувшись к месту, где витал призрак.

– Пожил я свое, внуки, пора, – наполнился искренним сожалением слабеющий голос старого деда.

– Почему пора? – возмутилась и Света, позабыв про завтрак. – Мы столько о дедушке с детства мечтали! Получили! И ты теперь не мучаешься, голова не болит, жить можешь, ну и что, что призрак. Какая разница?

– Ты ж сам обещал нас по замку поводить, и грабителей всяких гонять дяде обещал, и вообще мы только во вкус вошли, привыкать к мысли стали, что у нас завелся дед. Кто на нас и дядю Ригета ругаться будет? Кто советы умные давать станет? Кто нашим воспитанием, наконец, займется? Мы без тебя как есть пропадем! – принялся тархтеть Дениска.

– Неужто нужен я вам? – искренне удивился Итнат, обводя взглядом всех, собравшихся за столом. Голос призрака стал чуть громче.

Светка и Денис энергично закивали, наперебой убеждая дедулю в его крайней полезности, а Ригет склонил голову, признавая практическую пользу вредного старикана. В хозяйственных книгах, к примеру, Итнат разбирался, как никто другой.

– Ну что ж, коли так... До третьего внука задержусь, уж больно маленького увидеть хочется, – растроганно принял решение старец, снова уплотняя прозрачное тело и одаряя Ригета многозначительным взглядом.

Дядюшка тоскливо икнул. Кажется, он никаких планов на скорую женитьбу не строил. Он их вообще не строил, так что у дедушки были все основания задержаться на Вархете о-очень надолго. Или же у призрачного старикана были все шансы так до печенок достать сынка, чтобы он женился на первой же годной особе ради скорейшего воспроизводства.

Решив вопрос с дедушкой, Светка и Дениска продемонстрировали такой здоровый аппетит, нагулянный вечерней голодовкой и ночевкой в холодном храме, что невольно заразили энтузиазмом всех присутствующих. Не ел только призрак в силу невозможности принимать физическую пищу. Когда от завтрака остались только тарелки, все перешли в каминную

комнату. Последней больше подошло бы название диванной, ибо там имелись только один камин, одно кресло рядом и целых три разнокалиберных дивана. На них все и расселись, только дедушка привычно опустился в кресло, предварительно попросив развернуть его от камина лицом к остальным.

– Итак, что сказал Ирнат? – начал разговор дядя, мужественно готовясь принять очередной удар судьбы от авантюристов-племянников и богов.

– Что бы он ни хотел сказать, не успел, Светка его раньше спросила, – заулыбался Дэн. – Короче, дядя, по всему Вархету нам теперь можно не бродить! Договорились на одну экскурсионную поездку. Ирнат рассказал о храме Восьми под хребтом Раздела в горах Ликладика. Если он уцелел, разом решится вопрос: сможем ли мы вашей Восьмерке фонариком дорогу подсветить и компасом поработать или нет. Потому вы нам с сеструхой скажите, как туда добираться, сколько времени на дорогу уйдет и есть ли какие сведения о том, где точно под хребтом храм Восьми искать, или на ощупь действовать придется. Да, и еще насчет подношений надо помозговать. Как нам все условия, о которых Бельташ вспоминала, соблюсти. У меня пока только одна идея появилась: если дары для подношения будут делать родственники, можно ли обойти запрет на «кто делал – тот и просит»?

Дениска четко раскладывал по полочкам все вопросы и соображения, Светка едва рот не раскрыла от удивления: уж больно ловко у брата получилось все в одну, нет, не кучу, в одну низку собрать. Никогда толком планировать не умел! Неужто брата так благословение Ирната приложило?

– Общая просьба может быть, если просят не чужие люди, а родичи, – припомнила правила Бельташ.

– Вообще здорово! Надеюсь, дядь, ты умеешь амулеты клепать? – оживился Денис.

– Умею, – коротко подтвердил Ригет, буквально слыша, с каким грохотом рушатся его планы на тихую и спокойную жизнь в родовых владениях. По воле ли отсутствующих богов, по прихоти ли племянников, а только снова ждет его дорога. Отправлять двух жрецов-недоучек одних он не станет. – Где хребет Раздела находится, мне известно. Правда, сам я в Ликладике не бывал и про храм в тех краях ничего не ведаю. О горах тамошних поболтать мало желающих находится, еще меньше путешественников, побывавших там.

– Что так? Чудовища бродят? – едва не подлетал над стулом парень.

– Холодно, – опустил племянничка с небес на землю Ригет. – Чем

выше, тем холоднее.

– Что, как на Эвересте? Пятнадцать минут без экипировки – сосулька, обморожение и пальцы черные ампутируют? – выпалил Дениска, очень внимательно когда-то почитавший маленькую глянцевою книжку для подростков об опасностях горных вершин.

Дядюшка отроду особой чуткостью и впечатлительностью не отличался, наемничья доля быстро шкуру грубеть заставляет. Но до молодежи Земли, привычной к красочным ужастикам, Ригету оказалось далеко, а может, он лучше вчерашних детей представлял себе превращение живого человека в лед и отрубание конечностей? Дир содрогнулся всем телом, сглотнул и, отодвинув тарелку с мясом, осторожно ответил:

– Не настолько. На Вархете везде довольно ровный теплый климат, но на хребте Раздела, особенно близ вершин, холодно. Без теплой одежды и припасов не выжить. Там две трети года лежит снег.

– У-у-у, просто зима, – разочаровался Дениска, как всякий житель средней полосы России привычный к зимним морозам. – Понятно, оденемся, значит. Вон из тех же шкур, на которых мы ночевали, классные шубы выйдут, штаны, варежки, сапоги обшить можно. Или где готовую одежду купим.

– Прав внучок-то, – скрипуче поддержал инициативу призрак. – Слышал я как будто, что именно из шкур харгов куртки шили, да только шкурам особая выделка нужна, эти-то для другого покупались.

– С одеждой решим, – хмуро согласился Ригет. – Главное – хотя бы приблизительно знать, где искать подгорный храм. В каких летописях мог сохраниться след легенды?

Дядюшка замолчал, осененный какой-то мыслью, потом продолжил:

– Я попробую написать дире Иргай. Лучшего знатока истории Вархета не найти. Ее лекции в академии собирали весь поток, тогда как семинары и экзамены в ужас вгоняли.

– Правда твоя, Ригет, кому как не ей быть сведущей в летописях, – оживился Нерпат, подергивая короткую бородавку. – Помню, она в наши края приезжала, к старому храму пройти хотела, а не вышло из-за обвала. Она и к диру Итнату ходила, да ни с чем отбыла сердитая-я...

– Так, может, заманим ее сюда приглашением на экскурсию в откопанный храм? – моментально ввинтился в беседу Дениска, внося радостное предложение.

Ригет задумчиво хмыкнул, прикидывая степень увлеченности диры Иргай, ее почтенный возраст, скорость доставки корреспонденции от замка Кергот до академии самым усердным гонцом и прочее и прочее.

Видя озадаченность дядюшки, Дэн продолжил расспросы:

– Все сложно? Понятно дело, мыла у вашей исторички нет, но неужели никакого магического телефона или скоростной доставки до сих пор не придумали?

– Дира Иргай весьма чисто плотная особа, несмотря на почтенный возраст, и мылом пользуется регулярно, – вступился за бывшую преподавательницу дядюшка. – Но способ связаться с ней быстро у меня отсутствует.

– Парных медальонов слова в сокровищнице Керготов нет уже лет триста, – со вздохом сожаления о незначительных предках, продавших реликвию, присовокупил дедушка-призрак.

– Стоит попробовать вызвать ворона Рата, – скромно вставила предложение Бельташ.

– Конечно! Наши юные друзья теперь посвященные жрецы Ирната! – воскликнул Нерпат, аж раскрасневшись от досады. Ему, а не служительнице другого бога следовало бы вспомнить о чернокрылом посланнике! Призрачный ворон в прежние времена быстро разносил вести не только между храмами Ирната, а и по всему Вархету. Каждый не пожалевший серебра мог отправить послание любому человеку, достаточно было лишь четко назвать его имя. Во всяком случае, так говорили легенды.

– То есть Ирнатова птичка – самый оперативный почтальон, – подвел итог рассказу Дэн.

– Как ее вызвать? – уточнила Света, пока братец не принялся экспериментировать и не поднял заодно с призывом ворона все окрестные кладбища.

Нерпат стыдливо промолчал. Как он мог дать инструкции, если слышал о птице лишь легенды? Несколько столетий не свистят крыла посланников Ирната. Увы, ушедшие за последний порог истинные жрецы воина не оставили и короткой записки о практической стороне пользования призрачным вороном. Все больше в их записях было горьких сожалений об ушедшем на битву боге, молитв и мечтаний о его триумфальном возвращении.

Все взгляды устремились к единственному источнику точных знаний о прошлом, его живой свидетельнице – рыцарю Бельташ. Та спокойно призналась:

– Я не знаю. Лишь видела, как жрецы Ирната простирали правую руку и звали: «Рат!»

– Бельташ, ты – клад! Я тебя снова и вообще всегда люблю! Так надо? – Балбес Дениска тут же, не вставая со стула, вытянул правую руку с

ладонью, сжатой в кулак, и заорал так, что зазвенели стекла, имя птицы бога войны:

– Р-р-а-а-а-т!

По залу пронесся темный вихрь, и над предплечьем парня материализовался черный ворон. Тяжело шлепнувшись на руку молодого жреца, птичка рефлекторно вжала когти в плоть. Дэн завопил от боли и затряс рукой с калечащей ношей. Птица хрипло каркнула нечто насмешливое и, расправив крылья, взмыла вверх, растаяв туманной дымкой. В доказательство присутствия почтальона у Дэна на предплечье остался ошметок располосованного рукава и несколько кровавых порезов от острых когтей.

Подскочившая к брату Светка тут же принялась его лечить, изо всех сил мысленно призывая силу Алхой и желая Дэну здоровья; какой метод действует эффективнее, девушка не знала, потому старательно использовала оба варианта, с облегчением следя за действенностью жреческого умения. Оно работало получше перекиси водорода и земных заживляющих гелей.

Пока попаданцы «развлекались», Бельташ задумчиво добавила:

– Теперь понятно, почему жрецы вызывали Рата в плотной кожаной краге до плеча.

– Спасибо за своевременное предупреждение, – иронично выдохнул Дениска и заулыбался облегченно, когда под пальцами сестры стали затягиваться порезы. Рубашку, конечно, все равно придется выбросить. Но если выбирать между одеждой и собственным телом, парень однозначно голосовал за тело. Рубаху можно и новую купить или в замковых сундуках отыскать, запасной же руки туда точно никто положить не удосужился.

– Значит, ворона ты призвать можешь, – довольно установил Ригет, ничуть не встревоженный кровопролитным экспериментом. В пору юности дядюшка и не так калечился, а уж постранствовав с наемничьим отрядом по Вархету, вида крови из пары царапин не чурался. – В таком случае после завтрака я напишу письмо почтенной дире Иргай с приглашением осмотреть старинный храм в подземелье. Надеюсь, дира не изменила своей тяге к познанию, и через пару дней мы сможем приветствовать ее в стенах замка, чтобы расспросить про храм Восьми. Признаться честно, если она не поможет, я не знаю, к кому еще обращаться с вопросом.

– Понял, дядь, – кивнул Дениска, возвращаясь к завтраку. – Ты пиши, а я еще потренируюсь эту живую эсэмэску вызывать. Только надо какую-нибудь защиту разыскать. Может, сразу доспех примерить? Когти у птицы – чистый резак по металлу. Удивляюсь, как она мне руку до кости не

пропахала.

– Считай это ритуалом кровной привязки, – посоветовала Бельташ с легкой улыбкой на устах. – Я когда-то слыхала, что призрачного ворона, отведавшего его крови, хозяин мог призывать как помощника в битве.

Светка искоса глянула на рыцаршу. Вроде простая и почти наивная по первому впечатлению, она вовсе не являлась такой. И приступы склероза, из-за которых Бельташ не сообщала своевременно нужные сведения, настигали ее с какой-то подозрительной регулярностью. Или вовсе не было никакого склероза, а были лишь голый, как кость скелета, каковым Бельташ и являлась, расчет и высшая целесообразность? Если так, то Светлане оставалось только посочувствовать брату. Она видела, с какой симпатией поглядывает на рыцаршу Дэн, да и сама почти привязалась к Бельташ, начала считать ее если не подругой, то старшей приятельницей, чье мнение и совет всегда уместны. Выходит, Бельташ поступала с ними, как Алхой? Не говорила всего ради того, чтобы получить больше, пусть и рисковала при этом жизнями или здоровьем попаданцев. Или она, в отличие от богини жизни, заранее взвешивает риски и считает их минимальными, не несущими угрозы?

Приставать к Бельташ с вопросами прямо сейчас Света не стала, для начала собравшись переговорить тет-а-тет, когда выпадет подходящий момент.

Зато после завтрака, совмещенного с планированием, познавательной беседой и травмоопасным экспериментом, Дениска собирался переодеться и отправиться на поиски краги вместе с дедушкой. До прибытия управляющего с когортой присматривавших за замком слуг призрак Итнат был единственным, способным подсказать место хранения реквизита для охоты. Именно среди этих принадлежностей дух предложил поискать крепкую длинную перчатку. Если уж они для охоты с хищными птицами годились еще с четверть века назад, а потом были смазаны маслом и упакованы, то хоть один вызов призрачного ворона Рата должны пережить! Упаковывать внука в цельные доспехи былых времен дедуля отказался наотрез. Просто не сказал, где оружейная. А ведь Денис так рассчитывал порыться в древних железах!

Парень с обидой высказался насчет обещания Ирната о дарованном таланте, но сестра и жрец, про дядюшку вообще разговора нет, не прониклись срочной надобностью вручить чудо-попаданцу древние доспехи и большой раритетный меч, если уж столовый ножик никакой распаковки файлов об искусстве обращения не вызвал.

Вредная Светка еще и процитировала сакраментальную фразу Марка

Твена, получившую новую жизнь после гоблинской озвучки фэнтези-бестселлера:

– Еще тебе нужен барабан, красный галстук и щенок бульдога!

– Не надо, – буркнул Дениска и, гордо вскинув голову, встал ободранный и никем не оцененный по достоинству:

– Пошли, деда, перчатку искать! Нас тут не понимают!

– Отправишь письмо, и я готов проверить, не появился ли у тебя талант к обращению с оружием. Придешь на площадку за конюшнями, – нагнал племянника снисходительный ответ дядюшки.

– А мечи? – снова приободрился Дэн.

– Выломаем пару палок, тебе хватит, – снова опустил с небес на землю попаданца черствый родственник под настоящий, пусть очень тихий, смешок Бельташ.

Глава 17

Гости, хлопоты, уроки

Да что дядюшка, призрачный дед, на которого Дениска продолжал рассчитывать, подложил свинью. Итнат припомнил и порадовал внука сообщением о наличии где-то в хранилище охотничьего инвентаря сундука со старыми деревянными и тупыми мечами сыновей. С таких болванок подростки начинали обучение оружному бою.

В настроении «никто меня, такого хорошего, не любит, ну и пусть вам будет хуже» Дениска заменил рубашку на целую и вприпрыжку ринулся на штурм старого хранилища. Долго предаваться унынию айтишник не любил и не умел. Вообще-то, положив руку на сердце, ему очень хотелось покопаться во всяких штуkenциях, предназначенных для охоты и, ай, ладно, даже в старых тупых железках-деревяшках дядюшек. Он ведь никогда не трогал на Земле ничего, кроме сувенирной сабли и тупой алюминиевой болванки приятеля-ролевика, изображавшей меч светлого рыцаря.

Пока Дэн перетряхивал старые запасы, дядюшка занялся эпистолярным жанром, Нерпат отправился в свой домик у храма Ирната, а Светка улучила подходящий момент для беседы с рыцаршей смерти. Бельташ вышла во двор, повидать собачек.

Гончие смерти, здоровенные псы, способные вмиг обращаться в страховидные чудища, казались Светке вполне дружелюбными. Всегда норовили лизнуть в щеку или ладонь при встрече, ластились, подставляя шею, и до одурения махали хвостами. Дэн, зараза, правда, разок пошутил, что это песики лизутся не от большой любви, а пробуют на вкус потенциальный харч. Но получив очередной подзатыльник от сестры и вполне понимающее неодобрительное ворчание от самих объектов шутки, заткнулся и на невинных собачек больше не наезжал.

Потрепав дружелюбных (к своим) зверей по холкам, девушка обратилась к Бельташ:

– Объясни, если можешь. Я не понимаю. Когда мы что-то спрашиваем, ты не сразу отвечаешь или даешь лишь часть ответа. Ты это нарочно делаешь? Сегодня Дениске руку птица расцарапала.

– Сложно объяснить, – ответила Бельташ, помолчав чуть смущенно, уставившись на свои сапоги. – Я проснулась для того, чтобы служить своему богу и вам, его жрецам. Это смысл и цель моего бытия. Все, что

вижу и помню, подобно зыбкому отражению в мутной воде. Часть видится четче, другая расплывается, что-то не видно вовсе. Думаю, все происходит потому, что Восемь нынче слишком далеко от Вархета. Я видела, как тебе было плохо вчера, но о молитве Алхой вспомнила не сразу. Живой я была очень давно, даже миссию рыцаря Зебата помню, как череду призрачных видений. Но калечить твоего брата я не хотела. Он забавный и милый...

Бельташ виновато и совершенно по-женски вздохнула. Светке на миг симпатичная красавица предстала в образе маленькой, хрипящей в поиске нужной частоты сигнала рации с проблемами приема из-за расстояния. Этими игрушками одно время увлекался папка. Раздраженное недоверие ушло. Если уж не верить тем, кто рядом, то как вообще жить и кому верить? Потом за свою же ассоциацию девушке стало стыдно. Бывало, и сама утром путаешься не то что в днях недели – временах года, и это после одной ночи, а сколько таких ночей минуло у Бельташ, пока она, погруженная в небытие, снова не восстала из земли Вархета? Мысль о том, что рыцарша когда-то, пусть очень давно, была живой девушкой, вызвала прилив симпатии. Почему-то раньше Светка полагала ее чем-то вроде костяного киборга-терминатора, сотворенного богом, теперь немного перепрограммированного Алхой на получение животной пищи.

– Я поняла, спасибо за объяснения и за помощь, – энергично закивала Светлана, выслушав ответ, и эдак невзначай собралась спросить, были ли когда-то живыми и три собаки-монстряки, да рыцарь смерти переключилась на другую тему. Она напряглась, впившись взглядом в простор за распахнутыми воротами замка.

– Кто-то едет, – прокомментировала Бельташ свою настороженность и кивнула в сторону наострившихся собачек.

– Не слышу, – честно ответила попаданка, тоже приглядываясь к дороге, выходящей к замку. На ней никого не было, а снаружи не раздавалось никаких звуков, кроме ворчания пары мастеровых, смазывающих петли малой калитки, стрекотания неугомонных кузнечиков да пронзительных трелей местной разновидности стрижей, наворачивающих круги в небе.

– Я тоже, – согласилась Бельташ. – У собак нюх и слух лучше моего. Не рычат, запах им не знаком, но врага не чуют.

Через полчаса, которые Светка провела, возясь с гончими смерти, как с обычными веселыми псами, стала видна повозка, в которой сидело несколько человек. Вышедший на поиски Дэна дядюшка опознал в подъезжающих управляющего, которому вчера отправил с деревенским парнем записку, и нескольких домашних слуг, в том числе повара.

Выбежавший к дяде Дениска, вооруженный чем-то вроде большой кожаной трубы и изрядной деревянной оглобли в форме меча, тут же принялся играть в угадайку:

– Эй, дядя, тот толстый точно повар, правда? А здоровенный и худой как щепка – управляющий? И...

– Полный мужчина и есть управляющий, дир Олсоп, а самый худой и высокий – замковый плотник Гарап, дир Валеп – единственный лысый в повозке, – усмехнулся дядюшка, вручая племянничку письмо для диры Иргай – сложенный вчетверо и скрепленный печатью с вороном и яблоком лист.

Пришлось Дениске отложить меч ради орала и взяться за напяливание кожуха на руку. Попутно он разглядывал приближающуюся повозку и людей в ней. Светка взялась помогать брату. От кожаной трубы знакомо пахло обувным кремом, скользкой на ощупь она не была. Не то, наверное, с божественно-соскользнувшей птички случилось бы взлететь и долбануть жреца клювом по темечку в качестве благородности за подставу с подставкой.

– Лысый повар – это хорошо, волосы и перхоть в еду падать не будут, – утешил сам себя попаданец, позорно промахнувшийся с идентификацией.

Дядюшка усмехнулся краем рта, приснула Бельташ, дед-призрак и тот закудаhtал от смеха, а Света испортила всем настроение и аппетит живым глубокомысленным замечанием:

– Главное, чтобы дир Валеп носил такую прическу по собственной прихоти, а не из-за вшей.

– Кхм, – поперхнулся Ригет и поспешил снять с кухонного труженика зловещие подозрения:

– Дир Валеп лыс давно. От природы. У них в роду все мужчины рано лысеют.

– Какая полезная мутация, – отметил Дениска и попрыгал для надежности, проверяя, насколько плотно сидит кожух на руке. Для проверки махнул им в воздухе раз, другой, третий. И домахался.

На третий раз на предплечье парня тяжело шлепнулся призрачный ворон, чей вес никак не соответствовал призрачности. Дэн чуть пошатнулся, пытаясь устоять на ногах. Посланник Ирната насмешливо скосил круглый черный глаз на жреца, плотно сомкнул когти на кожухе и распахнул клюв в хриплом вопле: «Рр-а-а-т!»

Дядюшка сноровисто сунул в свободную руку Дениски конверт. Поднеся письмо к ворону, парень немного растерялся, соображая, куда его совать и как. Немалая тушка посланника была не только полупрозрачной,

но еще и полуматериальной. Вес есть, когти хватают и режут, а плотности нет. Что-то привязать на шею или к лапе ни на первый, ни на второй взгляд не представлялось возможным. Идеи о засовывании депеши в клюв или противоположное отверстие Дэн озвучивать поостерегся во избежание очередной производственной травмы, нанесенной слишком умной птичкой.

Креативности мышления не хватило. Сдавшись, Дэн повернулся к Бельташ и спросил у единственного создания, способного дать техническую справку:

– Как дальше-то?

В это время почти проигнорированный ворон потерял терпение и решил действовать. Он резко дернул головой и, выхватив письмо из пальцев жреца-недоучки, махом его заглотнул.

– Так, – пожала плечами Бельташ, понимая, что прочие объяснения излишни.

– Да? Это типа почтовый ящик и авиапочта о двух крылах в один клюв? – растерянно констатировал Денис, ничуть не порадовавшись успешности собственной догадки, и попросил птичку: – Отнеси и отрыгни, пожалуйста, письмо дире Иргай. Нам ее совет поскорей нужен. Ирнат карты для путешествия к храму Восьми выдать не смог. Или ты сам нас туда проводить сможешь?

Черно-призрачный ворон мерзко каркнул с совершенно очевидной интонацией отрицания «хрен вам!» и взмыл в воздух. Исчез он прямо над головой Дениса. Хорошо хоть напоследок не испражнился. После себя дивная птица оставила глубокие царапины на крепком кожухе, без труда выдерживавшем в прежние времена остроту соколиных когтей. Но для божественных птичек амуниция точно не предназначалась. Посиди Рат на руке еще минуту-другую, и снова добрался бы до живой плоти. Дэн уважительно цокнул языком, разглядывая царапины.

– Что ты хотел от птицы Ирната? – иронично бросил дядюшка.

– М-да, не колибри и не канарейка, – вынужденно признал Денис под гордый, будто выкормил птичку своей печенкой, смешок вернувшегося в замок Нерпата.

Пока Дэн занимался отправкой срочной корреспонденции и оценкой урона аэродрому, нанесенному почтальоном, повозка с людьми въехала во двор. Колобок выкатился из повозки первым и, радостно лучась, ринулся к дядюшке Ригету. Глазки-то живчика так и бегали вокруг, осматривая, оценивая, сравнивая. Может, он заодно и смету ущерба, нанесенного замку периодом бесхозности, составлял. Не ради собственной поживы, а лишь за дело радея.

Улыбка управляющего несколько поблекла, когда рядом с живым владельцем замка дир Олсоп заметил бледную тень его отца.

– Восемь с тобой, дир Олсоп, – первым приветствовал побледневшего живчика дядюшка. – Дир Итнат внял нашим просьбам и решил немного задержаться на пути к последнему порогу, чтобы помочь мне и внукам, моим племянникам, освоиться в замке.

Рука дядюшки поочередно указала на Свету и Дениску.

– Восемь с вами, дыры! Радость-то какая, род снова возрождается! – осторожно умилился толстяк, не слишком успокоенный причинами задержки дира Итната среди живых. Нет ничего хуже для добросовестного работника, чем пытаться услужить двум господам одновременно. Такое лишь в комедиях ловко получается, а в жизни все одно по макушке получает слуга, и от обоих разом.

Старик заметил нервность Олсопа и хрипло, точно брал пример с Рата, каркнул:

– На меня не смотри, дир Олсоп, прими благодарность за службу верную, но отныне твой хозяин Ригет.

– Благодарю, дир. – Кажется, теперь управляющий расчувствовался по-настоящему.

Светка невольно задалась вопросом, благодарил ли бедолагу дедушка хоть раз при жизни. По всему выходило, что нет.

Черствый же Дениска моментально переключился на другое:

– Эй, деда, а как тебя похоронили, если замок запертым-заклятым стоял? Или сначала закопали, а потом быстро-быстро за ворота убежали?

– Праха моего в семейном склепе под замком Кергот ты не сыщешь, внук, – патетично провозгласил ничуть не обиженный призрак. (Кажется, каким-то неведомым образом шебутной Дениска ухитрился выбиться у старика в любимчики.) – Заклятие-ключ на плоть завязано. Когда понял я, что час последний близок, всем велел из замка удалиться. И уход мой печатью и замком на владениях стал, всю силу свою на то обратил, потому от брэнного тела ничего не осталось.

– То есть ты все в энергию перевел, – уважительно поцокал языком Денис. – Молоток, дед! Жаль, что я в магии бесталанен, а то бы в ученики к тебе просился до тех пор, пока ты меня или бы не прибил, или бы учить не начал!

Старик довольно закудаhtал, управляющий же счел возможным осведомиться у дядюшки:

– Дира Лимей следом прибудет?

– У мамы сейчас другие планы, – вместо дядьки вновь влез в беседу

Дэн. – Муж, маленький ребенок, виноградники. Только мы со Светкой приехали. Дядюшка нас по-вашему Деньесом и Свельтой зовет.

Проквакав еще что-то цветисто-вежливое, Олсоп уточнил у дира Ригета распоряжения и, сочтя ритуал приветствия исполненным, ринулся к повозке. А там уж принялся энергично посылать: лысого на кухню, длинного за инструментом, чтобы проверил все в замке. Словом, дир Олсоп катался по замку столь привычно, будто и не уезжал из него после смерти владельца.

– Прикольный мужик, – оценил представление Дениска. – Но лысый повар – круче! Если б он еще как Ван Дамм драться умел. Эй, дядя, повар, случайно, не дерется?

– Если только ложкой по лбу тому, кто лезет в кастрюлю пробовать неготовое блюдо, дать может, – чуть поморщившись от детских воспоминаний, ответил дядюшка, подобрал болванку меча и скомандовал:

– Пошли, Деньес, проверим твои слова о дарованном Ирнатом таланте.

– Ага! – мгновенно загорелся новой идеей айтишник и горел ею ближайшие полчаса. Потом количество синяков, набитых черствым дядюшкой, и отбитых пальцев стало значительно больше юношеского энтузиазма. Горячая жажда немедленной демонстрации суперуберпуперспособностей сменилась унынием. Опустив в очередной раз отбитую палку, которой ему едва не отсушили руку, Дэн признал очевидное:

– Дядь, Ирнат меня развел, как младенца?

Ригет недоуменно вскинул брови.

– Ну, прикольнолся, шутканул, обманул... – принялся подбирать синонимы перевода неудачник.

– Вряд ли, – качнул головой дядюшка, уяснив смысл вопроса. – Боги никогда не бросают пустых обещаний. Ирнат не может вложить в тебя готовый дар, не превратив в свою марионетку. Он даровал тебе возможность к обучению, а уж как ты ею воспользуешься и воспользуешься ли – решать тебе самому, Деньес. Я вижу, ты стал быстрее, и не каждый новобранец может освоить показанный прием после семи повторений.

– Ага, чтоб по пальцам не били, и не такое освоишь, – уныло вздохнул Дениска, смиряясь с обломом: все и сразу не получить. – Ладно, как заниматься будем, дядюшка?

– Никак. Я буду занят делами замка и подготовкой похода к храму Восьми, а ты проси дира Валта погонять тебя. Его труды я оплачу.

– Может, Бельташ попросить? – заикнулся Денис.

– Не то что ты – ни я, ни Валт ей не ровня. Рыцарь смерти – легендарное творение, живое воплощение Смерти. Ее создавали для смертного боя, а не для натаскивания сопляков, неспособных удержать меч дольше пары минут. Дело не в отсутствии терпения дыры, – уважительно качнул головой Ригет. – Ее сила в том, чтобы бить без раздумий и насмерть.

– То есть вздумай Бельташ меня потренировать, может случайно снести голову и деревянной болванкой, а на место приставить не сумеет. Потому Валт будет бить меня за твои деньги, – перевел парень, – пусть ты и обещал ему для начала только кормежку.

Дядюшка с глумливой ухмылкой подтвердил. Дениска демонстративно вздохнул, прислонил болванку меча к стенке сарая и отправился на поиски – сначала отлучившейся куда-то сестры, чтоб синяки подлечила, а потом уж и бывшего наемника, чтобы передать ему дядюшкино поручение.

Валт принял новую миссию и возможность заработать всерьез. Для Дэна настали черные дни. Синяки, ушибы, вероятно, треснувшие ребра – как следствие занятий появлялись с завидной регулярностью. Череду травм брата стала для Светки хорошей практикой в исцелении силой жрицы Алхой. У самого «ушибленного» сконцентрироваться на врачевании после тренировок не всегда получалось. Они слились у попаданца в череду почти кошмаров. Усердный наемник измывался над жертвой до такой степени, что меч из рук молодого жреца выпадал не от удара, а от усталости. Причем после этого болванку надлежало поднять и тренироваться еще до тех пор, пока рядом с болванкой не рухнешь сам. Совсем не злой для наемника, бугай оказался слишком добросовестным учителем, чтобы жалеть великовозрастного ученика. Валт не раз сетовал, что поздно парень за ум взялся. Толкового бойца из него сложновато сделать будет, но можно. Дэн уж и сам был не рад затее, но держался на упрямстве и оброненной невзначай фразе наемника насчет того, что он в лепешку расшибется, а все же постарается сделать так, чтобы парень за себя и сестру постоять смог. Именно мысль о Светке, терпеливо врачующей его синяки, оказалась решающей каплей, не позволившей бросить все и сдаться. Ну и, может, одобрителный кивок Бельташ, оценившей упрямство парня.

Минуло почти трое суток, день перевалил за вторую половину, что для вымотанного тренировками с Валтом попаданца означало еще несколько часов мучительного обучения, когда учитель придержал меч.

– Чего? – тяжело дыша, спросил Дэн, утирая рукавом пот со лба.

– Едет кто-то на лошади. Один, – кивнул в створку распахнутой

калитки мужик. – Не наш. За шляпой лица не видно, но кобыла точно не наша. У нас рыжух нет. Парень, что ль, молодой или... Нет, не может... Или? Тьфу, старуха?!!

– Да врешь, чтоб старуха, да так скакала? – выпалил Дениска и прикусил язык, потому как яркий луч солнца все-таки ухитрился заглянуть под поля шляпы.

На лошади действительно скакала бабка. Не тощая, жилистая, загорелая, с крючковатым носом и пронзительными зелеными глазами, сохранившими юношеский блеск и остроту.

Добравшись до калитки, старуха пронзительно свистнула, вызывая конюха, сбросила ему на руки повод лошади, лихо спрыгнула из седла и ринулась к Валту с Дэном.

Вместо «Восемь с вами» и других традиционных приветствий бабулька, которую и язык-то не поворачивался именовать старухой, хриплым басом потребовала ответа:

– Где Ригет? Он действительно откопал старый храм Ирната, коль смог призвать посланца Рата?

– Восемь с вами, уважаемая дира, дядюшка в замке со счетами разбирается. А ворон в самом деле вам письмо принес? Как он его отдавал, если при нас проглотил? – зачарованный крутой бабкой, отозвался Денис, пока Валт просто силился открыть заклинивший рот, а собачки Бельташ благодушно помахивали хвостами, разглядывая визитершу не то с гастрономическим интересом, не то с искренней симпатией. Против кулинарной версии говорила худоба бабульки. Хотя что, если собачкам приелась свежати́на и захотелось вяленого мяса на ребрышках?

– Птица Рат явилась, сбросила письмо из когтей и исчезла прежде, чем я смогла всесторонне изучить ее, – сварливо посетовала энергичная старуха и снова надела на парня: – Где храм? Ригет нашел старый храм?

– Вы ведь дира Иргай? – проверил версию Дэн и, дождавшись нетерпеливого кивка, ответил: – Храм в подвале. Вас прямо сейчас проводить или с дядей Ригетом сначала поздороваетесь?

Старая дама недолго мучилась сомнениями. Решительно тряхнув головой, она велела:

– Веди, мальчик, а ты, – сухонький палец ткнул в Валта, а в руки ему была всунута широкополая шляпа, – присмотри, чтоб мою сумку и прочие вещи, как повозка прибудет, в подходящую комнату определили. Апартаменты мне без надобности, но камин, старые кости погреть, и кровать с грелкой будут нелишними. Ригету доложишь, что я приехала, пусть тоже в храм спускается.

– Хорошо, дира, – вежливо поклонился бугай, заранее проинформированный о некой эксцентричной ученой, старой знакомой Ригета, чьего визита с нетерпением ожидали в замке.

– Факелы нужны? – насела на парня Иргай.

– Нет, в коридоре дядюшка светящиеся шарики оставил, а в храме светло, там жрец Нерпат в чашках пламя зажег.

– Ритуальные огни Ирната, – сварливо поправила старушка.

– Не знаю, я вашего религиоведения не изучал, выглядят как чаши, значит, чаши, – беспечно ляпнул Дениска.

– Неведение не повод для гордости, – наставительно заворчала бабушка.

– Ничего, если Ирнат обидится, я при следующей встрече у него прощения попрошу, – отмахнулся Дэн, ловко прыгая по ступенькам вниз. Тут парень обернулся, увидел сестру во дворе и завопил: – О, Свет, прикинь, дира Иргай приехала и сразу в храм хочет. Вот веду! С нами пойдешь?

– Там холодно, – передернула плечами девушка, с изумлением разглядывая худенькую старушку. Если призрак деда напомнил Дэну зрителя волшебной школы Хогвартс, то дира Иргай точно походила на реальную бабульку-анатомичку, верховодившую кафедрой биологии в институте, где довелось учиться девушке. Даже глухой басовито-хриплый голос, сорванный лекциями, да так и не восстановленный, попадал в образ. Именно заслышав его, Светка и поспешила навстречу. Сходство, не считая отсутствия круглых очков и неизменного бордового костюма, в котором бегала (ходить она просто не умела) преподавательница, оказалось феноменальным.

– Стоп. – Бабулька резко затормозила, завершив анализ выданной, вернее, вываленной на нее Дэном информации. – Ты, юноша, утверждаешь, что имел возможность общаться с Ирнатом-воином, одним из Восьмерых, ушедших к рубежам миров?

– Скорее это он нас «общал», хм, и едва не до смерти, – проворчал парень и в доказательство ткнул недоверчиво прищурившейся старушке запястье с татуировкой. Добивать зрелищем кулона с тремя птичками пока погодил.

– Ворон Рат, знак посвящения, надо же, не татуировка краской из сока черинивы, – мгновенно узнала символ эрудированная дира, оценила божественное качество метки и сделала многообещающий вывод: – Очевидно, в своем послании Ригет о слишком многом умолчал. После осмотра храма побеседуем!

Глава 18

О божественных статуях и секретах

– Дира Иргай!

Голос спешащего навстречу гостю дядюшки был странен. В нем искренняя радость от встречи мешалась с некоторой если не робостью, то опаской и обреченностью. Кажется, если вызванная для консультации энергичная дама и пользовалась у дяди любовью, то эта любовь была особого, крайне специфического рода. С другой стороны, Света вспомнила анатомичку Наталью Николаевну, лекции которой с открытым ртом слушал весь поток, и неоднократные пересдачи зачетов в институте ей же. Да, наверное, она бы так же встречала преподавательницу. Увы, носитель энциклопедических знаний по своему профилю не обязан быть обаятельным симпатичным душкой и, как правило, никогда им не является. От этой дыры хотя бы пахло нормально, а не сбивающим с ног лавандовым ароматом, как от провалявшейся десяток лет в шкафу старой маминой юбки, устоявшей перед молю, но навеки приобретшей ни с чем не сравнимый убийственный аромат.

– Ригет, – с благожелательной энергичностью, смешанной в равных пропорциях с нетерпением, кивнула бывшему ученику дира. Следом она не попросила, потребовала: – Рассказывай!

– А как же храм в подземелье? – подкинул коварный вопрос Дэн.

– Пусть ведет и рассказывает, – внесла уточнения в инструкцию старушка и, еще разок нетерпеливо отмахнувшись от предложенного отдыха и перекуса, рванула вслед за проводниками в подземелье.

Хоть бабушка и не прыгала по камням молодой козочкой, но от компании отставать не думала, словно обладала магическим аналогом батареек «Энерджайзер» с полным зарядом. Светка с Денисом лишь завистливо переглянулись: им бы такую энергию и не в таком возрасте, а прямо сейчас!

До подземного храма четверка шагала под сухой дядюшкин пересказ злключений-посвящений племянников-попаданцев. Ригет заранее обговорил с Дэном и Светой необходимость посвящения дыры Иргай во все подробности, касающиеся «божественного квеста». Лишь обладая всей полнотой информации, весьма своенравная пожилая дира могла захотеть помочь. Если для Дэна главной целью жизни были интересные

приключения, то дира Иргай жаждала знаний, причем не голой теории, а с подкреплением ее фактами, а еще лучше личными свидетельствами. Ради этой возможности старейшая преподавательница Королевской академии Бриса готова была на все!

Световые шарики Ригета отлично освещали засыпанный каменной крошкой, сыроватый и местами поросший коротким бурым мхом коридор. Подгоняемая нетерпением шустрой старушенции компания шла слишком быстро. Потому до истинной причины вызова знатока истории – сведений о вероятно уцелевшем храме Восьми – добраться они не успели. Кажется, в присутствии диры Иргай медленно делать то, что желала делать быстро она, было невозможно в принципе. Дядя наскоро поведал лишь о перемещении младших родственников с Земли и о получении ими в снах-видениях «квеста на возвращение Восьмерых». Он только перешел к описанию меток жрецов Алхой, Зебата и Ирната, когда к магическому свету шариков добавилось льдистое сияние чаш Ирната, разливающееся через открытую дверь. Дире Иргай, как той умной и красивой обезьянке из анекдота, невыносимо хотелось многого: допросить и исследовать истинных жрецов – раз, и оказаться наконец в старинном храме бога войны – два. Старая мечта победила. Света с Дэном удостоились многообещающего взгляда не то патологоанатома, не то проктолога, а потом старушка ринулась на штурм древнего святилища.

Чаши в старинном храме все так же были полны огня, все так же взирал на людей бог войны Ирнат, распахнув за спиной крылья с кинжальными перьями. Его лицо по-прежнему было скрыто пляской теней, но теперь Светка точно знала почему, и не пыталась встретиться взглядом со статуей.

– Эпоха Хождения по Вархету! Лишь тогда Ирната ваяли с крыльями, – благоговейно выдохнула сведущая дира, на пару секунд застыв на пороге.

Имела она в виду ту пору, когда восемь богов не только периодически являлись жрецам для посвящения и изредка пастве в храмах, а и свободно странствовали по миру, отнюдь не всегда раскрывая смертным свое инкогнито. О чем, ощутив явственное недоумение дремучих слушателей, дира поведала в конспективном порядке.

– Зачем Ирната стали делать бескрылым? Он же действительно крылат, – вставил Денис и признал: – Вот уж кому точно инкогнито сохранить бы не удалось, сколько косу-меч ни прячь.

– Боги умеют скрывать свои атрибуты, именно потому хождение часто оставалось тайной, если того хотели Восемь. Сакральным смыслом полной

атрибутики изображений в ту эпоху являлось напоминание смертным об истинной силе богов и их власти. Позднее, когда снисхождение перестало являться нормой, обязательность использования атрибутики отошла на задний план, – пояснила дира. – Богов стало принято ваять без их атрибутов, добиваясь максимальной схожести с людьми.

– Почему? С ними красивее! – удивилась Светка, припоминая греческие традиции и молнии в руках Зевса, лук Амура, крылья у какой-то крылатой богини и те же волшебные сандалики и шлем Гермеса.

– Гипотез много. Доподлинно известно лишь одно: времена, когда боги пристально следили за тем, как их воспринимают смертные, миновали, – растолковала ученая.

– Да им никаких атрибутов для впечатлений не надо, достаточно просто рядом постоять и в глаза посмотреть, – пробормотал себе под нос Дэн, вспоминая опыт коротких встреч с тремя из Восьми. – Вы, кстати, чего-то ищете в храме, дира, или поглядеть на старинный раскоп захотелось?

– Ищу, – задорно, по-молодому сверкнули глаза старушенции. – Храм в достаточной мере стар, чтобы проверить гипотезу одного моего коллеги о символе Рата, присутствовавшем в каждом из святилищ Ирната.

– Мы поможем! Чего искать-то? – загораясь азартом бойкой бабки, тут же предложил Дениска.

– Яйцо! – провозгласила дира.

– Э-э? А на кухне или в курятнике нельзя пошарить? – сдал назад парень, заподозрив, что бабушка Иргай прибыла в замок в компании с тетушкой Шизой.

– Яйцо гигантского Рата! – уточнила для Дэна старушка, воздев вверх палец. – По легендам, собранным диром Керпатом, из такого яйца, порой появляющегося в старом храме, рождался большой призрачный ворон, способный перемещать не послания, но путников.

– Стоит вспомнить, где обычная птичка Рат письма хранит, у меня всякое желание пропадает что-то искать. Едва начну предполагать, как она их адресату отдает, и вовсе хочется развернуться и драпать отсюда, – шепотом поделился со Светкой брат.

Но, конечно, никуда не ушел. Напротив, принялся вместе со всеми осматривать пустую, не считая чаш, алтаря и статуи, залу храма. Яиц в ней, разумеется, не было и в помине.

Дэн пошел в своих поисках дальше всех в прямом смысле этого слова: пролез к самой статуе и попытался заглянуть за спину, под крылья – решил, вдруг возможно совместить свойство крылатости с яйценоскостью – но,

увы, тщетно. Только зацепился за одно перышко и порвал рукав рубахи, хорошо еще не поранил в очередной раз руку.

Поиски четверка ненадолго прервала из-за появления Нерпата. Жрец, очевидно, не ожидал застать в храме посторонних и был озадачен мельтешением людей. Сам он в ответ на вопрос о причинах прихода смущенно поведал:

– Я служу Ирнату, сколько себя помню. Ему служили мой прадед, дед, отец. Я верный жрец своего бога. Ни единого раза не отступил я от канона службы в храме у замка, никогда не желал себе иного пути, но лишь в последние дни, ступив под сень этих стен, я впервые ощутил дыхание бога. И пусть он не являлся мне во плоти, частицу его дыхания принесли с собой посвященные вместе с меткой бога и образом Рата на кулоне. Этот храм помнит Ирната, и я хотел проникнуться сим дивным чувством.

Глаза мужчины блеснули подозрительно ярко, скрывая навернувшиеся слезы. Рука, сжимавшая традиционное копье жреца, нервно пристукнула по плите храма – наверное, заныла хромая нога, заставив сильнее опереться на копье. Нерпат впервые переживал нечто, подобное религиозному экстазу. Служить, соблюдая долг и следуя традиции, – одно, а служить, когда рядом живое подтверждение чуда и оправдание веры, – совсем другое.

Гнать жреца никто не стал. Напротив, объяснили причину детального изучения храма. Нерпат охотно подключился к поискам, загоревшись желанием прикоснуться лично к еще одному кусочку чуда. Шустро шнырять в силу возраста и хромоты у него не получалось, но глаза смотрели по-прежнему зорко.

Кстати, насчет хромоты. Была она вызвана давним, неправильно сросшимся еще в детстве переломом. Может, свежееиспеченные жрецы Алхой и смогли бы излечить ногу Нерпату, да только дядюшка строго-настрого запретил эксперимент на старике, предложив Дэну со Светкой потренироваться пока хорошенько друг на друге. Старинный приятель-жрец у него бы один, это племянников целых двое.

Светка сначала слонялась по храму вместе с братом, потом остановилась у алтаря и явно задумалась.

– Ты чего застыла? – Братец, успевавший везде и всюду, бесцеремонно пихнул ее в бок.

– Если ворон призрачный, может, и яйцо такое же и просто так его не увидеть. Призрачное, то есть невидимое или почти невидимое.

– Предлагаешь искать на ощупь? – восхитился идеей Дэн.

– Не знаю, – развела руками Светка. – Но искать надо, вдруг, если ворон может перемещаться в пространстве, он сможет вернуть нас домой?

– Вряд ли, Свельта, если бы птица Ирната могла перемещаться между мирами, боги уже вернулись бы на Вархет, – сожалея, промолвил дядюшка.

Однако предложение искать невидимое команда поисковиков приняла на вооружение.

Минут двадцать, играя в слепых котят, пятеро тыкались по всем уголкам храма, пытаясь найти «то, чего на белом свете вообще не может быть», попутно, чтоб времени зря не терять, дира Иргай допрашивала дядюшку и его племянничков. Ребята не поскупились на демонстрацию меток на разных участках кожи и серебряного кругляша со священными птичками на цепочке.

Закономерно всплыл и вопрос, за каким лядом дира Иргай понадобилась бывшему ученику академии. В благородное бескорыстие помыслов и жажду служения исторической науке такого, как Ригет, практично-циничная бабулька не верила ни на медный ноготок. Впрочем, правильно делала.

Всегда приятно переложить часть груза проблем на чужие плечи, а уж если подвернулась еще и возможность воспользоваться чужими энциклопедическими знаниями – и того лучше! Потому Ригет охотно передал эстафету рассказа обаятельному оболтусу племяннику, и тот поведал подробности встречи с Ирнатом, предупреждения об опасности ритуала посвящения и географической подсказке бога насчет храма Восьми.

Было видно даже в тусклом свете пылающих чаш, как диру Иргай, почти разочаровавшуюся в результативности поисков яйца, раздражает желание махнуть рукой на это бесполезное занятие и вытянуть из парочки молодых жрецов все детали встречи с богами. Причем, Дэн мог бы заложить свою голову, одолевали бабушку вовсе не религиозно-фанатичные желания, а что-то из раздела общих знаний. К примеру, метафизические ощущения собеседника бога, детальное описание сотворенного пространства сновидения, истинный цвет маховых перьев Ирната или покроем плаща Зебата.

Словом, вид у диры был настолько хищным, что Дэн почти поверил в реинкарнацию Бабы-яги. И пусть она приехала в замок на лошади – это еще не доказательство. Может, ступу в ближайшем лесу оставила вместе с избушкой на курьих лапах?

Однако вовремя подвернувшийся вопрос о храме Восьми под горами переключил диру с жажды немедленного допроса свидетелей на перебор мысленной картотеки информации. В конце концов Иргай объявила:

– В паре источников я встречала упоминания о древней святыне,

таящейся под спудом камней, и о сокрытом пути к ней где-то в предгорьях Ликладика близ городка, ныне зовущегося Валидик. Но последнее из попавших мне в руки воспоминаний путника было полно сожалений об обвале, похоронившем экспедицию, отправившуюся на поиски скрытого пути. Храм, возможно, еще цел, не берусь утверждать, но дорога к нему непроходима. Потому, – дира воскликнула с энтузиазмом и рубанула воздух рукой, – нам просто необходим большой Рат!

– Нам? – удивленно вскинул бровь Ригет.

– Конечно! Или ты думаешь, мой мальчик, что я откажусь от роли консультанта похода истинных жрецов, пренебрегу шансом увидеть схождение-возвращение Восьмерых? И не смотри на мой возраст! Я еще достаточно крепка!

– Мы видим, – кисло согласился дядюшка, следя за тем, как энергичной козочкой скачет по храму дира. В сравнении с ней они все казались улитками, едва дошкандыбавшими до последнего порога.

Света, устав от бесплодных блужданий, снова остановилась перед чашами, полными огня. Она глядела на крылатого воина, поступившего с ними жестко, но благородно. Возможно, Ирнат знал что-то о своем храме, если посоветовал искать храм Восьми под горами? Может, тут действительно где-то спрятано яйцо как шанс на быстрое достижение цели? Но где? Разве крылатая статуя подскажет? Девушка тряхнула головой, метку Рата на запястье кольнуло, и рефлексивно согнувшаяся рука угодила в чашу голубого огня. Жара не было, зато пальцы ощутили чуть теплую – и это в полыхающем пламени, покатую твердость. Неужели? Девушка, сощутив глаза, всмотрелась в пламя, не отпуская руки с предмета, будто боялась его немедленного исчезновения.

– Тебя не обжигает пламя Ирната? – оживленно осведомилась бабулька.

– Пламя ритуальных чаш никогда не жалило истинных жрецов, мне говорил дед, – благоговейно добавил Нерпат, сам пытавшийся не раз коснуться заветного огня, но отдергивающий руку, когда ее начинало предупреждающе печь. Все-таки его метка была лишь татуировкой, полученной от наставника, а не истинным знаком, дарованным богом. Превращаться же в свежий окорок жрец не стремился, потому в чашу не лез. Грань между бездумным фанатизмом и истовым служением он осознавал четко.

Глава 19

О божественном птицеводстве

– Свет, эй, Свет? Ты чего, заснула? – Шепот брата вырвал девушку из задумчивости. – Замерзла? Греешься?

– Нет, кажется, я нашла, – удивленно прошептала юная жрица, опасаясь ошибиться. – Здесь что-то есть, круглое или овальное, и оно теплое, не как пламя, но тоже теплое и, кажется, живое...

– Я же сам зажигал огонь, чаши были пусты, – растерялся Нерпат.

– Ты чуда хотел, так чего придираешься? – удивился Дениска. – Свет, подвинься, я тоже хочу потрогать!

Светка посторонилась, давая возможность брату запустить руку в огонь. Больше никто в факиров играть не стал. Лишь собрались поблизости, в ожидании откровений, объяснений или хотя бы хроники с места событий.

– Ага, на бейсбольный мяч похоже, твердое, теплое, но ни черта не видимое, – подтвердил правоту сестры Дэн под торжествующее бормотание дыры Иргай: «Все-таки не ошибся с выкладками старый хрыч!» – и предложил: – Вытаскиваем?

– Вдруг нельзя? Если огонь у него вместо инкубатора, – предостерегла порывистого братца от необдуманного поступка Света, поглаживая такое приятное на ощупь и безопасное, в сравнении с клювасто-когтистым почтальоном Ратом, яйцо.

– М-да, задачка, – притормозил Дениска и тут же внес конструктивное предложение: – Давай вызовем Рата и посадим его высидывать?!

– А если посланец обидится и клювом яйцо разобьет или тебе голову? – ответила резонным вопросом на вопрос девушка.

– Я так не играю, – показательно надулся брат, отыгрывая Карлсона, оставшегося без банки варенья, торта и конфет. – Что же делать? Ждать, пока само вылупится? Или все-таки рискнуть с птичкой, только краги попрочнее заготовить?

Светка растерянно пожала плечами. Дядюшка почесал себя за ухом и спросил:

– Дира Иргай, подскажите, кроме истории о большой птице никаких сведений не сохранилось?

Старушка покачала головой. Светка же, покусав нижнюю губу,

беспомощно предложила:

– Мне Бельташ молитву Алхой подсказала, чтобы я себя смогла вылечить. Помогло. Есть же молитвы и Ирнату. Мы с Денисом их скажем и попросим, чтобы птица вылупилась.

– Прости, Свельта, мне неведомо обращение к Воителю ради такой цели. Мужество в битве, защита дома, ярость в последнем бою... много разных молитв-обращений к Ирнату хранятся в Списках памяти, но ничего связанного с птицами и яйцами нет, – прибалдел Нерпат от просьбы истинной жрицы.

– Эй, а что-нибудь вроде призыва о помощи есть? – поинтересовался Денис.

– Есть, но опять-таки этот призыв относится к сражениям, – в легком замешательстве пояснил Нерпат.

– Тогда давай просто попросим, скажем, как-нибудь так: «Пожалуйста, Ирнат, нам очень нужен помощник, чтоб исполнить твое поручение», – предложила Света, брат подхватил идею и энергично закивал.

Парочка жрецов собиралась бездумно шлепнуть ладони на незримую и, возможно, не ощущаемую непосвященными скорлупу. «Возможно», потому что проверять это методом самосожжения ни у кого, вплоть до самых любопытных и религиозных из присутствующих, желания не достало. Нерпат и Иргай поочередно пытались украдкой сунуть в огонь палец, ощутили жар и мигом отдернули конечности.

– Не торопитесь! – окликнул дядюшка ребят.

– Кого ждем? Трамвая? – удивился непоседливый айтишник, вскинув взгляд на дядюшку.

– Такого слуги в замке нет, – поморщившись, качнул головой Ригет. – Хотел лишь спросить: чем вы будете кормить птенца, если он вылупится.

– Кормить? – растерялась Светка, пытаясь вспомнить поездки в деревню и соседей, держащих цыплят. На ум приходило что-то вроде манки, рубленого яйца, но при мысли о хищных когтях почтальона, едва не оставившего брата без руки, образ каши сменялся кусками свежего мяса.

– Ой-ё, так я, выходит, и с почтальоном промахнулся? – моментально сообразил Дениска, – потому, может, он мне всю руку порезал и крагу, что угощения не дождался, а не ради ритуальной привязки? Значит, нужно свежего мяса побольше! Или сразу лучше тушу? Троица гончих точно свежатины для погребя притаранила. Там и одолжить!

– Предложение не лишено смысла, – оценила дира Иргай.

Нерпат и дядюшка Ригет сами (не худосочного же парня, девушку и старушку за мясом посылать?) отправились за подкормкой для будущего

питомца. Дира историк же насела на попаданцев и, пока несли мясо, успела еще раз детально осмотреть все три татуировки, два кулона и методом экспресс-допроса выудить максимум информации о свиданиях с богами, поднятых псах, рыцаре смерти и иных проявлениях жреческих дарований.

Вроде бы не более четверти часа минуло, а после беседы с энергичной бабушкой Дэн и Света чувствовали себя котятками, вывалившимися из стиральной машинки, отработавшей полный четырехчасовой цикл.

Судя по ехидно-сочувствующей физиономии дядюшки, притащившего здоровенную лохань сырого мяса, что-то подобное Ригет и предполагал, сознательно оставляя племянничков на растерзание. Может, решил одним выстрелом двух зайцев укокошить? Начни бабушка Иргай допрашивать, скажем, Бельташ, то одного выдающегося историка Вархет мог лишиться. Тихая она тихая, улыбчивая-то улыбчивая, а потом что не понравится – и сразу в драку. Рыцарь смерти, одним словом, то есть двумя. Теперь и дира Иргай знает о жрецах и поднятых ими собачках со скелетами, и ребятишки при деле были – на вопросы отвечали, никуда не лезли и никаких неприятностей на свои шеи не сыскали.

Итак, емкость с мясом разместили перед полыхающими чашами, а парочка жрецов снова шлепнула ладони на теплую поверхность большого яйца и проскандировала предложенную Светкой просьбу.

Тишина, повисшая в воздухе пред алтарем и статуей Ирната, продержалась не более минуты, потом последовал едва слышный, а следом и все более нарастающий треск. Крошилась под крепким клювом скорлупа. И из невидимого явился призрачный, но вполне видимый, покрытый черным пушком птенец размером со взрослого индюка.

Малыш разинул клюв, раскинул мокрые обрубки крылышек и пронзительно то ли пискнул, то ли каркнул.

Денис подцепил шматок мяса из лоханки и поднес его к клюву. Птенчик покосился на жреца отнюдь не мутным ярко-желтым глазом и молниеносно уцепился за подношение. Потом сглотнул следующий кусок. Как он ухитрился в считанные секунды схарчить килограмма два, не меньше, еды, никто так и не понял. Птенец же снова хрипло каркнул-крякнул, требуя добавки и сварливо поторапливая неповоротливых двуногих.

В четыре руки брат с сестрой скормили прожорливому новорожденному, у которого рот раскрывался шире диаметра горла, все содержимое тазика. Может, птенчик и еще бы сожрал, да ничего не осталось. Так ему Дениска честно и сказал:

– Прости, пацан, все съедено. За добавкой надо идти в подвал.

Недовольно обозрев тазик с кровавой лужицей на доньшке и жрецов с пустыми руками, птенчик сменил гнев на милость. Он снова каркнул и взмахнул крылышками-недоростками. Раз, другой, третий, поднимая настоящую бурю, от которой закачались чаши, заскрипел алтарь и, кажется, пошатнулась статуя.

Из ошметков призрачной скорлупы выпорхнула, увеличиваясь в размерах, вполне взрослая с виду птица. Ворон не ворон – ну не бывает воронов размером со страуса. Да нет, какое там со страуса – черная птица резко выросла в размерах, оказавшись габаритами не меньше дядюшкиного жеребца. Когда метаморфозы закончились и призрачное мерцание рассеялось, создание приобрело вполне материальный вид. Перед зрителями в центре зала предстал эффектный ворон с блестящим черным, отливающим в синь, оперением. Только глаза у него как были при рождении желтыми, так и остались.

– Красавец! – первым оценил птичку-перевозчика Денис.

Света же задумчиво согласилась:

– Да, очень красивый. Его, наверное, как-то назвать надо. Или он тоже Рат?

Птиц склонил голову набок и протестующе каркнул, буквально вталкивая мысль в голову жрицы-недоучки, не размениваясь на говорение. Чем вызвал растерянное «ой». У волшебного суперптаха отсутствовал речевой аппарат, приспособленный к членораздельной людской речи, но не интеллект.

– Ты чего?

– Он не Рат. Рат – это видовое название воронов-посланников Ирната и личное птицы-спутника бога войны. Нашему ты успел дать имя, – нервно хихикнула девушка.

– Я? – изумился Дениска, пытаясь сообразить, когда ж успел-то.

– Пацан. Его теперь зовут Пацан, – пребывая в легкой прострации, оповестила компанию Светлана, случайно удостоившаяся небрежной чести получить конкретный мыслеобраз от птицы. – И ему это имя нравится.

– Круто! – восхитился брат. – Настоящий «четкий пацан»! Нет, а что ты так, Светка, на меня сердито зыркаешь? Какой еще жаргон? Скажешь Пацан не четкий? Вот, совсем не мерцает! И перышки не просвечивают, черные и мягкие!

Дэн сделал попытку небрежно потрепать божественную птицу по голове и едва успел отдернуть руку от щелчка клюва. Впрочем, скорее жрецу позволили ее отдернуть, предупредив о недопустимости фамильярности.

– Крутой четкий Пацан! – рассмеялся братец, вставая в позу гордого птицевода, самолично высидевшего василиска из петушиного яйца. – Жаль, дед не видит!

– Призраку не место в храме, на то стоит изначальный запрет бога. Живущий по его заповедям воин после смерти смело и без сожалений делает шаг за последний порог, не оглядываясь назад, – качнул головой Нерпат, дивясь на гигантского ворона, на спине которого, пожалуй, могла разместиться пара всадников.

Но пара не отряд, собирающийся на поиски храма всех восьми богов и включающий, помимо его друга Ригета, молодых жрецов и прочую компанию. Он бы, может, и сам отправился бы с ними, только понимал ясно: не ему, хромоногому жрецу без метки, ступать под своды древнего храма, не ему, а этим молодым созданиям, беспечно творящим невозможное, не задумываясь о том, что оно невозможно. Его сомнения лишь повиснут гирями на руках жрецов. Нет, не зря боги выбрали Свельту и Деньеса, не зря. Их искреннее непонимание невозможности творимого смогут сделать на Вархете стократ больше, чем самая истовая вера.

– Какой потрясающий экземпляр! Значит, коллега Керпат был прав! – Между тем дира Иргай ходила кругами у гигантского ворона. Правда, впечатленная размерами клюва и его предупреждающим щелчком, близко не лезла, щупать и измерять настоящего посланца Ирната не пыталась.

Дядюшка поступил мудрее всех. На восторги, сомнения и страхи времени не тратил. Вышел из храма и крикнул слугам, предусмотрительно оставленным неподалеку в подземном коридоре, принести еще мяса, да побольше. Кажется, желтые глаза Пацана уставились на Ригета с искренним одобрением.

Очередная лоханка с мясом заняла свое место пред чашами и алтарем, и Пацан принялся за еду. Остальные, вроде бы и взрослые или почти взрослые люди, столпились вокруг и с умилением бабушки, потчующей внука, наблюдали за тем, как гигантский птенчик трапезничает.

«М-да, только мой непутевый брат мог ухитриться обозвать божественную птицу Пацаном, да так, чтобы кличка прилипла намертво», – мысленно посетовала Светка и смирилась. Нет, конечно, имена вроде Быстрокрыла, Мерцающего или Молнии звучали бы более пафосно. Хотя, если судить по повадкам гигантского ворона, прозвище Пацан подходило ему больше. Бесцеремонный, прожорливый и, как сказал братец, «четкий».

Расправившись с новой порцией мяса, ворон распахнул крылья, взмахнул ими несколько раз, поднимая вихри, и прянул ввысь. Ожидаемого «бамц» о потолок или дыры в сводах храма не получилось. Птица перешла

в мерцающее состояние и спокойно прошла камень насквозь.

– Он улетел, но обещал вернуться, милый, милый Пацан, – процитировал близко к тексту Дениска, симулировав всхлип и показательно промокнув рукавом сухие глаза.

– Действительно вернется? – практично переспросил дядя, тогда как Нерпат и Иргай были довольны, каждый на свой лад, самой возможностью поучаствовать в явлении легендарной птицы на Вархете.

– Еще бы! Где ему еще столько мяса за здорово живешь навалят? – выпалил Дэн.

Света же успокоила дядю, успевшего включить призрачную птичку в дальнейшие планы:

– Мы его чувствуем теперь и, кажется, если позовем, Пацан прилетит. Ему надо размять крылья.

– Короче, летать он будет учиться, – снова опошил действительность айтишник и сам же поправился: – Но пет реально крутой! Как он мясо лопал! Я аж проголодался. Нет, сырого не хочу, можно не предлагать. Зато от хорошего шашлычка не отказался бы, и вообще от обеда.

Так на кулинарной ноте и завершилась история об обнаружении исторического божественного питомца в подземном храме Ирната. Света шла по коридору и все думала: если бы дира Иргай не поведала им о гигантском вороне, Ирнат сжалился бы над своими жрецами и намекнул бы о нем в очередном сне, или промолчал? Скорее всего, второе. Этот тип больше уважал сильных людей, преодолевающих трудности самостоятельно, и меняться, пусть даже на кону стояло возвращение на Вархет всех восьми богов, не собирался.

Глава 20

Птицепортация, а также о пользе чужих мыслей, климате и моде

Выбравшись из подземелья, компания птицеводов-любителей поведала всем заинтересованным людям и нелюдям о Пацане. Дедушка-призрак ходил, точнее, витал гоголем, оглядывая внучат, оказавшихся столь незаменимо-полезными для богов. Порой начинал хмуриться, когда соображал, что внучки в замке не останутся и доказывать свою полезность им придется, возможно, дорогой ценой. Поиск древнего храма Восьми – это не розыски старой пыльной книжки в замковой библиотеке. Путешествие, если его получится совершить, воспользовавшись помощью могущественной призрачной птицы, не будет легкой прогулкой. Для начала следовало добраться до храма под хребтом. Вернее, в первую очередь добраться до самого хребта, потом отыскать путь в горах и добраться до храма, а уж потом совершить все полагающиеся ритуалы для взывания к Восьмерым. И все это предстояло сделать жрецам-недоучкам! И ничто не могло помочь им, просто не у кого было учиться быть служителями Зебата, Алхой и Ирната. И если про Зебата хоть чуточку могла поведать Бельташ, да и то с поправкой на расплывчатость воспоминаний (возраст и долгое забвение сказывались!), то про Дарительницу Жизни и Воителя узнать было вовсе неоткуда. Не у Пацана же спрашивать?

Сытого, а потому почти доброго ворона вызвал практически случайно во время еды Дэн методом безудержного хвастовства и произнесения имени. И пусть Пацан разговаривать по-людски не умел, но передать мысль о том, что доставку к хребту, если ему укажут точно, куда перемещаться, осилит. К сожалению, в сам храм Восьми никому из «отдела доставки» ходу нет. Сила всех богов там находится в хрупком равновесии, и нарушать его не стоит. Все-таки мало того, что другого подходящего храма люди не знают, так он еще и подземный. Рухнет – все останутся в капитальной могиле навечно. Именно так перевел сотрапезникам с птичьего Дениска, лучше всех улавливающий флюиды ворона. Наверное, в кои-то веки встретил брата по разуму.

За завтраком Светка попросила Дэна, теперь всегда таскавшего с собой на всякий случай крагу на левую руку, вызвать призрачного ворона-почтальона Рата. Тот предложенное сырое мясо начисто проигнорировал,

зато вцепился в сладкий пирог с ягодами и склевал в одну морду, после чего получил кличку Сластена и стал поглядывать на жрецов, гоняющих его по всяким нелепым поручениям, с куда большей благосклонностью.

Казалось бы, потусторонние птицы близкого назначения, а такие разные вкусы. Светке осталось только молча удивляться, умиляться да скармливать посланцу второй сладкий пирог в надежде, что сытая птичка больше не станет калечить брата. Чудесная сила Алхой, конечно, исцелит, а все ж неприятно, и если практиковаться в искусстве ее применения, то не на любимом и единственном брате.

Итак, обед, плавно перешедший в совещание, окончился выработкой плана. Первым пунктом в нем значилась подготовка к походу. Так что перед будущими путешественниками, напуганными известием о царящем в горах холоде, ребром встал вопрос приобретения теплой одежды. В землях Керготов, как и во всей стране и граничащих с ней областях, зима напоминала южную: тепло, слякотно, если снежок случайно и выпадет, то тут же испугается, что попал куда-то не туда, и растает в считанные часы. Одним словом, теплых, по-настоящему теплых вещей в стране не шили, не хранили, и купить их было практически нигде.

На счастье, дедушка Итнат не обделил внуков мудрым советом. Старикан припомнил мелкую, почти сувенирную лавчонку на окраине Бриса. Там торговали экзотическими товарами Ликладика. В этой далекой горной стране, куда лежал путь молодых жрецов, климат, и не только в горах, больше походил на привычный Светке и Дениске, потому шанс обзавестись нужной одеждой в лавке был.

На поиски храма под горой собирались отправиться дядюшка Ригет, чувствовавший ответственность за племянников, дира Иргай с огромным шилом в нижних пределах и неумемной жаждой знаний, оба попаданца, без которых путешествие вообще не имело никакого смысла, а также Бельташ и три ее собачки, готовые следовать за жрецами Зебата вообще куда угодно. Но рыцарь смерти не нуждалась в теплой одежде по причине очень условной физической чувствительности тела к перепадам температуры. Пусть сейчас она могла быть с виду обычной девушкой, но суперспособностей, к зависти простых смертных, это ее не лишало.

Полтора дня дороги до города, конечно, были проблемой, Впрочем, вполне решаемой. Пацан, которому поставили задачу, заломил за услугу еще один таз мяса, но подвезти до города и обратно желавшую прибарахлиться команду согласился. Географии Вархета ворон не знал, зато ему достаточно было для ориентировки разок увидеть в памяти человека образ места. Таковой нашелся в закромах головы Итната. Кстати, из

специфической способности в ориентировании проистекала и вторая проблема, которую следовало решить до отправления. Будущим путешественникам следовало отыскать того или тех, кому доводилось видеть хребет Раздела в той точке, с какой планировалось начать поиски дороги к храму.

Визит в Брис, оплаченный тазиком мяса, решили не откладывать до следующих суток. Приодетые попаданцы, дядюшка и старушка-ученая столпились во дворе у транспортной птицы.

Светка, побаивающаяся высоты, косилась на Пацана с опаской, пытаясь сообразить, как технически один очень крупный ворон сможет переместить сразу четверых людей. Не полетят же они на нем, как на Пегасе? Сбруи нет, и висеть в когтях совсем не хочется.

Додумать тревожные мысли Пацан не дал. Глумливо каркнув, он распахнул крылья и налетел на горстку путешественников, как коршун на цыплят. Несколько мгновений дезориентации – и вся четверка оказалась на улочке Бриса.

Мостовая из забавных разноцветных камней, уложенных по принципу «что под руку подвернулось рабочему, то и засунули», соприкоснулась с подошвами гостей города. Деревянная старинная вывеска «Сокровища Ликладика» стукнула и закрипела на цепях, будто приглашала клиентов в лавку. Через мелкие цветные стеклышки рассмотреть внутреннее убранство было, пожалуй, невозможно. Потому покупатели сразу вошли внутрь. За стойкой скучал плотно сбитый, низенький паренек с раскосыми глазами. При виде сразу четырех посетителей глазки стали заметно круглее, рот начал распахиваться в готовности разродиться рекламным слоганом. Предупреждая катастрофу – перечисление всей мелкой дребедени, занимавшей полки лавки, – Ригет сразу рявкнул:

- Одежда ликладикская теплая есть?
- Есть, – быстро раскололся парень.
- Ты только учти, нам надо, чтоб все теплое было, точь-в-точь, а не только внешне похожее, – встрял Дэн.

- Четыре полных комплекта: мне, племянникам и этой дуре подобрать сможешь? – потребовал Ригет.

- Четырех с ходу не сыщу, нет, дыры! Но три мои сестры – замечательные мастерицы, они смогут пошить все одежды за три дня, что остались до маскарада! – затараторил парень.

- Блин, да ты, парень, оверлок, а сестрицы у тебя швейные машинки широкого профиля? – изумился Дениска.

Он обращался с иглой по следующей программе: «Пункт один – отдай

сестре, она сделает. Пункт два: если Свете совсем некогда, приковыряй пуговицу к рубашке и заштопай дыру в носке сам. Пункт три – выброси все на фиг, если нитки опять путаются».

– Не стоит сомневаться, дир, мои сестры превосходно вяжут лапи, – приосанился и одновременно слегка обиделся мелкий продавец, точно ему потоптались по родовой чести.

– Ты не понял, дир, я имел в виду полные комплекты, – нахмурился Ригет, принимая шутливое недоверие племянника всерьез.

– Вот-вот! Допустим, четыре свитера за два дня связать и то проблема, – принялся прикидывать Денис, принимаясь загибать пальцы, – а еще нужны штаны теплые, под них чего-нибудь, носки, шубы, шапки, варежки, шарфы, да чтобы все по размеру было!

Продавец наморщил лоб. Только сейчас до него дошло, что четыре покупателя явились не за маскарадными костюмами в стиле Ликладика, а за самыми натуральными одеждами. Потенциальная прибыль утекала промеж пальцев.

– Простите, дыры, я не разобрался, – покаянно завздыхал лавочник. – Стало быть, вам потребны четыре полных комплекта одежды для путешествия по горам Ликладика? Тогда я могу посоветовать лавку своего дядюшки, у него место на улице Восьми Вьюг в Валидике, в славном торговом городе предгорий. Его не миновать по пути к сердцу холодного края, в котором понадобятся теплые одеяния! Это дешевле встанет! Да и дядюшка по письмецу моему вам точно скидку сделает! У нас же в лавке вы купите свитера теплые, по размеру подберу мигом! До предгорий по летней поре только они вам и пригодятся!

– Сам-то в лавке у дядьки бывал, чтоб так уверенно вещать? – прищурился Ригет, нащупав потенциальную жертву для указания образа пути к Ликладиду.

– Как же, дир, в Валидике я начинал торговле учиться, – интенсивно закивал не ведающий о планах дядюшки торговец, чем решил свою участь на ближайшие полчаса.

Он вертелся ужом, ввинчивался меж клиентов штопором, зарывался в подсобку барсуком, только что не скакал по полкам лавки хорьком. Переглянувшись, путешественники согласились посмотреть товар. Когда же увидели длинные и с высоким воротом кремовые свитера грубой, но очень плотной вязки – лапи, как называли их в Ликладике, то сразу одобрили их и решили брать разом на всех. С подбором проблем не возникло, потому что у торговца имелось ровным счетом четыре размера: детский, подошедший дуре Иргай, средний, пришедшийся впору паре

попаданцев, большой, который оказался лишь чуть великоват худощавому дядюшке Ригету, и гигантский, который, наверное, можно было без проблем натянуть и на статую Ирната, укутав бога вместе с крыльями. Последний тоже взяли, если что, вместо спального мешка пойдет! Шапки, больше всего походившие на шерстяные буденовки, брать не стали. У дядюшки в Валидике можно было приобрести меховые, по описанию напоминавшие попаданцам ушанки. На том покупки у продавца, ныне бывавшего на горной родине лишь наездами к крупным семейным торжествам, закончили. Рекомендательную писульку экономный Ригет у продавца все ж вытребовал.

И Дэн вызвал Пацана. Явление призрачного птаха, которого юный жрец, бывший фанат компьютерных игрушек, попросил оставаться в стелс-режиме, прошло незамеченным. Нужные картинки для ориентации из памяти говорливого торговца извлечь удалось быстро. Содержимым своей головы лавочник изрядно сократил искателям храма дорогу. Отпала нужда брести через весь Силегат, потом Надрит, чтобы попасть к Ликладику – королевству весьма обширному, но малозаселенному, чьи земли были вовсе не землями, а почти все горами, укутанными снежными шарфами и шапками вечных ледников.

Пожалуй, Ликладик был единственным местом на всем Вархете с настоящими морозами. Трескучие, долгие, лютые, они не пускали людей наверх, в горы. Основная масса жителей обитала в предгорьях, пасла скот. Выращивать что-либо на неблагодарных камнях было сложно, а козы и овцы под воздействием суровых условий приобретали очень густую шерсть и жирное мясо, которые неплохо продавались. Помимо этого в предгорьях имелись шахты, где добывали серую руду, потребную для выплавки сердала – металла гибкого и крепкого, несущего смерть любой нежити и от нее защищающего.

Мелкий рогатый скот и сердал были источниками благосостояния Ликладика, на которые иные державы не претендовали. На овец с козами как-то и претендовать грешно, соседи не поймут, сердал же... Нет, ценности, конечно, великой, только в предгорьях, где его добывали, непривычному к климату человеку было чрезвычайно неудобно. Не спасала никакая одежда. Ну завоеешь, а как руду-то добывать? Если половину года не снег и лед, так точно холод. Уж лучше купить, дешевле и для здоровья полезнее выйдет.

Краткий геополитический экскурс по Ликладику попаданцы получили в нагрузку к свитерам-лапи от дыры Иргай. Ученая дира пришла в истинный ужас от дремучей необразованности юноши и девушки.

Немедленно досталось Ригету, и никакие оправдания дядюшки, что он о самом существовании племянников узнал не более десяти дней назад, во внимание не принимались.

Стыдно жрецам трех богов так мало знать о Вархете, и точка! А что жрецам, во всяком случае, жрице, эта география и на фиг не сдалась, и при первом же удобном случае она вернется в свой уютный и привычный мир с пипифаксом и прочими прелестями цивилизации, деятельная бабулька слушать категорически не желала. Дира Иргай никогда не снисходила к оправданиям студентов академии, не владеющих предметом.

Есть возможность что-то узнать – узнавай, а пригодится ли потом, нет – потом и разберешься. Совсем ненужных знаний не бывает!

Кстати, Валидик, как точку прибытия в Ликладик, дира Иргай горячо одобрила. Один из самых старинных городов у подножия гор навскидку представлялся выгодной точкой начала поисков древнего храма. Не с пустого же места открывался древний путь к храму Восьми? Как на самых выгодных торговых артериях вырастали крупные города, так и Валидик мог быть основан рядом с тропой к храму Восьми. Впрочем, как и еще три городка у подножия хребта. Но в оставшихся трех рекомендованной лавки с одеждой не имелось. Потому, пусть никаких точных указаний, не считая смутных обрывков летописей, и не сохранилось, дира смело рекомендовала начать экспедицию с Валидика.

Глава 21

Маленькое совещание с большими последствиями: дары и боги

Итак, «координаты высадки» для птицы-перевозчика получили на редкость удачно. За доставку группы седоков в Валидик гигантский ворон, блюдуший свою выгоду, потребовал три лохани сырого мяса. К счастью, собачки Бельташ сполна обеспечили кладовые замка ценным пищевым ресурсом. Потому молодым жрецам оставалось решить всего одну «маленькую» проблему, разбитую на восемь кусочков. Речь шла о подношениях, каковые надлежало сделать богам. Именно по этому поводу все заинтересованные и приглашенные: Ригет, Светка, Денис, бабушка Иргай, дира Бельташ, жрец Нерпат и дедушка-призрак снова собрались в каминной комнате.

Светка пристроилась в уголке дивана, рядом присела Бельташ, дядюшка и жрец оккупировали второй диван, а старушка – третий и последний, поближе к живому огню, чтобы греть старые кости.

Самый сложный вопрос – артефакт для бога магии Крисата – дядюшка, как оказалось, решил заблаговременно. В перерывах между хозяйственными заботами и нервотрепкой с племянниками Ригет мастерил простенькие артефакты для успокоения души и пользы дому. Вдохновившись рассказом Дениски о сенсорных лампах покинутой Родины, дядя сотворил преинтересный фонарик. Свою работу он и показал компании. Сложного артефакта, увы, ориентированный на боевую и бытовую магию маг-наемник, а не профи-артефактчик, выдать точно не смог бы.

С виду вещица походила на обычный земной аналог с закосом под старину. На корпус «фонарика» пошел не пластик или металл, а дерево. Свет регулировался прикосновением к металлическому навершию и имел семь разных степеней интенсивности. Штуковина, с одной стороны, выдающейся не была, с другой – такого на Вархете никто и никогда не делал, а если верить легендам, именно оригинальные вещицы Крисат ценил больше искусно изукрашенных посредственных подделок.

Между прочим, аборигенам фонарик настолько понравился, что Ригета едва ли не в ультимативном порядке попросили изготовить еще несколько штук для друзей. Польщенный дядюшка ухмыльнулся в несуществующие

усы и пообещал. Он даже не стал требовать задаток. То ли намеревался потом слупить всю цену, то ли друзьям все-таки собирался сделать бесплатно.

Тему магического дара фонарем закрыли и плавно перешли к следующему пункту в списке подношений. Если с кровью для Ирната вопросов не возникло – режь руку и сливай в чашу, то по вопросу подбора подходящей кости для Зебата форменный допрос устроили Бельташ как особе, наиболее приближенной к божеству и близкой к костям. Рыцарша думала долго и признала, что хорошо, если кость будет какого-нибудь редкого животного.

Денис моментально разыграл облегченный выдох и поделился с обществом своими страхами. Если Ирнату отдавали кровь просителя, то и с Зебата стало бы потребовать аналогичную кость, а с кусочком себя (с ненужным копчиком) парень никак не был готов расстаться. Дядюшка тут же срезал остроумца комментарием по поводу нежесткости подношений низкого качества.

Насчет редкой кости неожиданно помог дедушка. Обострившаяся память призрака подсказала, что в подвалах хранятся не только шкуры харгов, а и клыки громадных зверюг. Решено было не рубить Дэну ни остатков «хвоста», ни пальцев, а заменить жертву клыком с два пальца длиной.

Дядюшка очень кстати вспомнил о хобби своего старого друга Нерпата – резьбе по кости – и предложил придать клыку традиционную форму филина Ойха. Старый жрец смущенно кашлянул, но решил попробовать. В конце концов, клыков в кладовых у хозяйственного до скупости Итната было несколько, и испорченная заготовка не стала бы трагедией.

Плодом Алхой традиционно считалось яблоко. Стоило Светке с Дэном вспомнить родовой герб и древнее дерево у дороги, как все сомнения в выборе фрукта отпали. Зато снова возникли трудности. Поздняя весна никак не могла быть плодово-ягодным сезоном. Моченое же в кадучке, некондиционное, как выразился Дениска, яблоко вряд ли годилось для подарка высокопоставленной особе божественных кровей. Свежих же плодов сейчас было не сыскать и по всему Вархету. Преимущество однообразно-мягкого климата обернулось проблемой.

Не годился и ни один из магических способов добывания яблока. Ускорить рост завязи или из моченого яблока сделать свежее при определенном напряжении сил дяде Ригету было по плечу. На крайний случай оставалось обращение к кому-то из магов-природников. Более того,

где-то на бескрайних просторах мира точно имелись любители фруктов, хранящие плоды под чарами сохранности, но вот беда – привередливая богиня принимала только настоящие яблоки, к которым не применялась никакая магия.

Тупик казался непреодолимым. Ждать более месяца, пока в садах поспеют самые первые яблоки, не хотелось никому.

– Если проблема не решается, значит, неправильно выбран путь ее решения или способ, – задумчиво процитировала Света и тихо спросила у ломающей головы над яблочной проблемой компании: – Интересно, яблоко обязательно должно быть свежим?

– Свет, ты чем слушала? Серные пробки форева? Мы забраковали моченку из подвалов, – скривился Дэн и в сердцах выпалил: – Блин, чем дальше, тем больше чувствую себя Ванькой-придурком из сказки. Только серого волка и певчей птички не хватает. Пацан за волшебного коня сойдет.

– Тогда уж за серого волка, все-таки лошади сырого мяса не едят. Я думаю, если свежих фруктов не достать, может быть, Алхой понравится цукат? Они с виду на свежие яблоки похожи, вкусные и красивые. Как-то же приносили дары в храм Восьми не только в сезон урожая, – предложила свою версию девушка, не реагируя на подколку брата и не обижаясь.

Бельташ вздохнула и легко призналась:

– Я не помню. Но когда Света говорит про цукаты, не чувствую неприятия.

– Тогда за рабочую версию примем. Только цукаты тоже надо разыскивать, – развел руками брат и с хрустом потянулся. – Ты как, дядя, подходящие кондитерские знаешь?

По части вкусняшек дядя оказался полным профаном, всегда полагавшим лучшей конфетой кусок мяса. В бытность свою студентом в Брисе Ригет предпочитал заплатить профессионалкам, а не спускать деньги на конфетки-цветочки, не гарантирующие результата. Дедушка тоже сластеной не был, а жрец Нерпат и вовсе отличался крайним аскетизмом. Выручила дира Иргай. Кто бы мог подумать, но суровая, как колючая проволока, бабуля оказалась записной сладкоежкой и легко выдала несколько адресов кондитерских, где можно приобрести цукаты.

Стремление Дениса немедленно седлать Пацана, ставить ему стакан, то есть лохань с мясом, и мчаться за цукатами останавливало лишь одно: вредная старушка адреса лавок зажилила до окончания совещания.

И вообще, как наставительно отметила дира Иргай, сначала надлежало составить список всего того, что можно и нужно закупить в городе, а уж потом отправляться за покупками, коль способ путешествия на большом

вороне испытан и признан годным.

Кто будет спорить с преподавателем, пусть это не ваш преподаватель и экзамены впереди не маячат? Дураков нет, ибо преподавателей бывших не бывает категорически, и в любой момент постулат «не ваш и нет экзаменов» окажется повергнут в прах жестокой реальностью. Потому обсуждение предполагаемых даров и методов их добычи продолжилось.

Цветок для Илай, богини любви, по мнению Бельташ и сведениям диры Иргай, годился любой. К цвету, размеру, запаху и форме никаких особых требований не предъявлялось. По счастью, отсутствовали и требования выращивать подношение из луковицы или семечка лично. Дар можно было как сорвать собственноручно, так и купить. Илай заведовала любовью, а не флористикой. Все ограничивалось лишь общей формулировкой о чистоте помыслов дарителя. А поскольку Илай числилась созданием женского пола, рвать цветочек было лучше парню. Светке, к примеру, казалось не совсем нормальным, чтобы девушка дарила цветы женщине, если они не родственники и не коллеги по работе. Во владениях Керготов, кстати, в этом сезоне цветов тоже было предостаточно, можно было совместить приятное с полезным и прогуляться по окрестностям в поисках нужного, настроившись на подобающую волну «чистоты». Дениска предложил предварительно выкупаться и вымыть голову, чтоб уж наверняка. Правда, выкупаться у Светки, потому как в его ванной греющий камень подавал воду лишь чуть теплее парного молока.

Для подношения богине искусств Света попросила купить бисера и обещала сплести украшение, если ей подскажут тему: предпочитаемые богиней орнамент, цвет, форма и так далее. Все снова озадачились и вперились выжидающими взглядами в диру Иргай. Историк? Историк! Знаток культа Восьми богов? Знаток! Вот и отвечай!

Старушенция не подкачала. Хотя лучше бы, наверное, подвела, потому как лекция на четверть часа ограничилась четвертью часа исключительно из-за многозначительных покашливаний дядюшки и непрозрачных намеков насчет надобности продолжить совещание, а не просвещение неучей.

Если обобщить все сказанное ученой бабушкой, то требования Элмай, предъявляемые к пастве и ее творениям, сводились к следующему: твори душой и сердцем, тогда вложенное приумножится и вернется.

Между прочим, этот постулат подтверждался одной поучительной легендой о двух мастерицах. Одна из них выткала гобелен, где изобразила богов во всем их величии и самой великой сделала Элмай, вторая же изобразила прекрасный цветущий луг.

Гобелены были преподнесены в дар богине. Первый осыпался

вонючим пеплом, символизируя крах самолюбивых надежд мастерицы, а второй исчез с алтаря, будучи принят Элмай, а на его месте возникли несколько мотков волшебных ниток, которые никогда не кончались.

– То есть все равно, какую побрякушку плести, главное, делать от души, – подвел итог Дениска.

– Дира Иргай, а какая птица считается посланницей Элмай? – поинтересовалась Света, наморщив лоб.

– Белая лебедь Май, – с укором покачала головой старушка. Ну как же можно не знать простейших деталей, на которых ученая дира не сочла нужным заострить внимание?

– Правильно, давай птичку белую сплети! Дерзай, Светка. Бисеру мы тебе купим, вернее, дядюшка купит – у меня, сама понимаешь, здесь зарплаты никакой, – подбодрил сестру Дэн.

– Кстати, о зарплате. Как нам заработать монету для Сигета? – снова озаботилась Светлана.

Одалживаться у родственника казалось неправильным. Если никакого магического предмета попаданцы соорудить не могли бы, как ни старались, потому как талантов нет и не предвидится, то заработать деньги они в принципе могли. Но, увы, лишь в принципе. Вряд ли работа в замке на своего же родственника считалась божественно-честным способом заработка. Увы и ах, как подработать в новом мире, где нет компьютеров и детсадов, парочка землян не знала. В том же Брисе, если судить по грязи на улицах, не требовались неквалифицированные дворники.

– «Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить что-нибудь ненужное, а у нас денег нет», м-да, – озадаченно протянул Дениска. – Может, мясо куда продать, Бельтовы собачки много натащили.

– Мясо натащили собачки, а продавать будешь ты? – забрала идею Светка и робко предложила: – Если с бисером получится, я могу несколько украшений сплести. Для Элмай и на продажу. Нам же не важна большая прибыль, главное, чтобы хоть немного заплатили. Когда будем покупать бисер, спросим в лавке, возьмут ли на реализацию хотя бы по себестоимости.

– Тоже идея. Кто там дальше? Трашп? – Дениска глянул в коротенький список, начерченный карандашом. Здешние перья и чернила оказались для письма совершенно непригодными без должного навыка. – Трашп – это ремесло, то бишь поделка. И чего бы ему поделать? Может, ты еще и браслет мужской сплетишь, Свет?

– Нет уж, давай ты лучше макраме займись, – огрызнулась сестра, раздосадованная намерением брата перевалить всю работу на ее плечи.

– Макраме? Да это когда было, детский кружок в средней школе. И вообще я ничего, кроме ушастых сов, так и не научился плести!

– Зато какие красивые были совушки! Учительнице и маме очень понравились! – мстительно продолжила давить Светка.

– Птица Трашпа – ушастая сова Шпа, – моментально отреагировала на ключевое слово эрудированная дира Иргай.

– Э-э, а шнур? Тут и шнура нужного не найти, – не сдавался Дениска, упорствуя в своем нежелании восстанавливать забытый детский навык. – Давай, может, я лучше выжиганием займусь? Хотя прибора тоже нет...

– Плетите, Шура, плетите, – ласково посоветовала любящая сестра.

Вдобавок добрая дира Иргай добила юного падавана сообщением об изобилии ниток, шнуров и мотков в лавках Бриса. Может, макраме на Вархете и было неизвестно, но плетение как таковое – ковриков, матрасиков и прочих нужных в хозяйстве штучек – процветало. Короче, Дениску обложили по всем фронтам, и парень сдался. В конце концов, руками, не считая сборки компьютерной техники и ее наладки, парень умел не так уж много: скворечник, приматывание пуговицы, запутывание носков и выжигание – вряд ли какой из его скромных ремесленных навыков (хотя шитье Света вообще классифицировала как вредительство) мог пригодиться. Насчет макраме Дэн тоже сомневался, но выхода другого все равно не было.

– Ладно, уболтала, сплету сову, – воздел руки вверх Денис. – Но если Трашпу не понравится, сама будешь с ним разбираться и доказывать, что твой косорукий братец ни при чем!

На этой макрамышной ноте совет по дарам завершился, и началась подготовка к большому походу за покупками в Брис. Способ перемещения Пацанским методом был признан годным, до вечера оставалась еще половина дня, а значит, любители и профессионалы шопинга могли спокойно заниматься выбором нужных материалов и вещей. В грузоподъемности большой призрачной птицы никто не сомневался, потому как метод смещения птицы в пространстве скорее напоминал телепортацию, чем собственно извоз. Денис живо сгенерировал новое словечко – птицепортация – и ужасно им гордился.

Порталы на Вархете, между прочим, тоже были известны. Увы, ключевым словом в этой фразе являлось «были». С уходом богов то ли навыки люди подрастеряли, то ли именно божественной энергии не хватало когда-то эффективным сооружениям для активации. Каменные платформы на площадях городов остались памятниками былому величию. Не загорались на плитах письма, определяя пункт назначения, не сияли

проемы дверей, сокращавших расстояния в обмен на деньги. Когда-то ограничением порталов была лишь масса, то есть живых и разумных – читай, людей – они перемещали без проблем, а груз ограничивался весом, который мог унести человек. Причем мотаться туда-обратно через портал с грузом никто и не стремился – оплата магической энергии для работы портала банально не окупала бы скорость доставки. Если, разумеется, речь не шла о какой-то исключительной редкости.

Итак, за неимением функционирующих порталов компания планировала воспользоваться вредным и вечно голодным Пацаном. И нет, никто на мифическое и божественное животное поклепа не возводил.

Пока совещались, прибежал перепуганный управляющий и, утирая пот с бледного чела, доложил, что на леднике с туши оленя сами собой отрываются куски мяса и растворяются в воздухе.

– Нет, дир Олсоп, не бойся, это наша домашняя зверушка проголодалась. А что невидима, так она стесняется показываться, – схохмил Дениска с самой серьезной физиономией. – Ты только близко не лезь и никого не пускай, а то у птички клювик большой. Стукнет, и нет человечка. Воскрешать мы с сестрой не умеем, только труп поднять сможем.

Олсоп утер пот и перевел взгляд на дядюшку Ригета в ожидании подтверждения, опровержения или дополнительных пояснений. Призрак бывшего хозяина пусть и присутствовал, но, при всем уважении к нему, дир управляющий отныне предпочитал иметь дело с живыми.

Ригету оставалось только кивнуть и прибавить:

– Незримая птица не нечисть и не нежить, Олсоп, мы ее в храме Ирната нашли.

– От как, Восемь храни! – крикнул управляющий и мгновенно успокоился. Уж кого по легендам не терпел бог войны, так это мертвых, притворяющихся живыми. – Так не приказать ли для птицы какой другой еды на кухне сготовить?

– Не нужно, Пацан ясно выразился насчет сырого мяса, – мотнул головой Дэн. – Пусть подзаправится, он еще маленький, хоть и длинный, ему расти и расти! Но тазик мы ему выставлять за работу не будем, сам в кладовой отоварится. Бельташ, твои песики малышу поест еще раздобудут?

– Раздобудут. В лесах довольно дичи, а они любят охоту. Будут рады помочь и поразмять лапы! – усмехнулась рыцарь смерти, позабавленная характеристикой птицы-посланника Ирната.

Денис вообще развлекал достойную деву одним фактом своего

существования, не говоря уж о манере речи и общения. За последние дни Бельташ, пожалуй, улыбалась чаще, чем за все прежние столетия при храме Зебата.

Успокоенный управляющий отчалил, а компания вновь начала собираться за покупками в Брис. Раз экспериментальная поездка Пацана удалась, теперь следовало опробовать перемещение на небольшое расстояние с грузом. Оказаться в холодном Ликладике нагишом или без вещей не хотелось никому. Как выразился неумный Дэн, он, конечно, не против нудизма и за закалку, но без перегибов и крайностей!

В подготовку вмешалась рыцарь смерти. Она дала всего один совет:

– Пусть в город идут только юные жрецы и один охранник. Сбор даров важен порой не менее, чем само возложение. Пусть именно их руки касаются подношений, пусть именно они выбирают. Так будет правильнее!

– Хм, – почесал себя за ухом дядюшка. – Пожалуй, ты права. Нет-нет, Бельташ, в выводах своих ты определенно права. Я о том, не учинят ли мои племяннички безобразий в городе, оставшись без присмотра и контроля.

– В Брисе никто не знает о том, что Денъес и Свельта отпрыски славного рода Керготов. Так что, если учинят, у них есть Пацан, смогут своевременно исчезнуть из города, – рассудил мудрый Нерпат.

– Одних все равно не отпущу, города не знают, обычаев тоже. Кого бы с ними отправить? Разве что Валта? – нахмурился Ригет, называя единственного не присоединившегося к совещанию члена команды. Если уж заботиться о соблюдении чистоты эксперимента, то выбор был идеальным. Конечно, пойдти с ребяташками Бельташ, дядюшке было бы куда как спокойнее. Но, но, но... Рыцарь смерти – создание Зебата, потому напрямую ей лучше было не участвовать в почти ритуальном процессе сбора даров. Да и реакции ее, воспитанной в строгой храмовой тиши и на полях битв «своим – защита, врагу – смерть», не слишком подходили для сравнительно мирных городских условий.

Что ж, делать нечего. Пришлось звать Валта Борша и ставить перед ним задачу. Наемник, удачно нашедший новое место в жизни и замке Кергот, принял волю дира Ригета с философским спокойствием. Сопровождать молодых диров за покупками – есть, оберегать их от неприятностей в городе – нужное дело, присматривать и пояснять, коль будет нужда – понятно. Главное, не позволять кое-кому, не будем тыкать пальцем в Денъеса, махать руками вблизи трупов, буде такие попадутся, это было для дира Борша очевидным и без дядюшкиного очередного предупреждения.

Дедушка-призрак, вошедший в разум, давно показал сыну все сейфы,

сокровищницу и прочие ухоронки, где припрятал деньги. Надо сказать, что шею старшему сыну свернули вовремя, разбазарить все семейное состояние он не успел. Поскольку старик почти ничего не тратил на себя, то сейчас на покупки и еще лет на семь, если не бросать деньги на ветер, гуляя по элитным злачным заведениям, средств хватало с лихвой. Поиздержавшегося в розыске и заботах о племянниках Ригета это только порадовало. Список покупок для подготовки похода в храм выходил внушительным. Всегда ведь лучше перестраховаться, чем опростоволоситься, тем паче, что волочь вещи в замок будет Пацан, а не покупатели на своем горбу.

Единственный минус для Дэна и Светки, привыкших затариваться в магазинах по списку, касался именно отсутствия списка. Сбор подношений или материалов для их изготовления безоговорочно был признан ритуальным действием и списка к нему не полагалось. Парочке жрецов следовало пользоваться лишь собственной памятью, интуицией и прочими полезными качествами в меру их наличия.

Глава 22

Покупки – дело серьезное

Сборы много времени не заняли. Ригет и Иргай только растолковали попутчикам и, главным образом, неплохо ориентирующемуся в городе Валту, какие лавки надо посетить. Особые дядюшкины инструкции касались исключительно Дэна, которому в очередной раз напомнили о профилактических антинекромавских мерах: лишний раз руками не махать и речей не выкрикивать.

После чего Светка и Денис в сопровождении или под конвоем – это уж как толковать – бугая Валта вышли во двор. Денъес кликнул Пацана. Недовольно каркнув – как это его от процесса питания оторвали, – ворон явил свой призрачно-черный образ и выбрал точку перемещения из головы дыры Иргай. Раскинув широкие крылья, Пацан налетел на троицу.

Не предупрежденный о ТТХ перемещения Валт покачнулся на мостовой, восстанавливая физическое и душевное равновесие, затем шумно выдохнул с укоризной:

– Не худо бы остеречь меня было, дыры. Я ж чуть в штаны... того... – Смутившись, Борш не стал при девушке объяснять суть процесса.

– Извини, быстрее было продемонстрировать, чем объяснять, что и как получится, – невинным тоном объяснил Денис, принимаясь крутить головой.

Это Светке все вокруг, отличное от родного городка, где знакома каждая улочка, казалось если не чуждым, то чужим и неприятным, особенно вопиюще грязная мостовая, а Дэн с наслаждением собирал впечатления. Ради них он был готов вытерпеть ненавистный поход по магазинам. Впрочем, это дома поход был ненавистным занятием, а здесь мог превратиться в настоящее приключение. Потому Денис чуть ли не подпрыгивал на месте, давая возможность провожатому сообразить, где они оказались и куда вести спутников.

Процесс пошел быстро, особенно когда Борш убедился в том, что «чудо-птичка» исчезла и пока возвращаться не собирается. Наемник решительно развернулся и зашагал по улочке вниз, на ходу поясняя:

– Тут ближе всего канатная лавка. Вам вроде как веревки надобны.

– Да, только именно веревки, примерно в четверть пальца толщиной. Из канатов, боюсь, у меня ничего путного не выйдет увязать, даже если

буду стараться и возьму вас с Бельташ в помощники, чтобы помогали затягивать узлы, – сразу обозначил рамки потребного Денис.

– Ну так, – согласился наемник и обстоятельно объяснил айтишнику, что лавка только прозывается канатной, потому как есть в ней веревки и нужной толщины, а всякого разного там тоже вдосталь, и цену хозяин вроде как не задирает. Товар у него специфический, но ассортимент широкий, обычно никто с пустыми руками не уходит. Не веревку, так крючок или петлю, кованную под нее, непременно купит.

Нужную лавку, распахнувшую свои двери и вынесшую аж пару лотков на улицу, попаданцы углядели издалека. Громадные плетеные корзины, забитые бухтами всевозможных веревок, крюки и гвозди, увешанные связками того же товара самой разной кондиции: тонкими, средними, толстыми, витыми, сплетенными, крашеными и натурального цвета... Товар закрывал собой чуть ли не половину улицы.

Денис слегка обалдел от такого разнообразия и не меньше пяти минут стоял столбом и смотрел. Лишь потом очнулся, тряхнул головой и взялся выбирать. Щупал, тер, тянул, изучал толщину и плетение.

Жилистый, смуглый, будто только вернулся с южного курорта, хозяин к клиентам с рекламными криками не бросался, за руки не хватал и в лавку не тащил. Все время, пока Дэн изучал ассортимент, он меланхолично сматывал в клубок плотный зеленовато-желтый шнур и изредка почесывал короткий ежик волос на голове. Выбор веревки – штука серьезная, мало ли для чего молодцу понадобилась? Девку упрямую связать или счеты с жизнью свести. Тут с советами, пока не обратились, лучше не вступать.

Лишь когда будущий великий макралист примерно определился с выбором и позвал лавочника, тот степенно отложил клубок и внимательно посмотрел на Дэна из-под полузакрытых тяжелых век.

– Мне нужен шнур примерно такой толщины, – парень ткнул пальцем в моток, – чтобы узлы не скользили и не расползались. Длины примерно метров, тьфу, рук то есть, – Дэн поправился, используя подходящую местную меру длины, усвоенную еще в путешествии к замку, – шестьдесят. Найдется?

– Такой будет. Нить некрашенная, серая, – сразу объяснил хозяин и вытащил из левой верхней корзины здоровенный клубок.

Денису всегда казалось, что совы обладают коричневым оперением, но таскаться по городу и искать «такого же, но без крыльев» ему совсем не хотелось. Потому братец принялся пытаться сестру:

– Свет, у тебя по зоологии пятерка стоит, серые совы бывают?

– Бывают, – машинально ответила девушка. – У них цвет от ареала

зависит.

– Тогда годится, – бодро подвел итог Денис. – Значит, берем клубок и хорошо бы еще корзину в придачу. Не в руках же нам его волочь, как заколдованный указатель.

– За корзину тридцать ноготков, – сразу предупредил хозяин лавки, делавший свой маленький бизнес весьма продуманно, судя по тому, как он вытряхнул одну корзину из стопки, составленной прямо на мостовой справа от лотка.

Предвкушая торг за изрядный моток шнура, хозяин лавки прижмурился сытым котярой. Не ведая о его чаяниях, Дениска мысленно пребывал в творчестве и, повернувшись к сестре, вещал:

– Надеюсь, Трашп не обидится, если моя сплетенная в подарок сова будет серой, а его подручная птичка рыжая или черная. Или, может, бабушку Иргай расспросить и шнур покрасить?

– Дир, вы собираетесь сделать сову из шнура магией? – вкрадчиво осведомился торговец с легким недоумением. Магом его клиент не выглядел.

– Нет, какая магия? – удивился парень. – Сплету я ее.

Глаза торговца зажглись таким огнем, что будь на его месте, скажем, одна из собачек Бельташ, Дениске, да и не только ему – всем на улице следовало опасаться за свою шкуру. О том, что на веревках вяжут узлы, а из тонких шнуров плетут половики, мужчина знал, но СОВУ?! Да еще сову как дар богу ремесленников? Такого шанса истинный веревочный маньяк упустить не мог. И он насел на парня с расспросами, пообещав сам, первый, скидку на товар. Дениска, не видевший в своем умении никакой коммерческой ценности, охотно показал торговцу на шести шнурках, как будут выглядеть несколько фигурных узлов плетения.

Торговец оказался не только жадным до знаний о применении любимых веревок, но и честным человеком. Возможно, на Вархете, пусть боги и покинули мир, если речь шла о подношении одному из Восьми, жулить считалось себе дороже?

Короче, дир Пинхрат кликнул помощника, а дорогих клиентов пригласил к себе в комнаты. Покидал Дениска лавку с контрактом на отчисление хорошего процента прибыли от изделий, несколькими монетами задатка, а оставлял образцы узлов и все три известные ему по школьному кружку труда схемы плетений: кашпо для цветов, сова и салфетка.

В состоянии легкой оторопи айтишник высыпал монеты на руку и удивленно поделился с сестрой только что пришедшей на ум идеей:

– Свет, а ведь мы сейчас честно заработали деньги! Есть чем Сигета одарить!

– Точно! А ты говорил, что учиться макраме – дурацкая идея! – со смешком припомнила девушка ворчание брата, путающегося с узлами, их очередностью, шнурками и всем тем, в чем можно и нельзя было запутаться в ту страшную пору, когда маленький Дениска вынужден был осваивать искусство плетения.

– Да уж, – крикнул Дэн. – Раньше думал, что поговорку «Учи, все в жизни пригодится» придумали учителя, чтобы получать зарплату, потому и знак интеграла потребен лишь для вынимания ключей из канализации, как в том бородатом анекдоте. А оно вон как вышло.

– Осталось бисер купить. Дир Валт, далеко идти? – обратилась девушка к наемнику.

– Через две улочки, если дира Иргай правильно объяснила. Мне-то иль диру Ригету такие лавки без надобности были, – пожал могучими плечами здоровяк.

– Да уж, тебя за низкой бисера представить сложно, – хохотнул Дениска и с возгласом: – О, кажется, кондитерская по пути! Зайдем? – ткнул в вывеску на другой стороне улицы пальцем руки, свободной от корзины с мотком шнура.

Кондитерской в том смысле, чтобы был не только магазин, а и кафетерий, лавочка не являлась, потому, наверное, в список дыры Иргай не попала, зато бочки и лотки со всякой сладкой всячиной в «Сладости для радости» были изобильны.

Глаза любого сладкоежки тут просто разбегались, не зная, за что зацепиться: орешки в меду, изюм, ягоды, леденцы, пастила, печенье...

Полная женщина, сама чрезвычайно похожая на булочку с изюмом (за последний шли черные, коричневые и рыжие родинки, в изобилии усыпавшие ее кожу), хлопотала за прилавком, обслуживая покупателей. Пока она отвешивала орешки мило розовеющей барышне и печенье одной старухе, выглядевшей, как то самое яблоко из бочки с моченкой, Дениска успел облазить не меньше половины лавки. Он нашел-таки нужное: деревянный ящик, очень похожий на хлебный поддон в магазине. В этой таре, аккуратно переложенные пергаментом, красовались аппетитно-коричневые карамельные яблочки, источающие упоительно-сладкий аромат.

– Знаешь, Свет, – Дениска кивком головы указал на находку и сглотнул слюну, – если мы положим в чашу Алхой одно яблочко, вредная тетка нас точно во враги запишет. Такую вкуснятину надо не меньше, чем десятком

уплетать, а если ей еще и мужа угостить захочется, то точно на конфликт нарвемся. Вот скажи, – парень переключился на наемника, – ты сколько таких яблок смог бы съесть?

Борш смерил ящик снисходительным взглядом и удивленно переспросил:

– Что тут есть-то? Одно баловство. Ам, и нету.

– Значит, скупаем все и думаем, как десерт преподнести, – энергично свернул обсуждение количества айтишник.

– Может, букет из яблочек сделать? – задумалась вслух Света, подключая креативность, свойственную каждому воспитателю детского сада, вынужденному искать полезные, интересные и не травмирующие занятия для развлечения орды малышей.

– Это как же из яблок да букет? – закудаhtала услышавшая последний вопрос продавщица. Она, наконец, выпроводила придирчивую покупательницу, выбиравшую печенье, как гроб к похоронам, и теперь полностью переключилась на новых клиентов, рассуждавших о чем-то невиданном.

– У нас так преподавательнице в институте на юбилей дарили – каждая в бутоне из марципанов, от настоящих роз и не отличить, – рассеянно отозвалась Света. – Тут, понятно, так не сделать, но хотя бы на палочки-черенки насадить из твердой карамели...

– Это еще почему нет? Чтобы я да марципановых цветов не сотворила? – грозовой тучей надвинулась на жрицу трех богов пухлая торговка. – Платите, я вам таких цветов навечу, лучше живых будут, да только яблоки в карамели тяжелые, не удержат их марципановые лепестки...

– Что, если сделать съедобный букет-корзину, там и подпорки вставим? – подключился к обсуждению Денис.

– Тогда уж блюдо, как пруд с кувшинками, – внесла изменения в проект Светлана.

– Такого не принято, – начала с сомнением лавочница, сама заражаясь кулинарно-экспериментальной идеей, – однако ж интересно, я бы попробовала...

Толстушка буквально загорелась идеей испытать новый экзотический способ подачи товара. Словом, договорились. Достойной дуре Кетлеш компания оставила задаток и обещала зайти часика через три. Марципановое тесто у хозяйки было готово, требовалось лишь придать ему форму пруда и лилий, хранящих яблочки. Достойная женщина не взяла с клиентов больше, чем задаток на продукты. Саму работу потребовала

оплатить по факту: когда сделаю, увидите, тогда и о цене толковать будем!

Купив кулек с залитыми медом орехами, команда сборщиков даров отправилась в дальнейший путь к лавке с бисером. Стоил он, как заранее предупредил Ригет племяшей, недешево. Но на какие жертвы только не пойдешь, чего не сделаешь ради богов, чтобы они от тебя наконец отвязались и в кошмарах не являлись? Даже на бисер разоришься!

Нужная лавка окон не имела и броских вывесок тоже. Ограничивалась деревянным щитом с мастерски выжженной и раскрашенной изображением тонкой женской ручки, на ладошке которой покоилась пригоршня разноцветного и разноформатного бисера.

Дверь открывалась тяжело и скрипела уж очень характерно. Случайно двери так скрипеть не будут, зато те, которые сигнализируют о появлении чужаков, – непременно.

Никакого бисера внутри лавки не имелось, лишь многочисленные массивные деревянные коробки, коробочки и короба на полках. При появлении клиентов из-за стойки воздвиглась монументальная фигура в чалме.

Это была очень толстая и исполненная достоинством пропорционально весу тела женщина далеко за пятьдесят. Рыхлый нос, пухлые губы, внимательные черные глазки и компенсирующие почти полное отсутствие бровей белые кустики клочковатой растительности на подбородке. Короче, красавицей лавочницу не назвал бы и Валт с жестокого похмелья. Зато сразу становилось понятно, почему в помещении нет охраны. Да такая хозяйка махнет тумбообразной рукой – будет улочка, отмахнется ногой – проспект сделает.

Светка с некоторой робостью уставилась на женщину, тогда как Дениска восторженно прошептал на ухо сестре:

– Ты только глянь, тетка вылитая Джэнуария из любимого бабкиного сериала, который она постоянно на диске смотрит. Только с бородой и кожа чуть посветлее.

– Ой, – только и пискнула девушка, до которой запоздало дошло, почему женщина кажется такой знакомой.

– Восемь с вами, – колоколом загудел голос «Джэнуарии», приветствующей визитеров.

– Восемь, это уж точно, а могло бы быть и поменьше, – тихонько пробормотал Дэн и громко повторил официальное приветствие, после чего передал бразды беседы в руки Светки: – Дира, моей сестре нужно сплести украшение. Сказали, бисера лучше, чем в здешней лавке, не найти.

– Верно, – расплылась в улыбке монументальная особа и клещом

вцепилась в жертву, выдавливая из нее информацию о предполагаемой подделке.

Света поначалу вяло отбрыкивалась, а потом сдалась, приблизительно описала свою задумку и покорно подключилась к перебиранию бисера, извлекаемого для демонстрации из многочисленных ящичков, ящичков и коробочек. Девушка не знала, какое по размеру кольцо подойдет богине, и решила сделать такое украшение, длина и ширина которого может корректироваться.

С месяц назад Светлана нашла в сети изумительную схему и фото готовой работы – в ажурных голубых и зеленоватых кружевах узора взлетала прекрасная белая птица. Почему-то именно она запала в память настолько четко, что сейчас Света смогла объяснить лавочнице, сколько и какого бисера ей нужно. Конечно, вархетский цветной бисер лишь отдаленно напоминал земной, его почти никогда не делали круглым, это были скорее короткие восьмигранные трубочки. Штамповали его, понятно, не машинами, а магией копирования, годящейся лишь для самых мелких предметов. Но попаданцев не особенно интересовали тонкости производства, о котором толстуха-лавочница знала все. Главное – конечный результат годился для кольца.

Бисера Света брала с запасом, так же как и вощеную нить. Увы, проволоки и лески тут не было и в помине, зато хорошие иглы-инструменты и застежки с цепочками очень-очень походили на земные.

Весь набор для плетения подарка богине вылился для попаданцев в весьма круглую сумму. Возможно, даже наверняка «Дженуария» сделала бы скидку клиентам, если бы Света поделилась с ней схемой плетения кольца. Но девушка молчала как рыба об лед, словно не замечая многозначительных намеков. В результате чего кошелек, выданный дядюшкой на материализацию заготовок для божественных даров, сильно похудел.

Когда вышли из лавки, Дэн тут же спросил у сестры насчет ее молчаливости.

– Помнишь, на школьный выпускной Маринка и Ленка пришли в одинаковых платьях?

– Ага, визгу было! – лукаво ухмыльнулся парень, вспоминая подробности забавного скандала.

– Теперь представь, если украшение для богини окажется копией того, что носит какая-то женщина на Вархете? – намекнула Светка.

– Понял, заткнулся! Эксклюзив и ручная работа – наше все! – заверил сестру Дениска и, переключившись на более актуальную тему, спросил

Валта: – Слушай, тут перекусить где-нибудь поблизости можно? А то мы столько мотаемся по лавкам, что у меня живот к позвоночнику прилип.

– Это он у тебя от сладких орехов прилип, – нравоучительно проворчала сестра.

– Чего ж нельзя, можно, – пожал могучими плечами сопровождающий. – Вам как, дыры, чего попроще или ресторацию искать будем?

– Нам чего поближе! – внес коррективы в маршрут трижды жрец под аккомпанемент требовательного урчания желудка.

Проводник повел широкими плечами и решительно свернул налево, где вместо вывески была прислонена к стене здоровенная и тяжелая на вид крышка от гигантской бочки. Прислонена давненько, потому как у основания успела прорасти жалким пучком травы. На «вывеске» красовалась выжженная надпись: «У Трехпалого».

Похожая основательностью на крышку-«вывеску» дверь приоткрылась, пропуская посетителей в нутро трактира. Окон тут не было, свет давали лишь колесные люстры наверху и несколько связок-сеток светящихся шаров по стенам.

Три длинных стола с лавками и штук восемь столов поменьше с табуретами составляли основную меблировку заведения, отличавшегося своеобразным грубовато-основательным уютом. Стойка трактирщика с бочками на задах и подобием небольшой сцены слева в углу дополняли обстановку. На сцене, сидя прямо на ней в обнимку с местным аналогом лютни, брэнчал что-то вялое на струнном инструменте заспанный лохматый парень.

Посетители у Трехпалого все же имелись: за длинным столом в правом дальнем углу гуляла какая-то шумная компания воинственного вида мужиков, за тремя столами поменьше насыщались еще несколько горожан. Сам трактирщик, его узнал бы любой по безотказной примете – трем из положенных пяти пальцев на левой руке, наливал кружку бородачу. Выпивоха что-то деловито втирал хозяину.

Парнишка-разносчик в почти чистом фартуке подлетел к тройке клиентов, усаживающихся подальше от нудного брэнчания. Дениска собрался было потереть руки перед оглашением своего заказа, наткнулся на многозначительный взгляд и громкий хмык Валта и просто, без жестикуляции, попросил, ориентируясь на обычный ассортимент:

– Перекусить бы. Мясо, хлеб, сыр и чем-то запить.

– Эль, пиво, вино? – растерялся паренек, не зная, что предпочтет столь разношерстная компания.

– Эль мне, а молодым людям ягодного взвара, – прогудел охранник, решая проблему методом частичного насаждения сухого закона. Еще не хватало, чтобы юный жрец перепился и начал мертвых рядами поднимать.

Дэн скроил недовольную физиономию, а Света вежливо прибавила:

– Если можно, теплого взвара. У меня горло от холодного тут же прихватывает. И тазик чистой воды – руки сполоснуть перед едой.

– Понял, дира, все найдется, – тряхнул головой парень, привычный ко всевозможным закидонам клиентов, и умчался на кухню.

Миску с водой и чистый отрез серой грубой холстины принес первыми. Света вымыла руки, под ее суровым взглядом поболтал конечностями в воде и Дэн. Свободный от родственного произвола Валт миску с водой проигнорировал. Донимать и его лекцией о гигиене Света не стала, лишь задумчиво проронила:

– Интересно, а пестряга передавалась воздушно-капельным путем или контактным, через грязные руки?

Бугай намек понял, поспешно придвинул к себе тазик и тоже вымыл лапы.

Парнишка-разносчик вернулся вовремя, чтобы забрать миску с посеревшей водой и разгрузить поднос с едой. И такой дух шел от ветчины и острого сыра, что совсем не голодная Светка украдкой сглотнула слюнку. Дениска, сменив гнев за запрещение пива на милость за еду, шустро напластал себе бутерброд из местного ассортимента, довольно заурчал и, заглотнув первый кусок, бодро провозгласил:

– Валт, ты лучший! Тут, конечно, темно, как в погребке, но еда – мм!..

Польщенный бугай расплылся в улыбке, принимая похвалу своему выбору. И тут со стороны скорее выпивающих, чем закусывающих мужиков раздался удивленно-глумливый голос:

– Ба-а, да это и впрямь Пестрый Валт! Какой же из него, пестрячного, хранитель! Вон лучше любого из наших берите, дыры! Все больше толку будет, а коль увечные по нраву, так мы можем хромого Фропа кликнуть!

Валт стал медленно багроветь от злости и досады; насчет своего излечения ему велено было молчать, потому как исцелить пестрягу полностью мог бы лишь истинный жрец. Раскрывать же инкогнито и суперпупервозможности племянников-попаданцев осторожный дядюшка не планировал, о чем заблаговременно настойчиво предупредил Борша.

– Да, самый лучший! – мгновенно отреагировал Дениска, развернувшись к гогочущему столу. – Ты умеешь пускать пену ртом и корчиться на земле? Не-э-эт! А он умеет! Так что отвали, моя черешня!

Скроив глумливую физиономию, парень отсалютовал хохмачам

кружкой с теплым взваром. И все бы ничего, только один из компании вояк успел хлебнуть лишка. На беду, перебравший оказался магом. В его руке зажегся яркий оранжевый шарик, его мужик и метнул в сторону Дэна. Не прицельно, больше попугать. Да вот беда, Денис в школе ходил не только в кружок по труду, а еще и на баскетбол. Среагировал он рефлексивно – взял и отбил рукой «мяч» в сторону стола насмешников с азартным выкриком:

– Давненько я не брал в руки мяча! Сыгра... Ой, бли-и-ин!

Выкрик Дэна оборвался вместе с громким взрывом, разметавшим кружки, блюда и кувшины со стола, закоптившим столешницу и физиономии насмешников до неравномерно-мавританского состояния.

– Ты на кого полез, дурень, он файры голой рукой отбивает, – взрыкнул самый низкорослый, но, очевидно, самый здравомыслящий из почерневшей компашки, встряхнув за грудки разом протрезвевшего любителя огненных апельсинов.

– Эй, ватага, стол оплатите и чтоб никаких драк тут, а то больше в долг ни разу не налью! Нечего людей попусту задирать! – рыкнул втрое громче скандалиста Трехпалый, наставив один из трех уцелевших перстов на группу наемников. Свободной рукой он вытащил из-под стойки шипастую дубину и многозначительно показал буянам.

Те недовольно нахмурились, но спорить ни с трактирщиком, ни с Дэном не решились. Если первый мог отоварить дубьем по кумполу и наглухо закрыть кредит, то со второго, как думали мужики, вполне стало бы насовать им еще огненных шариков за пазуху. Черномазые оплатили ущерб и отправились на задний двор отмываться от сажи. Дэн же, втянув голову в плечи, удивленно прошептал:

– Блин, так это файербол был? Не мячик? И как меня его рукой-то угораздило?

– Дык то разве диво? Ты ж, дир, жрец, а вы для магии неуязвимы, – объяснил Валт.

– Ух ты! И ведь никто не сказал! 3-заразы! – возмутился Денис и принялся заедать открывающиеся перспективы новым бутербродом.

Света кивнула, прекрасно понимая, почему дядюшка попридержал ценную информацию. Братец и так порой удержу не знал, а уж после таких вестей...

– Спасибо, дир Деньес, что укорот языкам длинным ватаги Хмурого дали. Знавал я их, как в тадреских харгах ходил, да и они меня вот припомнили, – прогудел наемник.

– Да ладно, брось, ты ж член нашей команды, потому нечего всяким варезку разевать не по делу, – отмахнулся бутербродом Дениска.

– Здорово у тебя выходит, – согласилась Светка. – Никогда за словом в карман не лезешь. Если мне скажут что-то неприятное, сразу никак остроумного ответа не подыщу. Потом чаще всего вообще на следующий день что-то в голову приходит.

– Держись меня, жирафы зверьки красивые! – подмигнул Светке любящий братец и, гордо выпятив грудь, прибавил: – Я тебя в обиду не дам!

После чего, ставя восклицательный знак в своей речи, щедро глотнул взвара и так поперхнулся, что не мог прокашляться минут пять, сколько его сестра по спине ни хлопала. Откашлявшись, парень пристал с вопросом к телохранителю:

– Что еще насчет неуязвимости знаешь?

– Почитай, и ничего, – потер непривычно пустой после экспресс-бритья от Бельташ подбородок Валт и повел могучими плечами. – Раньше, говорят, жрецы Восьмерых для магических атак неуязвимы были, не брали их лед, огонь и все, чего магией сотворено.

– А если поднять камень и уронить на голову? – потребовал подробностей представитель нового поколения жрецов.

– Не долетит, коль магией запускали, магия силу потеряет, – поморщив лоб, выдал бугай. – Потому в любых битвах жрецам, особо Ирната иль Зебата, цены не было. Божественный щит дорогого стоит! Единственно, друг против друга никогда служители Восьми не выходили. Маги ж за любую работу берутся, только плати. Прежде они лишь пред простыми людьми грозны и сильны были, а пред посвященными Восьми чисто дети с забавными игрушками, как ни велика их сила прочим казалась. Да только сейчас ни жрецов истинных по Вархету, кроме вас, не сыскать, ни магов, великой мощью обладающих.

– По ходу дела, прав был дядя со своей идеей о проводниках и адаптерах. Вот тебе и сообщающиеся сосуды! Силу давали боги, она текла в мир жрецам, далее магам и всему миру через магию. Боги ушли, притока силы нет, жрецы исчезли, магам остались жалкие крохи энергии, – похмыкал Денис, вспоминая и сводя воедино рассказы богов, жреца Нерпата и дядюшкины речи.

Наемник на это лишь кивнул косматой головой и приложился к кружке. Больше никто дразнить жонглирующего огнем парня не стал. Тренькающий в углу менестрель, адекватно оценив свои музыкальные потуги и кривящуюся физиономию Дэна, предпочел завершить представление и свалить в туман. Вдруг и его шариком отоварят сгоряча?

Посрамленные наемники в трактир более не вернулись, справедливо

решив не дергать тигра за усы. Они ведь не знали, что имеют дело с игривым котенком, а не матерым хищником. Озабоченная Света тишком спросила у Валта, не стоит ли опасаться засады, на что бугай хмыкнул и брякнул как есть:

– В своем доме и пес не гадит, так чего ж людям-то? Если где за стенами городскими столкнемся, то по-всякому может обернуться, а тут нет.

Перекусив, команда снова направилась к кондитерской, где священнодействовала над новым словом в мире сладостей мастерица. Положенные три часа еще не подошли к концу, но тройка решила попытаться счастья и не прогадала.

Довольная и вдохновенно-разрумянившаяся кондитерша выставила перед заказчиками небольшую, чуть приплюснутую корзину, торжественно откинула крышку и продемонстрировала сотворенный шедевр: небольшое озерцо-желе, по которому плыли три марципановых цветка с яблочными сердцевинами.

– Ух, красота! – восторженно выдохнул Денис. – Такое и дарить не стыдно, и в дар принять приятно! Дира, вы – гений!

Пухленькая дира Кетлеш польщенно зарумянилась, зацвела розой и сама предложила скидку в благодарность за удачную идею оформления товара. Ломаться изрядно потратившиеся на бисер попаданцы не стали. Яблочно-лилейное совершенство заняло свое место в руках Валта, обнявших корзинку, словно мать долгожданного младенчика. Заодно купили и сладостей для дыры Иргай. Дениска посчитал полезным задобрить вредную старушенцию. Если рот занят сладостями, его для содержательной лекции точно не откроешь. Не то чтобы Дэн был категорически против учебы, просто считал, что свою порцию наук он полной ложкой вычерпал в школе и институте, а остальное как-нибудь мало-помалу чайной доберет, и не надо все водопадом обрушивать. Временами и вовсе возникает ощущение клизмы, вставленной прямо в ухо. Потому, благо зубы у старой перечницы имелись, Дэн набрал сластей из разряда «долгоиграющих», не делясь коварными планами со слишком честной сестрой.

Компании осталось только свернуть в ближайший проулок поукромнее и вызвать Пацана. Но ближайший, наивно избранный Денисом в целях птицепортации, оказался не укромным уголком, а маленькой площадью с цветочной лавкой. Вокруг нее редкими насекомыми вились покупатели.

Уставившись прямо на ведерко с пышной охалкой чего-то, вероятно, дешевого и напоминающего синие гвоздики, айтишник хлопнул себя

ладонью по лбу и быстро спросил у Валта:

– Слушай, приятель, а у вас живые цветы в горшках продают?

– Э-э, – завис источник информации и потянулся к подбородку. Пальцы вместо любимой бороды опять ткнулись в жесткую щетку отрастающей щетины.

– Не знаешь. Значит, будем действовать эмпирически! Обожди меня тут, Светик! – провозгласил Дэн, вручая сестре корзинку с веревками, и зашагал к лавке, чтобы осыпать вопросами молоденькую цветочницу. Та вдохновенно подбирала букет на шляпку для пожилой леди и, метнув кокетливый взгляд на симпатичного юношу, звонко пискнула в ответ:

– Мама!

Как оказалось, это был не панический вопль о помощи, а призыв родительницы. Пококетничать с кем-либо, когда за спиной такая мама с хищным огоньком в глазах: «Выдам замуж немедленно или нечего девке голову дурить», – было попросту нереально.

Старшая цветочница проворной щучкой выскользнула из недр лавки, выслушала клиента и, расплывшись в довольной акульей улыбке, утянула его на глубину. Появился братец из магазина с очередной невысокой корзинкой наперевес и довольной миной.

– Во! Называется колокольчик Илай! – похвастался находкой Дэн. – Если не это дарить, то я вообще не знаю что! Мне как начали всякие цветки перечислять, будто я в них разбираюсь! Чуть не окосел! Хорошо хоть знакомое название выхватил. Из-за него выбрал! Сказали, цвести до осени будет, только не забывать поливать!

Денис откинул крышку корзинки, демонстрируя растение. Оно и впрямь походило на колокольчик с крупными цветками, меняющими оттенок от нижнего, насыщенно-фиолетового, до верхнего, цвета нежнейшей голубизны.

– Красиво! – честно согласилась Светка, больше любившая яркие георгины и астры, полыхающие костром по осени и хоть немного согревающие душу в преддверии долгой зимы. – Только как его по холоду под горы тащить? Замерзнет же!

– Ничего, думаю, дядюшка что-нибудь с обогревом придумает, – отмахнулся Дениска. – Как-нибудь донесем, а если нет, так и любой цветок по холоду зачахнет. Без горшка небось еще быстрее.

– Разумно, – кивнула сестра, поудобнее перехватывая свою корзинку с мотком шнура и бисером. Валту досталась самая тяжелая, со сладостями.

Так, совершив необходимые покупки и ни с кем не подравшись (метание огненного апельсина не в счет), команда покупателей все-таки

добралась до переулка нужной степени укромности. Ветер и налетевший клетот подхватили троицу и перенесли во внутренний двор замка Кергот.

Пацан исчез в кладовой со свежатиной, а попаданцы принялись демонстрировать дядюшке покупки. Не потому, что неудержимо тянуло похвастаться, а потому как срочно требовалось определиться с магическими возможностями старшего родственника по сохранению и транспортировке даров.

Тут Денису повезло. Чары хранения дядюшка знал и обещал применить и к колокольчику Илай для Илай и к яблочной композиции для Алхой. В благодарность за это айтишник похвастался честно заработанным авансом по веревочному договору, которому было предопределено место в чаше Сигета.

Сдав с рук на руки два дара, попаданцы разбрелись по своим комнатам. Прогулки кончились, предстояла кропотливая работа по плетению. Единственное, чему осталось радоваться, что никто из них не взялся за вышивку. На этот вид прикладного искусства времени потребовалось бы на порядок больше. Со своими поделками, если прерываться только на еду, сон и короткий отдых, за пару дней мастера-любители должны были справиться.

Словом, жрецы плотно занялись подготовкой даров, а дядюшка делами владения. Благо бюрократия на Вархете не достигла вершин, присущих земной. Возиться с горой бумаг и собирать подписи в многочисленных инстанциях, чтобы доказать властям, что его наследство именно его и ничье больше, Ригету не пришлось. Снятие печати с замка Кергот автоматически подтверждало все его права и прилагающиеся к ним обязанности.

Дядюшка лишь озаботился написанием завещания, копию которого отослал с птичкой-почтальоном блюстителю права в Брис. По этой бумаге своими наследниками Ригет признавал обоих племянников в равной степени, а управляющего назначал смотрителем имущества. В помощь ему на хозяйстве в качестве физического проводника интеллектуальных решений оставался Валт. Бывший наемник, принесший клятву, почти обиделся, узнав, что его не берут в космонавты, то есть в путешествие на поиски храма Восьми. Пришлось дядюшке толкнуть прочувствованную речь о великом значении присмотра за родовыми владениями Керготов, для которого крайне необходим не только неживой призрак, а и живой наемник, прекрасно поладивший с управляющим. Делать нечего, Валт поворчал и смирился со своим новым местом в мире.

Все полнились ожиданием, счастлива по уши была дира Иргай, погрузившаяся в детальный осмотр и опись древнего храма. Доклад о найденной святыне она собиралась отправить коллегам в академию со Сластеной.

Валт мучился, раздираемый желанием сопровождать Ригета к неведомому и одновременно сильной опаской влипнуть в нечто такое, что не предназначено простым смертным. Пока долг перевешивал.

Глава 23

Птицепортация в Валидик

Жемчужно-белая лебедь распахивала крылья на серебристо-голубой сетке-колье. Веревоочная птица грозно хмурила пушистые брови и потряхивала еще более пушистыми кончиками ушей. Тонко благоухал дивный колокольчик Илай. Источало сладкий аромат кондитерское озерцо с нежными яблоко-лилиями. Посверкивали честно заработанные монетки. Желтел клык, из которого Нерпат, вспомнив подростковые годы ученичества, вырезал не филина – никак не ложился этот образ на кость, – а отлично получившуюся голову гончей смерти с оскаленной пастью. Тускло, в седьмую (демонстрационную) частицу силы светился артефакт-фонарик. Дары для каждого из богов были готовы. Все обитатели замка, причастные к тайне и будущему походу, рассматривали подношения, пытаясь для себя решить: все ли возможное сделали они, угодят ли Восьмерым настолько, чтобы двое молодых жрецов смогли позвать и дозваться.

– Ну чего, пакуемся и в путь? – первым не выдержал нетерпеливый Денис.

– Промедление лишено смысла, – признала дира Иргай. – Лучше погода на хребте Раздела не станет. Вечный снег и лед с вершин без следа не исчезнут.

– Зато храбрость может и закончиться, я вообще темноты боюсь, – с ухмылкой сообщил айтишник.

Светка только тихо вздохнула. Если кто и боится темноты – не ночи со звездами, а полной и глухой, царящей в подвалах, так это она. Как-то раз сходила за картошкой. Дверь была открыта жильцами, и девушка понадеялась, что быстро обернется. Не успела и потом часа три ждала в темноте, с севшим фонариком, пока Денис догадался, где искать сестру, и вызволил ее из заточения, зареванную, с распухшим носом.

В такт внучке вздохнул и дедушка-призрак, оставляемый на хозяйстве вместе с управляющим и жрецом Нерпатом. Все остальные отправлялись на поиски забытого подгорного храма вместе с подневольно-добровольными, как та кошка, слизавшая горчицу из-под хвоста, жрецами богов.

Валт имел вчера вечером долгий разговор с дядюшкой Ригетом и

уговорил-таки его. Скорее всего, решающую роль сыграли габариты наемника, обеспечивающие его высокую грузоподъемность, и умение владеть оружием.

Диру Иргай оставлять в замке никто не пробовал. Боевая старушка ничего слушать не хотела о потенциальных опасностях и трудностях пути, потому что маячивший впереди приз – возможность первой из современных ученых ступить под сень древней святыни – перекрывал для фанатки науки все риски. Она, пожалуй, была готова заплатить за такой дар и жизнью.

Бельташ и гончие Зебата шли прицепом к парочке жрецов в качестве телохранителей и возможных советников. Память древней рыцарши проявляла себя причудливо, но в бесполезности ее никто упрекнуть бы не мог.

Дядюшка Ригет следовал за младшими родственниками для магической поддержки. И... да что скрывать, за несколько дней, которые старший Кергот провел рядом с племянниками, он искренне привязался и к невозможному говорливому парню, и к разумной, пусть несколько пугливой и очень озабоченной чистотой девушке. Родная кровь – не водица. Как ни бурчал дядя, мрачно хмурясь, а все ж был рад, что по прихоти старика Итната в его жизнь вошла парочка попаданцев, хотя, признаться честно, они могли бы не топтать так громко!

Вот так получилось, что из замка Кергот в Ликладик отбывало шестеро, не считая трех собак. Птиц божественной категории – посланца Сластену и перевозчика Пацана – в расчет не брали. Они оба такие: в один миг здесь, а в следующий там, куда Макар телят не гонял.

Никому из членов группы в Валидике прежде бывать не доводилось. К счастью, для ориентировки в пространстве Пацану хватило картинок из памяти торговца «Сокровищ Ликладака». Потому оказались путешественники на булыжной мостовой улочки, забиравшей круто вверх. Невысокие, по меркам попаданцев, одно- и двухэтажные каменные домишки с массивной дверью на первом и непременно боковой наружной лестницей на второй этаж, обступали гостей. Окна в домах были маленькими, с основательными ставнями, чтобы холод и снег не проникли внутрь в сезон. Черепичные, поросшие мхом крыши надвигались на глаза-окна, как кепки-аэродромы. И все это серовато-зеленоватое человеческое меркло на фоне величественных гор, окружающих городок.

– Симпатично, – навскидку оценил Дэн, озиравшийся по сторонам. – И где наша лавка?

– В Валидике не приняты вывески, надо смотреть на предметы,

подвешенные слева от двери, – поучительным тоном выдала высокообразованная дира Иргай, сделала решительный шаг вперед и пошатнулась.

Ригет первым подхватил хрупкую старушку, оседающую на бульжники.

– Что-то голова закружилась, – хватая ртом воздух, виновато каркнула дира. – Дышать тяжело. Ничего, сейчас...

– Акклиматизация! – осенила Светлану информация из мысленной медицинской картотеки. – Мы же одним махом в предгорьях оказались. Дира пожилая. Давление, возраст, нагрузка на сердце. Надо ее усадить где-нибудь и напоить горячим!

Скрипнула дверь ближайшего дома слева, где слева на крючке висели большая кожаная сумка и пояс. Показалась лысая – два пегих клока по бокам над ушами не в счет – морщинистая голова в вязаном колпаке-буденовке, тощая шея, вокруг которой змеиными кольцами улегся воротник лапи, и все остальное в жилетке мехом вовнутрь на когда-то широких плечах. Старик охнул, распахнул дверь пошире и скомандовал:

– Тащи диру сюда, парень!

Поименованный парнем Ригет, не слушая слабых возражений диры Иргай, подхватил ее на руки и внес в дом. Остальные, не считая растворившихся в тенях собак, подтянулись следом. Бельташ осталась караулить снаружи. Прочие утрамбовались в помещение, оказавшееся одежной лавкой.

Диру Иргай сгрузили на стоящее в углу кресло под меховым одеялом. Лысый старик зазвенел посудой, велел Светке подсобить. В четыре руки они быстро соорудили непонятный горячий напиток, отдающий лимоном, в который было вбито четыре ложки чего-то тягучего, как патока, и желто-зеленого.

– Это трыш, из нашенских ягод делают. Испить дуре надобно. Вкус, конечно, особый, но сердчишку поможет, и шум из головы потихоньку уйдет, – посоветовал старик.

Светка пригубила парящую глиняную кружку и согласно кивнула, поясняя для брата:

– Кисло-сладкий витаминизированный напиток. Полезно!

Совместными усилиями с грехом пополам в бледную как смерть старушку удалось влить полную кружку.

– Туточки посидит малость и очухается, – довольно крякнул старый лавочник.

– Я могу идти, – попробовала трепыхнуться нестибаемая бабушка,

удерживаемая в кресле силами дядюшки и Светки.

– Зачем? – громко удивился Дэн. – Мы ж нашли то, что искали! Вы ведь, дир, дядюшка Терпаш, владелец одежно-обувной лавки на улице Восьми Вьюг?! У нашего дядюшки от вашего племянника из Бриса и записочка имеется!

– О как! – удивленно хлопнул по шерстяным плотным штанам с кожаными нашлепками на коленях дедок, пока Ригет извлекал из футляра на шее записку. – Неужто малыш Криташ о старике вспомнил?

– Ага, аккурат после того, как пытался нам некондицию для визита в Ликладик впихнуть, за любителей маскарада приняв, – жизнерадостно рассмеялся Денис, с любопытством оглядывая полки в лавке, заваленные товаром.

– Ха, точно Криташ! – хохотнул Терпаш, узнавая повадки племянничка. Старик повертел в руках записку племяша, глянул вскользь и сунул за пазуху. – Стало быть, вам четыре полных комплекта надобно, чтобы в горы пойти?

– Шесть, – поправил торговца Ригет, с невольным сомнением покосившись на диру Иргай. Слово «пять» из его уст так и не вылетело. Слишком хорошо знал дядюшка свою бывшую преподавательницу. Отказаться от похода из-за какой-то акклиматизации старушка была не способна. Упрямая бабушка скорее готова была окочуриться в горах, нежели пренебречь мечтой исследователя и ученого. Возможно, последней мечтой.

Комплект для Бельташ тоже решили покупать не ради защиты от холода, но для маскировки ее ненужности.

– Это вы удачно зашли, дыры! У меня есть все, что, как вы думаете, вам понадобится, и даже то, о чем вы не думаете, но что наверняка сгодится! Хребет торопливых и небрежных не любит!

– Чувствуется, он любит дополнительные расходы из раздела «пошел за прокладками для жены и ушел с удочкой, костюмом рыболова, палаткой и мешком странника», – подхватил Денис, вызвав у старикана приступ гогота.

– Не настолько, дыры, не настолько, – отсмеявшись и утирая слезы, скрипнул старик и, уняв веселье, взялся за подбор одежды и всего потребного для путешествия в горы с усердием хорошего продавца, совмещенным с истинным опытом бывалого путешественника.

Старый Терпаш без всякой помощи в одиночку быстро обеспечил покупателей всем нужным и не ободрал их как липку. Во всяком случае, как отметил Ригет, когда нагруженная компания (налегке шла лишь дира

Иргай) покинула лавку, в любом другом месте они бы точно переплатили впятеро или того больше.

Теперь же путешественникам осталось лишь подыскать место для ночлега, провести под крышей ночь и выдвигаться в горы. Без проводника? Нет, конечно, не без, а «с». И на поиск этого «с» у компании был предусмотрен целый вечер. Старый лавочник сильно жалел, что оба его родича, знающие горы пусть не как свою ладонь, а все же неплохо, сейчас отсутствуют в городе. Скрепя сердце, переживая, кажется, больше об упущенных барышах, а не о компании путешественников, дал наводку на трактир с незатейливым названием «Путник». Именно там собирались те немногие охотники и добытчики, которые не только рисковали соваться в горы в одиночку, но и порой, если им хорошо заплатить, брались за нелегкую и неблагодарную миссию проводника странников-любителей.

После небольшого совещания прямо по пути следования компания решила совместить необходимое с неотложным и явилась в трактир, чтобы решить разом две проблемы: снять нужное количество комнат на ночь и там же подыскать проводника, согласного отправиться туда, почти не зная куда, на поиски того, о чем заказчики имели самое смутное представление.

Кряжистый бакенбардистый трактирщик осматривал гостей, как полицаи на допросе, но, почему-то задержавшись взглядом на Светкином чистом личике и зеленоватой физиономии Иргай, комнаты сдал. Шести у него не нашлось, ну да и трех хватило. Валт устроился с Денисом и Ригетом, дяде Иргай компанию составила Бельташ, чтобы присматривать за старушкой. Светке от дядиных щедрот выпала целая одиночная комнатка размером чуть больше пенала, зато без насекомых и с чистым постельным бельем.

Когда устроившиеся жильцы сползли вниз на обед, дядюшка насел на трактирщика с расспросами о проводнике. В зале, не считая тройки явно мастеровых и очень голодных ребят, наворачивающих какое-то мясное варево, не было ни души.

Трактирщик пощипал бакенбарды, бухнул перед дядюшкой большую кружку пива и ткнул пальцем вверх:

– Только Горат, из тех, которые везде ходят и порой компанию берут, сейчас в «Путнике». Проводник-то он хороший, будто Восьмью в макушку целованный. Чутье имеет иному зверю впору. Тропу верную завсегда выберет! Коль сговоритесь, слушайте его, как мамку. Только раньше вечера его не ждите, выход сердаловой жилы нашел, самородков выбил, теперь гуляет.

– Пьет? – понятно предположил Дениска, пристроившийся к чинной

беседе.

– Гуляет! – укоризненно сдвинув брови, поправил трактирщик и шлепнул по руке мальчика, тянущейся к дядюшкиной кружке. – Какой же резон пить до одури?

– До одури и не надо, – бодро согласился парень, – но губы-то помочить можно?

На свои двадцать четыре Дэн по местным меркам никак не выглядел. Воспринимали его как сильно и враз вытянувшегося из вчерашнего пацана юнца, который еще вчера мамкину титьку сосал.

Дядюшка снисходительно усмехнулся и подвинул к племяншу свою кружку «на попробовать». Дэн нюхнул, подозрительно скривился и глотнул. Пробу внутри себя он удержал лишь потому, как с трактирщика после такой демонстрации стало бы вышибить критикана за дверь пинком. Уж больно подозрительно смотрел мужик на дегустатора. Дэн выдохнул, отдал кружку в полное дядино пользование и обреченно подытожил:

– М-да, не «Хайнекен» и даже не «Балтика». Лучше уж компот со Светкой пить.

– Иди и пей, пока умные люди толкуют меж собой, – наставительно посоветовал Ригет и, не обращая на племянша внимания, вернулся к разговору:

– Хм, как думаешь, можно будет проводника подрядить?

– Это как кости упадут. Горат за большой деньгой не гонится. Ему главное, чтоб интерес был. Компания у вас занятная. Зачем на хребет стремитесь, говорить не торопитесь. Может, об чем и сговоритесь. Только девочку берегите, он до каждой юбки охоч; как жена в горах сгинула, и вовсе удержу не знает. – Трактирщик кивнул в сторону Светки и пояснил: – На дочку мою похожа, младшенькую. Та к травнице в ученье пошла.

– Сгинула? – выловил подозрительное словечко Ригет, вовсе не желавший присоединяться к числу тем или иным способом пропавших на просторах Ликладака.

– Их семьи испокон веку дружили, Горат с Валай вместе с отцами на хребет ходили. Как подросли, отцы и сговорились, но никто из молодых не противился. Может, любовного безумия Илай у них и не было, зато нравились они друг другу всегда. Горы же тогда, когда беда случилась, тряслись изрядно, не только Валай с Горатом обвалом накрыло. Оползни и в город сходили, пара домов из тех, что похлипче, рухнули. Потому ты о недобром и не помысли, дир. Парень сам едва живым приполз. Руку

сломал, грудь ему помяло изрядно, с треть года отлеживался. Для Валай же хребет могильный курган насыпал, королям впору. Долго себя Горат потом клял, что чутья своего ослушался...

– В горах так опасно? – вновь влез в беседу Дэн.

– Везде опасно, парень, если не знать, как, куда, с чем и зачем идешь, – философски ответил трактирщик, набулькал себе кружечку и обновил содержимое дядюшкиной, продолжая неспешную беседу о «прелестях» хребта Раздела и местном житье-бытье. Благодарный слушатель в дядюшкином лице внимал. Дениска тоже наострил уши, и пусть его за полноценного собеседника не считали, зато не гнали и порой отвечали на вопрос-другой.

Так до вечера, с перерывом на небольшую прогулку по городку, протекло время. Когда Горат изволил спуститься вниз, в общий зал, служанка принесла весточку, и вся компания отправилась на переговоры.

Глава 24

Проводник в дыму

Мужчина сидел в самом дальнем и темном углу. Капюшон плотного плаща был демонстративно надвинут на глаза, длинные ноги в высоких ботинках выставлены в сторону зала. Вдобавок этот подозрительно-мрачный с виду тип курил. Вонючие клубы дыма вырывались из его рта без периодичности, зато достаточно часто, чтобы создать полномасштабную дымовую завесу, в которой терялся и сам Горат, и половина трактирной залы в придачу.

Помахать кулаками проводник был не дурак и нынче вечером, после вчерашних развлечений с дамами облегченного поведения и принятия на грудь крепких напитков, явно провоцировал желающих поразмять кулаки.

Светка, в жизни не нюхавшая такой дикой вони, сразу расчихалась. Пожалуй, с ароматом табака Гората мог соперничать лишь запах бомжа, как-то раз случайно забредшего на территорию садика вместо ближайшего сквера.

– Иди-ка, племяшка, назад в комнату, – посоветовал пожалевший девушку Ригет, каких только штук не нюхавший и не кутивший за свои годы в наемничьем отряде.

– Ты не волнуйся, мы ему в контракте про курево пропишем отдельно, – шепотком подбодрил заупрямившуюся сестренку Дэн и прямым ходом направился к столу потенциального проводника.

– Восемь с тобой, дир Горат! Здорово маскируешься! Если кто и узнает, что ты тут сидишь, все равно от удушья помрет раньше, чем чего плохое сделать успеет! Жалко только, что и хорошего тоже того... – без особых церемоний шлепнувшись на табурет рядом, провозгласил айтишник.

– Чего того? – невольно заинтересовался проводник, на миг выпуская изо рта мундштук.

– Ни хрена не успеет, если, конечно, нос не забит начисто, – широко ухмыльнулся Дениска.

После беседы с хозяином трактира на переговоры с привередливым проводником решено было отправить именно Дэна как самого любопытного и экзотического представителя команды, не считая Бельташ. Рыцаршу не пустили, опасаясь остаться сразу вовсе без проводника. Порой

рыцарь смерти не понимала самых невинных шуток, о чем наглядно свидетельствовал бритый подбородок Валта.

– Чего тебе надобно, паря? – усмехнулся проводник, убирая ногу от ножки табурета, который собирался вышибить из-под наглеца и насладиться видом приземляющегося на жесткий пол остроумца.

– Нет, не мне, нам! Нас шестеро, нужен ты и только ты! Проводник по хребту Раздела! – патетично провозгласил Дэн.

– Шестеро кого? – с ленцой уточнил проводник, по-прежнему не снимая капюшона.

– Я, сестра моя, наш дядька, одна очень ученая дира и парочка охраны. Рыцарь и наемник, – расторопно перечислил Дениска и тут же прибавил: – Ясен пень, не за бесплатно. И вообще – интересно будет!

– Сколько?

– Как договоримся, – снова быстро ляпнул айтишник, ни черта лысого не смысливший в тарифах на местные услуги, в отличие от дядюшки. Старшего родича он и собирался натравить на дымящий паровоз в человеческом обличье, как только заполучит принципиальное согласие. Ригет-то из собут... то есть собеседника-трактирщика выжал на тему гонораров все, что мог, и даже больше. Закрепляя успех, ретивый выюнош ляпнул:

– Половину сразу заплатим, остальное по возвращении, а ежели нас какой лавиной на хребте с концами накроет или еще какой форс-мажор приключится, мы вон хоть ему, – Дэн махнул в сторону стойки и кряжистого владельца «Путника», – деньги оставить можем.

– Убирайся! – процедил сквозь зубы Горат, побелевшие пальцы которого стиснули мундштук трубки так, словно сломать его стало новой целью жизни проводника.

– Э-э, полегче, чего так сра... – начал Дэн, чуя сквозь вонь курева отчетливый запашок ментального керосина.

– Пожалуйста, – раздался тонкий голосок Светки, задержавшейся на лестнице, где пока еще можно было дышать хотя бы через раз. Она поняла, что сказанное братом почему-то сильно задело и взбесило Гората. – Нам очень нужен проводник на хребет Раздела.

– Еще скажи, вопрос жизни и смерти! – процедил мужчина. – Чего тебя-то в горы несет, дира? Ноги переломать скорее охота?

– Вы только что сами сказали, – просто и как-то почти обреченно ответила девушка, изо всех сил стараясь не дышать.

– Садись, дира, спрошу еще. – Гнев Гората от слов светловолосой малявки угас костерком под весенним ливнем.

– Не могу, – жалобно шмыгнула носом Светлана.
– Кому молчать обещалась, дира? – вновь встрепенулся проводник.
– Нет, меня тошнит от запаха вашего курева и от дыма перехватывает горло, – честно пожаловалась враз осипшая бедняжка, прочувствованно хлюпнув носом.

– Эк тебя разобрало, зеленая уж вся и шатаешься, – пожалел собеседницу мужчина, оценив влияние любимого зелья на мелкую собеседницу, отложил трубку и встал. – Пошли наверх, там все обскажете.

Из трактирного зала по лестнице в самую большую комнату, которую отвели дядюшке, Валту и Дэну потянулись и остальные. Единственно, Валт и Бельташ внутрь не вошли, оставшись стоять у приоткрытой двери, и вовсе не по причине повышенной скромности. Если в задымленном зале трактира они худо-бедно могли разместиться у стола проводника, то в комнате – никак. Если только встать столбами или лечь штабелями, что к деловой беседе не располагало.

Все худо-бедно расселись на двух (одна пошире, вторая поуже) кроватях, стоявших буквой «Г», и одним случайно забравшемся в комнату стуле. Его оккупировал сам проводник.

– Восемь с вами. Это, как понимаю, дядюшка, – начал идентификацию заказчиков проводник, откинув капюшон с безбородого лица с небольшими усами а-ля д'Артаньян. Палец указал на Ригета, тот кивнул. – Сестра и ученая дира, – палец сместился к Светланке и дире Иргай. Нормально-смуглый цвет лица старая дама успела себе вернуть, пусть и щеголяла шикарными темными кругами человекообразной панды под запавшими глазами.

Получив подтверждение личностей, проводник с сомнением уставился на Валта и Бельташ. Слова «рыцарь» и «наемник» с личностями прекрасной русокозой девы и лохматого здоровяка не очень вязались. Кто-то один из двоих казался лишним.

– Подробности представления вам, дир, понадобятся лишь в случае согласия на миссию проводника, – прохладно ответила на незаданный вопрос Бельташ, не спешившая исповедоваться о своем предназначении.

Орлиный нос Гората с хищно вырезанными ноздрями дернулся. Такой компанией желающие сходить на хребет к нему никогда не подваливали. Чаще всего клиентами были одиночки или группки старателей, мечтавших наткнуться на крупный выход сердала и враз стать богачами. Порой являлись охотники – любители экзотики, грезящие шкурой харга у камина. Несколько раз набивались торговцы, которым срочно требовался проводник за перевал. Но таких... да, таких странных заказчиков у него еще не

бывало. Горат почуял по-настоящему увлекательную тайну, и это решило дело.

Он еще поупрямился для виду, неодобрительно зыркнул на Дэна, посмеявшегося заподозрить его в желании прикончить клиентов, но проворчал:

– Еще скажите, клятву вам о хранении тайны на крови принести!

– В храм не пойдем, но всеми Восемью поклянешься, – подхватил дельную мысль дядюшка Ригет.

– Неужто все так серьезно? – вскинул брови проводник.

– Еще серьезнее, дир, – наставительно поправила Гората старая перечница.

– От оно как, – потер подбородок мужчина и, решившись, промолвил: – Пусть Восемь все мне свидетелями будут, кровью своей клятву скрепляю, о целях похода на хребет Раздела молчанье хранить, коль не будет в том беды и ущерба Ликладу.

В подтверждение клятвы Горат снял с пояса нож, кольнул острием подушечку большого пальца и слизнул выступившую каплю крови. Полосовать ладонь вне храма и вдалеке от целителей никто от него и не потребовал. Если завтра в горы, а проводник на одну клятую руку инвалид, что толку в его верности? Сплошь вредительство получается!

Слова клятвы растворились в воцарившемся молчании. Участники сборища пару мгновений решали, кому выпадет честь изречь веское слово о цели экспедиции. Не дождавшись решения большинства, Денис взял удар на себя и провозгласил:

– Мы ищем подгорный храм Восьми богов, наверное, последний из уцелевших на Вархете!

– Опа, – хлопнул по коленям удивившийся проводник, откинувшись на спинку стула. – С чего вы решили, что он вообще есть под хребтом, и тем паче где-то поблизости? Я о таком слыхом не слыхивал, а ведь сызмальства по горам бродил. Вырос тут, все байки стариков слушал, от вранья истинного до правдивейшей из правд.

– Ирнат сказал. Мы с братом его жрецы, – тихо вставила Света и, не дожидаясь сомнений в своем душевном здоровье, отвернула рукав рубашки, чтобы показать метку – распахнувшего крылья черного ворона.

– Девочка, куренья в храмах иной раз видения причудливые навевают, – с жалостью косясь на блаженную, намекнул разочарованный проводник. – И твой красивый рисуночек на ручке тому не доказательство.

– Не кощунствуйте, юный дир, – строго велела дира Иргай. – Не стоит путать картинки, которыми метят друг друга жрецы, с печатью истинных

избранников, получивших свой знак от касания дланей бога в храме!

– Да ладно, если нашему проводнику доказательства нужны повесомее слов и картинок, получит! Погодь, сейчас ты узришь глюк! – заверил скептика Дэн, пошарил в мешке, натянул на руку крагу и позвал: – Сластена!

Ворон-посланник, мини-версия, с ума сходявший по сладостям и сдобе, нелепое прозвище Сластена, брякнутое Дэном, принял мгновенно. Может, дело было в трех ягодных кексах, сопровождавших процесс имянаречения?

– Кра-а! – раздался пронзительный крик ворона-посланника, шлепнувшегося на подставленную руку. Задабривая письмоносца, Денис тут же сунул в клюв кусок сладкого пирога с подноса. Ворон сглотнул подачку одним махом и более милостиво повторил: – Р-р-а-а-т!

– Прости, я тебя как доказательство должности вызвал. Этот мужик не поверил, что мы жрецы, отмеченные Ирнатом, – повинился айтишник. – Нет, бить его клювом не надо. Дырочка в голове не гарантирует результата. Может, конечно, что-то в черепе и прибавится, а ну как последнее вытечет? Нам же нужен проводник без трепанации, знакомый с местностью. Потому я тебя, а не Пацана вызвал. Тот парень резкий как понос, чего доброго, сразу по кумполу – тюк, и амба.

– Кра! – снова выкрикнул Рат, и без перевода с птичьего все совершенно отчетливо поняли, что хотел сказать птиц: «Ну и дурак!»

– Кхм, извиняйте, дыры, – в полном обалдении протянул Горат. – Так вы, стало быть, истинные жрецы Ирната?

– И не только, – брякнул Денис, демонстративно выпятив грудь и отпуская Сластену. Бросив крагу на пол, парень протараторил: – Только я раздеваться, чтоб ты на метки мог полюбоваться, не буду, я вообще щекотки боюсь, дядька и дира Иргай в прошлый раз чуть не до смерти защекотали. Светка вообще барышня стеснительная, если ты прям сейчас на ней жениться не желаешь, то тоже ничего не покажет.

– Откуда ты только такой говорливый взялся. – Проводник помотал головой, будто пытался вытрясти из нее лишние слова.

Хамски сосватанная Светка не постеснялась отвесить болтливому братцу увесистый сестринский подзатыльник, задумавшись вслух над тем, не нуждается ли в лишней дырочке в голове ее говорливый родственник.

– Откуда я взялся, там таких больше нет, всего два экземпляра были: я да сестра, потому дорога нам легла дальняя в горы Ликладика, – объявил Денис и покосился на дядюшку, передавая эстафету.

Ригету выпадала возможность решить: говорить ли все проводнику

или промолчать. С учетом того, что, найдись храм в горах, предложить диру Горату постоять в сторонке, пока жрецы будут заняты ритуалом, вряд ли получится, дядя решил на откровенность:

– Свельта и Денъес избраны богами не потому, что самые достойные – а просто других не нашлось. Восемь, ушедшие за пределы Вархета, смогут вернуться, лишь если их позовут те, кто сам пришел из-за пределов. Я вызвал племянников из другого мира на руинах храма Зебата и тем самым невольно решил их судьбу.

– Постойте, значит, кроме Ирната их пометил еще и повелитель мертвых? – запутался или пытался подловить собеседников на лжи Горат.

– А то ж! Вот на кулон жреческий полюбуйся! – Денис вытащил из-под одежды серебряный кругляш с тремя птицами. Светлана повторила жест брата.

– В том-то и дело! Свельте и Денъесу довелось узреть в видениях и получить метки троих богов: Зебата, Алхой и Ирната. Следующая встреча с кем-то из Восьмерых, как предупредил Ирнат, может стать для моих племянников последней. Они всего лишь люди, а боги – это боги, их благословение и касание порой хуже проклятия. Слишком велика сила, – посетовал Ригет, искренне переживая за младших родичей, пусть порой и не подавал виду. Вздыхнув, дядя тяжело продолжил: – Боги не остановятся, они желают вернуться на Вархет и видят в Денъесе и Свельте своих проводников. Единственный шанс для моих племянников уцелеть – воззвать к Восьми в их общем храме, тогда сила одного из богов не возьмет верха над силой другого, и равновесный поток не причинит вреда воззавшим. Мы приготовили дары, дира Бельташ, рыцарь смерти Зебата, восставшая волей его жрецов – Денъеса и Свельты, подсказала ритуал. Осталось лишь отыскать храм и выполнить призыв.

– Берешься помочь с поисками? – важно спросила величественная дева, стоящая стражем у дверей, и чуть наклонила голову.

На долю мгновения Горату почудилось, что улыбается ему не красавица, а скалится голый череп и слышится не мелодичный женский голос, а призрачный шепот под вой гончих псов смерти. Проводник вздрогнул и торопливо отвел взгляд. Он предпочел уставиться на вполне безопасное печальное личико жрицы, не переносящей запаха табака. Уж больно мелкая с виду была девчушка, почти подросток, щуплая и невысокого росточка. Лишь присмотревшись, мужчина, никогда особо не умевший определять возраст (девочка, девушка, женщина, старушка – и хватит тонкостей), решил, что Свельта практически его ровесница или лишь чуть младше.

– Берусь! – решился, как топором рубанул, проводник.

Глава 25

Откровения для проводника

– Чувствую, с вами точно не заскучаешь! Только прежде, чем на хребет идти, не худо бы решить, откуда поиски начинать. Никакой подсказки Ирнат вам не дал? – крикнул озадаченный и оглушенный откровениями Горат.

– Как же не дал? Дал! Сказал, по всему Вархету не надо лазить, лучше под хребтом Раздела сразу искать. У богов-то свои масштабы, – с нарочитой улыбкой идиота провозгласил Дэн.

Он крутил в руках купленную накануне у старого Терпаша карту. Грубый чертеж горного образования отличался столь сомнительными масштабами и уровнем четкости, что даже у хронически неунывающего энтузиаста Дениса уровень оптимизма приближался к критической отметке. Вся надежда у айтишника оставалась на сведущего местного проводника, в чьей голове найдется карта большей точности. Все-таки рекомендованный профессионал! Ведь, если так прикинуть, посади того же Гората перед... да хоть десятком компов и вели сеть настроить, решит, что ему подсовывают невыполнимую задачу божественного уровня. Так и Дэну путь через горы – темный лес, а проводнику – орешки к пиву.

– Мне думается, стоит вести поиск дорог, берущих начало неподалеку от Валидика. Старинный ваш город изначально, скорее всего, был основан исключительно ради приюта храмовых паломников. Это один из ключевых моментов поиска, подтвержденный несколькими старыми летописями, – вступила в беседу дира Иргай и следом выдала еще один странный постулат: – Кроме того, я предлагаю вести поиск от противного.

– Тогда надо искать храм в трубке проводника. Или с его трубкой. Ничего противнее этого табачища я в жизни не нюхал! А ведь я нюхал собственные носки после недели непрерывной носки, когда Светка была у мамки в Италии! Так вот о трубке «от противного»: одна затяжка – и весь мир у ног твоих... – начал Дэн, и был заткнут с удивительной синхронностью очередным подзатыльником сидевшей рядом сестры – раз, и рукой дядюшки по его губам – два.

Пока молодой жрец мычал что-то свое негодующее, не решаясь укусить длань кормящую и карающую, а Горат гордо хмыкал, приняв отзыв о своем куреве за комплимент, ученая старушка продолжила рассуждения.

Вскочив на ноги и принимаясь расхаживать в узком проходе между кроватями, как по лекторию, дира вещала:

– Во-первых, стоит изучить места на хребте в относительной близости от Валидика, где прокладывали древние дороги, пусть от них самих не сохранилось ничего, кроме пары камней-меток, слухов и названий. Вам, дир Горат, под силу отыскать такие места?

– С десяток припомню. Порушены старинные дороги почти целиком, ваша правда. От кое-каких и впрямь лишь намек остался. Тот же провал Паломника в паре дней пути от города. Мимо него или через провал пяток тропок-мостков имеется, – покивал проводник, почесав маковку. – Но если по каждой метке ходить, мы и за год не управимся. В горы-то лишь с конца весны до начала осени ходят.

– Помимо наличия старых дорог и указующих названий, мне думается, стоит учитывать то самое «от противного», – продолжила ученая дама, воздевая в воздух сухонькую ладошку. – На нужной нам дороге не должно быть ничего, способного отвлечь внимание молящегося от пути в храм.

– Не понял, дира, вы на что намекаете? В горах камни, небо, изредка родничок встретится, деревья, кусты, зверье да птицы, если повыше забираться – трава, еще выше снова лишь камни и лед со снегом. Вот и все, – схватился было за потушенную трубку, но все-таки не стал ее раскуривать проводник.

– Родник с особенно вкусной водой, большой причудливый камень, берлоги редких зверей, выход на поверхность жил сердала... – принялась перечислять ученая дира, приведя несколько самых наглядных примеров.

– Вы полагаете, что на настоящей дороге к нужной нам цели ничего подобного не найдется? – уловил мысль дядюшка.

– Или если нечто подобное есть, то обнаружилось сравнительно недавно, – внесла коррективы в версию ученая. – Велика также вероятность того, что старый путь через горы был раньше сквозным, чтобы к храму могли добраться люди с обеих сторон хребта Раздела.

– Хм... – еще крепче задумался проводник. – Поразмыслию.

– Главное, немного сузить круг поисков, – деловито подытожила дира Иргай, что-то черкая в походном блокноте без пружинок, но зато на крепкой бечеве. – Я беседовала с диркой Бельташ. Ее питомцы могут ощутить след древнего божественного присутствия, но лишь вблизи источника.

– Чувствуется, вы мне не обо всем поведали, – насторожился Горат, припомнивший секундное видение рыцаря смерти в виде черепа, скалящего зубы.

– Да ладно, чего ж нам опись на всех животных составлять было? –

удивился Дэн с небрежной отмашкой. – Собачки у дыры Бельташ есть. Охотники и нюхачи. И нас, и себя, и большую птичку всегда рады свежим мясом снабдить.

– Большую птичку? – переспросил хрипло проводник и тоже махнул рукой: – Ладно, парень, лучше молчи, пока у меня голова не треснула. И так с похмелья тяжелая, так ты сверху все валишь и валишь, точно камни в обвал.

Обхватив голову с темными, короткими и очень густыми (иная шапка позавидует) волосами, Горат глухо замычал. Светка переглянулась с братом: первой двигало вполне закономерное женское сочувствие, вторым столько же закономерная выгода: здоровый проводник – это зачастую залог здоровья группы. Ну как он с перепития, недосыпа или еще какого-нибудь «пере» или «недо» что-то жизненно важное прошляпит?

– Сиди тихо, сейчас будем на тебе испытывать силу, дарованную Алхой! – подскочив с кровати, велел Дэн, шлепнув пятерню на макушку Гората. Светкина ладошка легла на горячий лоб бедолаги.

Что делал брат, девушка не знала, сама же прикрыла глаза и, как учила Бельташ, попросила богиню жизни, найдя точку ее силы – низкое ярко-голубое пламя – где-то глубоко внутри себя, рядом с серыми язычками Зебатова огня и стальным костерком Ирната:

– Алхой, помоги, боль убери! Пожалуйста!

Прохладным ручейком полилась сила исцеления, смывая страдания, убирая неумолчный гул в голове, тошноту и жжение в желудке.

– Не болит больше! – восхищенно, веря и не веря чуду, которое сотворили с ним здесь и сейчас, выдохнул проводник. – Клянусь Восемью, не болит! Вы и впрямь жрецы Алхой?! И молились за меня жизнедарительнице?!

– Ну не Зебату же было молиться? – брякнул Денис, снова шлепаясь на кровать. – Нет, поднять тебя мертвяком не проблема, но мы еще функционал преобразования обычного зомби с великолепного рыцаря смерти не освоили, потому поживи покуда!

– Брат шутит, – торопливо заверила Света проводника, нашаривающего на поясе рукоять кинжала, дабы подороже продать свою беспохмельную жизнь и обеспечить нормальное посмертие.

– Конечно, шучу, – нехотя признал Денис под тяжелым обстрелом многозначительных взглядов остальных членов команды и покачивания кувалды, заменяющей Валту кулак. Спорить с собственным тренером, и так гарантирующим ученичку ежедневную порцию синяков, Дэн благоразумно не стал.

Мрачно попыхтев, Горат потянулся было к трубке, как младенец к соске, отбросил ее и устоялся на парочку лекарей-жрецов с превеликим подозрением вперемешку с возмущением:

– Мне курить не хочется!!!

– О, выходит, Светка тебя не только от головной боли, а еще и от никотиновой зависимости вылечила в придачу! Между прочим, знаешь, сколько у нас на родине стоит избавление от этой дурной привычки? Не знаешь, и лучше не знай. Без штанов останешься, а сестренка тебя даром исцелила, на одном голом энтузиазме, спровоцированном тошнотой от запаха!

– Меня только одно удивляет: что ж тебя, такого разговорчивого, еще в люльке не удавили, – буркнул Горат, не став требовать у Светки возвращения тяги к табаку.

Появись у девчушки, сидящей рядом с братом, хоть тень самодовольной улыбки на мордочке, без скандала бы точно не обошлось. Но нет. У Свельты на лице мешались лишь выражение искреннего облегчения, удивление и малая толика вины.

– Светка же лежала с краю, ее, крошечку, беспокоить не хотели, – находчиво отшутился Дениска.

– Только если так, – хохотнул Горат и звучно хлопнул ладонями по коленям. Штаны с кожаными нашлепками придали жесту дополнительную громкость. – Когда выходить думаете?

– Без промедления, остальное на усмотрение проводника, – вставил Ригет.

– Тогда по вещам надо решить. Что у вас есть... – начал мужчина.

А Валт, чтоб время зря не утекало, кивком головы указал Дэну на дверь:

– Пойдем-ка, на дворе разомнемся.

Опытный проводник, дядюшка с кошельком и прочие люди и нелюди остались подбивать дебет с кредитом, перетряхивать вещи и соображать, что еще, помимо продуктов, может срочно понадобится искателям древнего храма в горах.

Хорошо еще всю одежду и обувь из лавки на улочке Восьми Вьюг Горат одобрил безоговорочно, как и заплечные мешки с жестким каркасом для переноски даров богам, позаимствованные в бездонных кладовых замка Кергот. Ну чем не рюкзаки! Дары в них укладывали крайне бережно, сверху еще и чары сохранности дядюшка выплетал с особенной тщательностью. Ригет считал, что Восьми богам негоже вручать дары всмятку, и даже в случае острой нужды с должной благосклонностью такие

«омлеты» не воспримутся. В божественных делах детали, скорее всего, важны не меньше, чем в магии. Дары могли действовать как спусковой крючок призыва, потому если они окажутся не такие, как надо, то и зов жрецов канет втуне. Как Дениска ляпнул: настройка на нужный канал не щелкнет.

Словом, до позднего вечера шли сборы и совершались последние покупки. В гостинице оставалась лишь дира Иргай, которую дядюшка Ригет, совершив невозможное, уговорил поберечь силы для главного путешествия. Достойная старушка ограничила свои прогулки улицей у трактира. А чтобы бабулька именно ходила, а не бегала, дядя еще и Свету к ней приставил. Та сразу ощутила себя воспитательницей при великовозрастном дитяти. Напоминания и просьбы так и сыпались из девушки, пытавшейся сдерживать исследовательские порывы ученой дамы, позабывшей о недавней хвори. Хорошо еще буквально на соседней улочке оказался старинный храм Алхой, и дира Иргай больше часа провела за детальным осмотром культового сооружения. Света же лишь покосилась на широко улыбающуюся статую с расчетливо прищуренными глазами. Для попаданки, после рассуждений Ирната о допустимых жертвах, Дарительница Жизни прочно попала в категорию стерв. Из-за этого девушка предпочла подождать старушку на солнечном крыльце храма, подальше от статуи богини. Дар исцеления, конечно, Светлана оценила и признала полезным, но расплачиваться за него жизнью категорически не желала.

Так и прошел суматошный день сборов, а ночью Света, теряющаяся в жемчужном сумраке, где хохотал филин и сверкали красно-зелено-желтые огни-глаза Зебата, проснулась от раскатов грома. Спустя несколько секунд она сообразила: грозы за окнами нет. Звук исходил из соседней комнаты, которую дира Иргай делила с Бельташ. Никакие толстые доски перегородок не могли заглушить чудовищных раскатов.

Света вертелась с боку на бок не меньше получаса, пыталась закрыть голову подушкой – все тщетно. Звук просачивался сквозь любую преграду! Искрутившись почти до тошноты, Света встала, накинула тяжелый, еще мамин зеленый халат, полагающийся любой девушке для перемещения за пределами спальни в ночное время, и вышла в коридор.

Нет, ей вовсе не хотелось гулять по ночному трактиру, пугая пьяных постояльцев, зато очень хотелось пить. Кувшин с водой, оставленный в комнате, выхлебал вечером братец, пока развлекал сестру историей о походе за покупками. Сухари, сухофрукты, медово-фруктово-ореховые плитки, сыр, крупа и то, что Дениска обозвал сухомясом (колбёасы,

вяленое, копченое и как-то еще «усушенное» мясо), добавились к продуктовому набору будущих альпинистов.

Благо проблем с водой на хребте не было. Отыскать родник не составляло труда. Вдобавок дядюшка Ригет поклялся, что и с дровами проблем не возникнет. Сделать простенький одноразовый артефакт вместо костра для готовки пищи он всегда сможет. Разумеется, Дэн тут же начал интересоваться, почему же любимый дядя не делал такую штуку раньше, почему заставлял племянника собирать дрова для костра? На что получил логичный ответ: раньше не делал, потому что лес был рядом, где сухостоя навалом, и любимый племянник под рукой, вполне годный для сбора дров. Уел, одним словом.

Короче, родной братец под впечатлением от вида и дегустации «сухomyса» вылакал весь кувшин. А девушка и не подумала, что захочется пить ночью. И, разумеется, по закону подлости, захотелось.

Вот и отправилась Светлана по полутемному коридору. Световые грибы, похожие на капли бледно-желтого цвета, заменяли в трактире лампочки и светились едва-едва, как китайский фонарик на последнем издыхании. Но и этого света вполне хватало, чтобы добраться, не переломав ноги, на первый этаж трактира, где находилась кухня. Во всяком случае, когда Света сидела в общей зале, женщина с подносом выходила именно из-за дверей слева от стойки и оттуда же доносились съестные запахи.

– Тоже не спится? – Голос дыры Иргай раздался в полутьме так неожиданно, как вздох привидения из подвала, что Светка охнула.

– Д-да, а там... – Девушка совершенно растерялась, зашевелив пальцами. Если дыра тут в коридоре, то кто же там, за дверью в соседнюю комнату, храпит так, что стены дрожат?

Правильно истолковав недоумение собеседницы и ее жесты, старая дыра, тоже, кстати, щеголявшая в плотном лиловом халате с высоким воротом, хохотнула:

– Нет, не Бельташ, это собаки. Всегда зверей любила, со своим Бойцом тридцать лет не разлучались, как околел от старости, больше не стала собак заводить. На этих смотрю и как своего вижу: верные, умные, сильные. Чудо, а не псы. И не важно, они истинные гончие смерти или обычные собаки. Так же любят, когда им лоб чешут и пузо гладят. Бельташ на меня странно поглядывала, когда я сегодня с псами возиться начала, но не мешала. Наверное, подумала, совсем старуха из ума выжила. Сейчас сидит рыцарь смерти у окна, неподвижная как статуя. То ли размышляет, то ли спит, век не смыкая, а я не стала ее отвлекать и псов будить не стала. Им

больше нашего на горных дорогах трудиться придется. Решила по коридору пройтись. Выходит, храпуны и тебя подняли?

– Не знаю. Возможно, я просто пить захотела, – пожала плечами Света, после трогательной речи ученой старушки расхотевшая жаловаться на псов. – Как думаете, дира, на кухне можно водички найти?

– Проверим эмпирически, – подмигнула дира Иргай девушке, предлагая свою компанию, и две полуночницы спустились по лестнице на первый этаж.

Створка двери в кухонный зал оказалась приоткрыта, и свет там, внутри, горел поярче. На большом разделочном столе с краю стояли масляная лампа и большой поднос. Пласты холодного мяса, сыра и хлеба лежали грудой. Прикладываясь к большому кувшину, с этой вершиной героически боролся Горат.

На шум, издаваемый визитершами, проводник вскинул голову, улыбнулся и отсалютовал кувшином:

– Диры, желаете присоединиться?

– Мне бы воды, – смутилась Света.

– Чем тебе трыш не хорош? Холодненький, жажду знатно утоляет! – удивился Горат, опровергая невысказанную мысль о ночном пьянстве. Трезвый обжора показался дамам компанией более привлекательной, чем закусывающий пьянчуга.

Дира Иргай по-хозяйски вытащила с ближайшей полки с посудой две пустые кружки, опустила на табурет рядом, и не то велела, не то попросила:

– Наливай, дир. Трыш очень полезный напиток!

Свете не оставалось ничего другого, кроме как примоститься на табурет по левую сторону от проводника и похлебать разрекламированный компотик, которым вчера отпаивали старушку. По вкусу он отдаленно напоминал разведенный морс из северных ягод. Сделав пару-тройку глотков, девушка спохватилась и поинтересовалась, поведя головой:

– Ничего, что мы тут хозяйничаем?

– Старый Шамтий обычно говорит: лучше поутру ему заплатить за съеденное, чем ночью будить и требовать прокорма. За побудку он втрое со злости возьмет! – хохотнул Горат. – Повариху Елай лучше ночью вообще не трогать. Она, кажется, и спит с любимыми сковородами, а удар тяжелый! Как жажнет спросонок, свое имя забудешь. Я как-то обознался дверью, до сих пор вспоминать больно. – Проводник скорчил болезненную гримасу и многозначительно тронул свою бедовую головушку.

Светка тихо заулыбалась, представляя и ворчливого трактирщика, и

пока еще незнакомую могучую повариху. Беседовать так с почти незнакомым мужчиной – за один-то день разве человека узнать можно? – оказалось неожиданно приятно. Что-то в повадках проводника напоминало Дэна, пообтесавшегося и несколько потрепанного жизнью, но не утратившего задора и интереса ко всему новому.

– Раз уж ты такой знаток здешних запасов, посоветуешь что-то к завтраку, как проводник неопытным горнолазам? – спросила ученая дира.

Горат поскреб щеку и на полном серьезе действительно посоветовал:

– Пару горячих кружек трыша поутру выпейте, дыры. Для головы и сердца тем, кто на хребет собрался, хорошо. Мужчины-то и так выдюжат, крепкие, а вам поберечься надобно. Само собой, поесть хорошенько требуется: не жирно, но сытно, мяса обязательно, лучше с яйцами.

– Спасибо, юноша, – приняла к сведению дельный совет старая дама, а Света стала о другом расспрашивать:

– Скажи, а на хребте очень холодно?

– Нынче-то нет, почти лето. Оно и в горах чувствуется! Свитер, теплая куртка, плотные штаны и ботинки высокие или сапоги сразу надевай. Как чуть повыше заберемся, шапку – вот и весь секрет. Главное, горло и уши открытыми не оставлять. С непривычки здешние ветра так удружить могут, камнепад спасением покажется. Н-да, и что вам, дыры, дома не сиделось? Пусть бы мужчины шли. Неужто без вас никак не обойтись?

Крик души проводника, которому совсем не хотелось брать на себя ответственность за молоденькую девицу и старушку, тяжким вздохом загулял по темной кухне.

– Никак, – подтвердила Света.

Травить душу очередной душераздирающей исповедью: «Я домой хочу, а без ваших Восьмерых, чтоб им икалось три вечности кряду, никогда туда не попаду» не хотелось. Во-первых, вряд ли все ее мотивы важны едва знакомому мужчине, во-вторых, большинство попыток поведать о Земле и вещах, с ней связанных, оборачивалось для жителей Вархета сильной головной болью. Наверное, срабатывал какой-то механизм защиты мира от чужаков. Это так Дениска предположил, а вызывать богов в осознанном сновидении и спрашивать, верна ли версия, парочка жрецов не спешила.

– Раз надо – значит надо, – смирился Горат с вескими причинами женско-жреческого упрямства и с вопросами больше не полез.

Пытаться переубедить упершуюся женщину – затея бесполезная: хочет или боги требуют – пусть идет, а ему за «вредность» надбавку к оговоренной оплате сделали. Потому проводник соорудил себе еще один большой бутерброд и энергично заработал челюстями. Прожевав же,

удивленно отметил:

– Давно так жрать не хотелось, чтоб ночью живот сводило.

– Это, наверное, мы с Денисом виноваты, – мигом сообразила Света, машинально водя пальчиком по выпуклому боку простой глиняной кружки. – Лечили головную боль и могли переборщить, очистили грудь от осевшего в ней дыма. Привычка, снижающая аппетит, исчезла. Плюс еще на выздоровление часть ваших сил ушла, теперь восполняется.

– Хм... – скривил рот в задумчивой улыбке мужчина. – С одной стороны, есть поменьше оно и дешевле выходит, с другой – на курево-то я немало тратил. Баш на баш выходит.

Светка могла бы припомнить институтские лекции о последствиях курения и толкнуть речь, но вовремя опомнилась. Насчет вредоносности здешней курительной смеси для организма ей ничего известно не было. Запах от трубки проводника, конечно, шел мерзейший, но табак ничуть не напоминал. Потому девушка пила трэш и помалкивала, внимательно слушая рассказ Гората о хребте Раздела. Горы проводник любил, и истории у него выходили на удивление красивыми.

Глава 26

Хребет Раздела

Трыш и пара бутербродов оказали воистину магическое действие. После ночного перекуса даже громоподобный храп собачек не помешал Свете заснуть, и более того – почти проспять. Положение спас любимый брат, выбивший барабанную дробь на двери и проскандировавший:

– Подъем и завтрак! Светка, ау! Как слышно?! Прием, прием!

– Иду! – отозвалась девушка.

После завтрака и горячего трыша, употребленных в точном соответствии с ночной инструкцией проводника, искатели храма собрались в путь. Переоделись и взяли объемные сумки-рюкзаки с твердым каркасом. Туда утрамбовались, пусть и не без труда, не только дары, но и вещи, и продукты, и дикий аналог спальных мешков, сшитых из шкур злосчастных харгов. Не сказать чтобы груз был неподъемным, но он чувствовался. Все дары сложили в поклажу к жрецам, освободив избранников богов от прочего груза, который распределили по сумкам остальным спутникам.

Трактирщик самолично поторопил возчика, запрягавшего пару лошадей в повозку с высокими бортами и охапками сена. Именно на таком транспорте и предстояло компании, часть которой с лошадаками была исключительно на «вы», выбираться из Валидика. Дэн покосился на повозку, поправил лямки своего рюкзака и душераздирающе вздохнул, простирая вверх свободные руки:

– Если бы Пацан нас подвез туда, куда может доставить, до точки запрета. Дальше мы бы уж сами как-нибудь поперлись...

Торжествующий крик ворона, ржание испуганных лошадей, поднимающий бурю взмах гигантских крыльев, собачий лай, мужской мат и девичье ойканье смешались в одну кучу. Так же поступили и не устоявшие на ногах от неожиданного перемещения люди.

– Поздравьте меня, я осел! – выбравшись из-под тушек двух псов, прокряхтел Дениска, потирая отдавленную мощными лапами грудь и радуясь тому, что жесткий каркас рюкзака не позволил божеским подношениям превратиться в лепешку.

– С утра вроде человеком был, – вытряхивая из волос мелкий мусор и какого-то очень деловитого жучка, удивилась Света.

Девушка поднялась с травы и теперь поддергивала ворот свитера повыше и натягивала на уши вязаную шапочку. Солнышко вроде как грело, но вполне ощутимый ветерок был по-весеннему свеж. На таком и застудиться недолго. Это вон Горату или Валту хорошо без шапок щеголять – у них своя шевелюра получше любой ушанки будет, не Светкины два пера в три ряда.

Если вспомнить точную науку географию, намертво вдолбленную школьной учительницей, по сравнению с которой строгая дира Иргай казалась плюшевой зайкой, Пацан перенес компанию сразу в горно-луговой пояс. От свежести воздуха, колпака бездонного неба над головой и резкого перепада давления в голове звенело не только у Светки. Старые, выглаженные временем горы все равно оставались горами.

– Молодой человек, вероятно, имеет в виду собственную ошибку, связанную с формулировкой запроса волшебному посланцу Ирната, – с достоинством вмешалась в диалог дира Иргай.

Ее перенесло так удачно, что старушка просто присела на грудь рухнувшего подрубленным деревом Валта. С этого самого жестковатого «диванчика» сразу встать достойная дира не смогла, но нашла в себе силы чуть отползти и теперь сидела прямо в траве, изучая местность.

– Точно! – радостно выпалил Денис, признаваясь в просчете. У него в голове ничего не звенело и не кружилось. Может, нечему было?

Молодой человек нарезал круги по высокому разнотравью, то и дело спотыкаясь о выступающие камни, и жадно оглядывался. – Перенести в храм Пацан нас не мог, зато доставить к дороге в храм – пожалуйста!

– И где дорога? – в свою очередь нахмурился Валт, не видя ничего, кроме гор вокруг, поросших высокой травой и низким кустарником. Малая рощица рядом ни на дорогу, ни на тропу не походила, как и горные склоны со снежными шапками.

Бельташ и собаки с переносом справились еще легче Дениски, рыцарь смерти вообще на ногах устояла. Теперь вся четверка синхронно приняла позу, изучая обстановку.

– Где дорога, где дорога? Где-то рядом, как каждая уважающая себя истина, это тебе любые Скалли с Малдером скажут, – отмахнулся Денис и искренне поблагодарил призрачного ворона: – Пацан! С нас всех причитается! Если хочешь, все мясо в погребе замка – твое!

Довольный крик «Р-Р-А-А-Т!» раскатистым эхом пронесся над хребтом, и у Светы исчезло смутное ощущение призрачного присутствия гигантской птицы.

– Где же мы? – деловито уточнил у проводника дядюшка,

умудрившийся при переносе упасть лишь на колени, зато в колючие кусты. Кожаные нащепки на штанах спасли их и позволили выпутаться почти без потерь.

– Сейчас осмотрюсь, – отряхнувшись, принялся за работу Горат. – Только ты, парень, – проводник ткнул пальцем в Дэна, – в следующий раз предупреждай, если что выкинуть удумаешь.

– Кто бы меня самого об этом предупреждал? – обаятельно улыбнулся Дэн, опустив рюкзак в траву.

Айтишник дышал разреженным горным воздухом пронзительной чистоты и по-дурацки улыбался. Ничего существеннее насекомых и птицы над головой лично он пока не заметил, так же, как и признаков самой завалящей дороги.

– Там, стало быть, Нос Великана, там Три Сестрицы, – сориентировался проводник. – Значит, мы близко от провала Паломника.

– Круто! В двух днях пути от города одним махом! Ай да Пацан! Респект и уважуха! – присвистнул Дэн, восхищаясь волшебным птахом. – Значит, нам к провалу идти, а там пути-следы искать!

– Сейчас собирайтесь и двинулись не спеша, с непривычки-то голова может заболеть сильно. Трыш, конечно, средство верное, но если чего, лучше сразу знак подавайте, чтоб на себе никого волоочь не пришлось, – скомандовал Горат и направился куда-то на северо-запад, несколько левее Носа Великана.

Под охраной псов и под руководством проводника за следующие два часа с половиной компании удалось продвинуться несколько вверх и ощутимо влево. Тропы или дороги по-прежнему не было, тут, в горах, как на родине Светы и Дениса, преобладали направления. Но, судя по тому, что гончие смерти довольно скалились и помахивали хвостами, двигались жрецы в правильную сторону. Или собачки просто радовались нечаянной прогулке? Света, успевшая пару раз несильно подвернуть поочередно левую и правую ноги на скользких камнях, вероломно прячущихся в траве, от всей души надеялась, что нет. Диру Иргай, не обращая внимания на ворчание упрямой старушки, фактически волокли на себе Валт и Ригет. Бельташ же взялась приглядывать за Дэном, и не зря. Парень едва не свалился в узкую расщелину, когда решил туда заглянуть из любопытства. После этого рыцарша, цапнувшая жреца за ворот и рюкзак буквально в полете, утроила бдительность.

Объявление о привале команда поисковиков встретила тихим вздохом признательности. На громкое выражение чувств сил ни у кого не оставалось. Казалось бы, всего-навсего путь среди кустарников, по траве и

камням, двигались-то едва заметно вверх по пологому склону, а усталости – как от переноски КамАЗа кирпичей оптом. Повалились там, где стояли, все, кроме Бельташ и псов. Последним-то условно-бессмертным или условно-мертвым да на четырех всяко проще приходилось.

– Дальше до самого провала Паломника лишь редкий кустарник и камень. Здесь у костра посидим. Вам, людям равнины, с непривычки тяжело столько идти, передохнуть надо, – практично объяснил Горат, без жалости, но и без тени превосходства взирая на усталых путников. – Поедим, выпьем трыша и пойдем помаленьку вперед.

Костром и готовкой проводник, трезво оценив силы отряда, занялся лично при помощи неустомимой Бельташ. Светке было стыдно, но ноги устали неимоверно и теперь казались двумя отдельными кусочками, наспех слепленными из обломков кирпичей, да еще какой-то шутник умудрился залить пятки цементом, и теперь конечности не то что ходить, шевелиться отказывались напрочь. Еще и спину от рюкзака ломило, и вся она была мокрой как мышь. Но на переодевание силенок тоже не оставалось. Все-таки среднестатистические воспитатели детских садов не козочки, к длительным горным переходам не приспособлены.

Зато, осенило Свету, ее поневоле приспособили к миссии жрицы. И раз уж так вышло и все решили за нее, то статус именно сейчас надо использовать для личной выгоды и, пожалуй, для дыры Иргай. Старушка хорохорилась, бодрилась, но явно сдала. Ее усталость была заметна.

Светлана положила ладошки на усталые ноги и, прикрыв глаза, взывала к Алхой, всматриваясь в себя, ища ярко-голубое целительное пламя, танцующее рядом с призрачным огнем Зебата. Представила, как огонь льется из нее через кулон на шее и руки в тело, как утекает усталость в камень, а сила и бодрость вливаются в ноющие ноги, как поднимается сила выше, лечит поясницу и все замученные мышцы...

– Испей, Свельта, потом есть будешь. – В плечо ткнулась горячая кружка, пахнувшая ароматом трыша.

Это вырвало попаданку не то из дремы, не то из медитации. Сразу обдало жаром щеки. Хотела помочь бабушке, а ненароком задремала. Диру Иргай сейчас отпаивала Бельташ. И выглядела старушка заметно лучше. Бледновато, устало, но не так чтобы вот сейчас ляжет и помрет.

– Спасибо, – прихлебывая горячий, почти обжигающий напиток, поблагодарила Света.

– Плохо с непривычки, – понятиливо кивнул Горат. – Голова кругом, дышать тяжело. Я предупреждал.

– Мы вняли, но другого выхода нет, – отозвался сидящий рядом

дядюшка.

Вот на ком не было заметно и тени усталости. Пусть по горам Ригету бродить вроде как не доводилось, или он об этом племянникам не успел рассказать, но постранствовал по Вархету мужчина вдоволь, и тело его привыкло к испытаниям, подкидываемым неугомонным духом.

Дениска с тихим стоном потянулся и посочувствовал сестре:

– Болит все? Лапы ломит и хвост отваливается?

– Уже нет, я полечилась.

– Уй-ё-ё-ё, – протянул Дэн, шлепнув себя ладонью по лбу. – Поздравляю, Шарик, ты балбес! Ща, я тоже! – И наморщил лоб, сосредотачиваясь и бормоча под нос.

Света поймала серьезный взгляд дяди, движение его головы в сторону дыры Иргай и понятливо закивала. Ноги вернули себе почетное право именоваться средством передвижения. Девушка выпила половину кружки и пошкандыбала в сторону ученой дамы.

– Давайте подлечу, дира! На себе проверила, помогает! – предложила Света, и усталая бабулька – наверное, ей и в самом деле было плохо – спорить не стала.

Снова танец голубого пламени и взывание к Алхой с просьбой об исцелении утомленного тела отправились по адресу. Через руки и кулон девушки потекла сила, помогающая, убирающая усталость и дарящая бодрость. Нет, бодрым козликом дира Иргай не заскакала, но хрипловатое дыхание ее выровнялось, румянец вернулся на бледное осунувшееся лицо, мешки под глазами стали меньше. Ученая дама благодарно потрепала целительницу по руке и лихо глотнула трыща, разом осушив чуть ли не треть кружки горячего напитка. Умиrotворенно улыбнувшись, старушка кивнула на куст, растопыривший ветви на краю участка, где устроили стоянку:

– Красивые места – горы Ликладика. На первый взгляд почти пусто, а есть в этой неброской прелести что-то притягательное. Взять тот же бирдарис: зеленый листвой, по весне он цветет крупными алыми цветками, а к осени его листья сами становятся алыми, точно цветы, и стоят такими до холодов. На запах цветов, если растут по кромке леса, слетаются с лугов пчелы.

– Да, красивое растение, – дипломатично согласилась девушка, отходя от сильно пахнущего куста, почему-то источающего аромат нелюбимого ландыша.

Дениска худо-бедно вылечился сам и втихомолку, чтоб не позорить мужика, подлечил чуток уставшего Валта. Сидение сиднем в глухой

крепости и болезнь сказались на физической форме бывшего наемника не лучшим образом. Сейчас он вернулся к интенсивным тренировкам, но до конца восстановиться не успел. Да и горные тропы давали нагрузку совсем иначе, чем разминка во дворе замка.

Пока Горат и Бельташ кашеварили, Света успела сменить за кустами мокрую от пота рубашку, снова натянула вещи и теперь решила оглядеться.

Пока шли, как-то было не до того. Тут бы ногу правильно поставить, чтобы не вывихнуть, и от других не отстать. Ни дорог, в понимании привыкшей к асфальту горожанки, ни завалящих тропинок, способных удовлетворить деревенского жителя, на хребте Раздела не было. **ВООБЩЕ!** И как тут искать? Собачки, поначалу бежавшие рьяно, тоже пока никуда вести спутников не рвались. Куда люди шли, туда и они бежали. То ли люди в правильную сторону шли, то ли собачки и сами пока не уловили нужного направления. Может, отряд пока не дошел до той точки, где чутье гончих смерти начало бы действовать в полную силу? На Алой, Керта и Сарту были возложены все надежды жрецов в поиске храма.

Светка печально тряхнула головой. Да, горы – это красиво, но хотелось домой и в ванную! Еще нормального чая и хорошую книжку про любовь, диван и плед в придачу. Это Дэну хорошо, как в своей же игрушке виртуальной оказался, а ей тут совсем не место. Девушка помотала головой, отгоняя печальные мысли.

– Устала, дира? – посочувствовал неслышно подошедший Горат.

– Уже отдохнула, – доложила девушка.

– Что такая печальная? Болит чего с непривычки в горах-то?

– Душа, – грустно усмехнулась Света. – Домой хочу, очень. С каждым днем все больше.

– Это да... Таким девочкам, как ты, только дома и сидеть, птенчик, а не по горам шариться, – растерялся Горат, не зная, как утешить хрупкую девчушку.

– Потому и шарюсь, – вздохнула Света и скорее для самой себя, нежели для посторонних, продолжила: – Дядя не думал, что все так обернется, когда нас к себе звал. Домой мы попадем, если только храм найдем, да и то... – беспомощно признала попаданка, украдкой смахнула выступившие на глаза слезы и шмыгнула носом.

Беседа, сворачивающая в сторону откровений, была прервана тревожным ревом вскочившего и медведем ринувшегося вперед Валта:

– Дира Иргай!

На камни рядом с прекрасным кустом цветущего бирдариса валилась железная старушка со стремительно опухающей шеей. Дира тщетно

пыталась сделать вдох, красные и белые пятна устроили чехарду на ее лице. Недовольно жужжа, улетало от этого бедлама какое-то насекомое с большим полосатым брюшком.

– Она ж только цветок сорвала понюхать, и сразу... – огорченно ляпнул бугай, добравшись до бабульки и пытаясь то ли поднять, то ли прижать содрогавшееся от судорог тело к земле.

«Анафилактический шок», – тренькнула в голове Светы умная и совершенно бесполезная мысль. Где тут жидкий антигистаминный препарат взять? Те же капли фенистила или зодака остались в другом мире. А здесь... пусть после касания-посвящения Ирната память обо всех недугах и их лечении проявилась в голове очень четко, получше конспекта всплывала, стоило лишь задать вопрос, толку с нее оказалось ни хрена.

– Горный шершень куснул, – поделился еще одной бесполезной новостью Горат. – Холод бы приложить... Эх, опухает-то прям на глазах. Скверно! Того и гляди помрет дира.

– Светка, давай вместе приложимся, – выкрикнул Дэн, хлопаясь на колени рядом с бабушкой и накладывая на ее горло обе руки. Задышающаяся бабушка билась так сильно, что Валт и подскочивший Ригет вдвоем едва удерживали ее на месте, опасаясь того, что дира если не задохнется, то точно раскроит себе череп о камни. Светлана присоединилась к брату, шлепнув свои ладони поверх рук брата. Она выплескивала, вталкивала в сухонькую старушку жар, катящийся от сердца к кончикам пальцев вперемешку с голубым огнем Алхой, с единственным посылом, вырвавшимся отчаянным криком:

– Будь здорова!

Тело под руками парочки жрецов, которых никто и никогда не учил быть жрецами и пользоваться своими силами, выгнулось дугой, отшвыривая от себя всех спасателей, и обмякло бескостным желе.

Мужчины, кинувшиеся было к пострадавшей, вновь застыли статуями. Светка осталась сидеть, где сидела. Дениска встал, покряхтывая и потирая отбитый копчик. Лишь Горат удивленно ляпнул:

– Во дела-а-а! Как же так...

– Ну... лучше так, чем опять труп подымать, – оптимистично объявил Дениска, не заметив, как вздрогнул от его простенького оправдания суровый проводник. – И чего шараться? Мне она такая больше нравится. А тебе, дядюшка?

Дядюшка Ригет закашлялся, не находя слов. На камнях мирно спала молодая, больше тридцати никак не дать, женщина. От дыры Иргай ей досталась только одежда. Все остальное изменилось значительно:

разгладились морщины, посвежело лицо, исчезла седина с коротких смоляных волос. Хотя нос – орлиный четкий профиль – и упрямо сжатые губы точно остались прежними.

Впрочем, через несколько минут дира, которую отныне никак не тянуло назвать почтенной, распахнула глаза.

– Что со мной? – первым делом звонким голосом, совсем не похожим на свое обычное басовитое карканье, потребовала ответа от окружающих дира Иргай.

– Зеркала ни у кого нет? – озадаченно чесанул затылок Дэн, собираясь брякнуть про омоложение, но Света тихо посоветовала:

– Посмотрите на свои руки, дира.

Морщинистые лапки, больше похожие на птичьи, стали красивыми женскими руками, тонкими и гладкими. Первым делом у женщин старится шея, морщинки на лице можно замазать, а руки... руки возраст выдают иной раз получше лица.

– О? – Бывшая бабушка опустила взгляд на изящные молодые длани и недоуменно свела брови. – Что? Как?

– Как обычно, мы с сестрой слегка перестарались. Недоучки, что с нас взять? Мы так вам здоровья желали, что не только последствия укуса убрали, а и биологические часики назад крутанули, исцеляя от всего подряд. Вы ведь не в претензии, дира Иргай?

– Не в претензии, – заторможенно повторила молодая старая женщина и, прижав ладони к лицу, застыла на пару мгновений почти неподвижно, только чуть подрагивали плечи. Смеялась или плакала – не определишь. Впрочем, собралась нестигаемая дира быстро и твердо отчеканила вопрос, обращаясь к парочке жрецов:

– Сколько будет действовать омоложение?

– Это ж не магия, а жреческий дар. Пока не состаритесь естественным путем, наверное, – предположил Денис, с любопытством изучая физиономию бывшей бабушки.

Тем же самым занимались и все остальные мужчины. Дядя Ригет и вовсе выглядел так, будто его шибанули из-за угла, и не пыльным мешком, а тем же мешком с чем-то очень тяжелым и парализующим в придачу. Наверное, никак не мог совместить образ терроризировавшей его в студенческие годы преподавательницы и энергичной молодки. Красавицей, по меркам Вархета, дира не была и в юности, но определенным шармом, бесспорно, обладала, безотчетным и оттого более притягательным для иных мужчин.

Гораздо сильнее природного чувственного начала в дуре Иргай кипела

жажда познаний и открытий. Едва придя в себя и разрешив вопрос с внезапно нагрянувшей молодостью (не исчезнет в ближайшее время и ладно, со всем остальным позже разберемся), дама вытащила путевой блокнот и принялась черкать записки, фиксирующие феномен.

Пока лечили укушенную, тройка гончих смерти мирно валялась у костра. А тут вдруг дернули ушами, заворчали, метнулись к кустам южнее площадки и подняли дружный лай. Гавканье сопровождалось энергичными прыжками-свечками всех трех псов.

– У меня глюки или за кустами чего-то мерцает, как туман из пищевой пленки? – тихо спросил у сестры Денис и неаристократично (его бароном Керготом в школе быть не учили) ткнул пальцем в нужном направлении.

– Мерцает, – подтвердила Света, растерянно переводя взгляд с увлекшейся эпистолярным жанром диры Иргай на «пищевой туман».

Феномен мерцающего за кустами воздуха, обнаруженный псами, привлек всеобщее внимание. Поддаваясь четвероногому энтузиазму в трех экземплярах, вся компания подтянулась к густому кустарнику. Бельташ торжественно перевела для самых непонятливых:

– Путь найден и открыт.

– Тут никогда не было дороги, – задумчиво поигрывая топориком, нахмурился Горат.

– Тут слишком давно не было истинных жрецов Восьми, – наставительно возразила Бельташ, в свою очередь снимая с пояса свой «маленький и легонький» топорик, габаритами превосходящий орудие труда проводника. Рыцарша с легкостью носила его в придачу к мечу и длинному кинжалу.

– Мерцания воздуха не наблюдалось в момент привала, – четко отметила наблюдательная дира Иргай и тоже приблизилась к месту чудесного явления. – Возможно, врата доступны не всегда.

– О, точно, датчики среагировали, когда мы вас лечили! – осенило Дениса. – Сразу-то не включились. Зато как мы кучу энергии ухнули, так старая система заработала. Давайте побыстрее прорубим путь! Что-то мне кажется, кусты на «сим-сим, откройся» не польстятся, и поливать трышем их бесполезно. И пусть дорога ведет не к светлому будущему, а в подземную тьму, но до смерти ведь любопытно! Бельташ, прекраснейшая из рыцарей, давай же, действуй! Горат, будешь рубить или мне топорик одолжишь? Не уверен, что первым делом не стукну по пальцу, но зато если стукну, то Светка меня будет лечить, и, может быть, вместо пленки-мерцалки нам сразу откроют окошко в храм?..

Говорливый попаданец пытался еще что-то заявить, но рука дядюшки,

привычно легшая на болтливый рот, прервала словесный поток. Дэн театрально завращал глазами и жалобно замычал.

– Денъес, сам успокоишься или связывать? – миролюбиво и почти привычно предложил выбор старший родственник.

Парень закивал, пытаясь выражением глаз передать смиренную покорность злодейке-судьбе в дядюшкином лице, затыкающем рот гласу истины. Когда руку убрали, набрал полную грудь воздуха и выдохнул с шипением лопнувшего шарика, а после заморгал так жалобно, что все подражатели котикам удавились бы от зависти.

Железная Бельташ не удержалась и приснула, принимаясь за рубку кустов. Горат, поведя плечами, тоже взялся за топор. Остальные работали на подхвате. Меньше чем через четверть часа кустарник был вырублен. Переливчатая пленка мерцала в нескольких сантиметрах от природной каменной стены – подножия одной из Трех Сестер.

Собаки дожидались окончания черной работы, лежа у затухающего костра. Едва работа завершилась, тройка дружно вскочила на лапы и, хорошенько разбежавшись, прыгнула. Нет, черепушки о камень они не размозжили. Лишь исчезли в пропустившей их без всплеска и кругов пленке. Откуда-то оттуда, из неизвестной глубины снова послышался бодрый и нетерпеливый лай.

– По ходу, нам туда, – с улыбкой маньяка поторопил компанию Денис, подхватывая свой рюкзак. – Двинули?

Дядя передернул плечами, смерил племянника мрачным взглядом, но тоже начал собирать багаж и галантно помог дуре Иргай водрузить на спину ее сумку. Очень галантно, между прочим. Лямки поправлял трижды – то ли они попались бракованные, то ли дядюшка лишний раз хотел ткнуть бывшую преподавательницу пальцем, чтобы проверить, а не вернется ли милая дамочка к привычному образу старой карги, то есть энергичной старушки.

– Я довел вас до места, первая часть уговора исполнена? – осторожно поинтересовался Горат.

– Точняк, – бросил Дениска и удивился: – Ты чего, дальше с нами не пойдешь?

– Подожду здесь, – подтвердил свое решение мужчина, передернув плечами. – Не хочу туда. Чувство такое, как тогда на восточной тропе перед камнепадом было, когда Валай завалило. Не хотел идти, а поперся, дурень, ни душу, ни сердце не слушая. Сейчас не пойду и никому больше, кроме них, – проводник, поморщившись, ткнул пальцем в Дениску и Свету, – не советую. Так же здесь, как моя Валай, останетесь под хребтом навечно...

– Но... – начала возмущаться дира Иргай, перед носом которой с грохотом захлопывали врата к древним знаниям.

Дядя просто упрямо качнул головой, показывая, что бедовых племянников не оставит, потому как слово давал заботиться и оберегать. И не только в слове было дело, успел за эти дни прикипеть одинокий мужчина к Денису и Свете всей душой.

– Я должна идти с вами, не важно, опасно сие или нет, долг рыцаря не приемлет уступок, – упрямо свела брови Бельташ, не до конца доверяя предчувствиям смертного. Возможно, она, уже мертвая, не боялась умереть снова, или, судя по тому, как взгляд русокозой девы метнулся к беспечному Дэну, была в ее упрямстве и иная суть.

Зато Света поверила проводнику сразу и заволновалась, не зная, как уговорить дядю, диру, рыцаршу и Валта отпустить ее и брата вдвоем. Пусть они знакомы были считанные дни, и не сказать, чтобы девушка полюбила всех и каждого из спутников, как родного отца, но толкать на смерть категорически не желала, равно как и идти на нее самой. Хотя Горат сказал, что ей-то и брату дорога не опасна.

– Светка, бегом, – как обычно, решил за тормозившую сестру и всех сопровождающих Денис. Он схватил девушку за руку и резко дернул в прыжке. Пальцы Бельташ, метнувшейся к ним, мазнули по пустоте.

Глава 27

Храм Восьми: ритуал

Близнецы провалились за блестящую пленку, в мгновение обернувшуюся камнем, стоило лишь им миновать тонкую преграду. Сразу на уши навалились темнота и тишина. Вокруг не было никого, кроме самих попаданцев и трех собак. Алой, Керт и Сарта не скакали, не взвизгивали, не рычали. Лишь сидели молча, как волшебные псы из старой сказки про огниво, и таращили глазищи, светящиеся в темноте зеленым, красным и желтым – у каждого пса своим светом.

– Все-таки это был портал! – восторженно поделился мыслью с сестрой Дэн, вставая на ноги, поднимая и отряхивая сестренку. – И мы где-то на тайном пути к храму. Темно, как у негра в... Хм, ладно, не будем об интимном. Как думаешь, Свет, если мы распакуем подношение Крисату и подсветим им себе дорогу, это не посчитают кощунством?

– Не знаю, – вздохнула сестра, потирая болящее после энергичного дерганья запястье. – Ты тоже, как Горат, чувствовал, что остальным опасно с нами идти?

– Чтоб я знал, – пожал плечами Дэн. – У тебя после посвящения Ирната медицинская картотека разворачивается, а у меня будто какой дополнительный контур для моментального обсчета и выдачи результата включается. Где-то внутри сработало, тренькнуло: оптимально уходить вдвоем – я тебя и дернул. Лучше уж перебдеть, чем недобдеть. Я как-то к дядьке привязался, да и все остальные, – айтишник немного смутился, – мне нравятся.

– Бельташ, – подсказала Света, замечавшая, как братец украдкой любителюется рыцарем смерти. Та, между прочим, тоже порой кидала на парня взгляды, которые можно было трактовать и как присмотр за подшефным, и как некую смутную симпатию. Когда очень долго была мертвой, сложновато, наверное, начинать заново испытывать живые чувства, а уж их идентифицировать и подавно.

– Ну да, я болван! Меча в руке дольше получаса не удержу, в поединке с ней тут же сложусь, да и она мертвячка, а все равно классная. Мечом я орудовать непременно научусь! Вархет-то – мир магический, значит, все можно, особенно если мы богов вернем, – развел руками Денис, в отличие от сестры с неизменным оптимизмом смотрящий в будущее.

Он сгрузил рюкзак на ровный каменный пол – не плиты, а сплошной, гладкий, будто проплавленный в недрах хребта при столь высокой температуре, что не нуждался в шлифовке.

Артефактный светильник дядюшка уложил в рюкзак племянника. Свете достались другие, нетяжелые, но относительно хрупкие предметы, которые требовали бережной транспортировки. Цветок живой и сладкое озерцо, к примеру, беспечному парню никто не доверил. Пока Денис копался, собаки терпеливо ждали и работали подсветкой.

– Подожди, – возглас Светы прервал затянувшийся процесс поиска. Почему-то даже уложенные по порядку и со всем тщанием предметы, оказавшись в сумке брата, всегда перемешивались между собой мгновенно, будто переползали с места на место в произвольном порядке.

– Чего? – отвлекся Дэн.

– Кажется, светлеет, – засомневалась девушка в собственных словах и ощущениях.

Вскинув голову, брат подтвердил:

– Ага, светлеет. Наверное, магические фотоэлементы от нас подзарядились и заработали.

Пусть темнота не исчезла, скорее обернулась сумерками, но такими, в которых с легкостью можно различить дорогу. Тем паче дорогу по совершенно пустому, лишенному как препятствий, так и религиозных украшений тоннелю.

– Знаешь, Свет, – возвращая рюкзак за спину, объявил Дэн, – мне кажется, это не дорога паломников, а черный ход для своих, поэтому все так голо и утилитарно. Нет, я на декор, ковровую дорожку и фанфары не претендую, просто мысли вслух.

– Возможно, гончие знают, куда идти. Если тут разные дороги, нас все равно проведут по нужной, – предположила сестра, машинально погладив ближайшего пса. Зеленоглазый вильнул хвостом и, осторожно прихватив рукав зубами, потянул девушку за собой.

– Двинули, раньше сядем, раньше выйдем, – повторил любимую присказку парень, нацепил заново рюкзак и, насвистывая, потопал вперед. Туда, куда посылали жрецов ушедшие боги.

После яркого неба, щедрых солнечных лучей и свежего ветра, норовящего забраться куда не следует, на дороге было темновато, зато, несомненно, тепло. Последнее послужило лишним поводом поверить в Денискину версию. Скажем, в подвале дома, где жило семейство Керготов, всегда было душновато и тепло настолько, что картошку приходилось хранить в гараже. В подвале она, зараза, обзаводилась ростками еще до

конца осени.

Светка шагала, томясь смутными недобрыми предчувствиями, невнятными опасениями и болью в намятых за три часа горного перехода руках. Пусть ноша была невелика, но лямки успели оттянуть плечи. Как-то в переноске тяжестей на расстояние девушка не была большой докой. Продуктовый супермаркет находился в доме через дорогу, потому качать мышцы систематически не получалось. Да и брат для переноски грузов оказывался рядом частенько.

Оптимист Дэн шел вперед, громко распевая одну из любимых Светкиных и совершенно неуместную в темном коридоре под горой песню: «Если с другом вышел в путь, веселей дорога...»

Особого веселья и бодрости песни сестре певца не принесла, но чуть-чуть настороженность развеяла. Пожалуй, стоило поблагодарить Дэна за выбор репертуара, а то ведь мог затянуть что-нибудь заунывное, вроде «Похоронной песни Боромиру», которую выучил на спор с приятелем. Скорбный речитатив тогда довел-таки Свету до ручки, и доучивать шедевр мастера братец ушел в парк, чтобы не вводить сестру во искушение применить сковороду как ударный инструмент.

Равномерно серые тени в равномерно широком коридоре скрадывали время и расстояние. Сколько они прошли и как долго длился переход, ни один из них наверняка сказать не мог. Черный ход кончился провалом в, как логично было предположить, черноту. Собачки бойко прыгнули вперед, показывая дорогу и подавая сигнал о безопасности нового помещения.

С подсветкой из трех пар разноцветных глаз Света и Дэн шагнули куда-то и замерли. Правильно сделали. Стоило молодым жрецам оказаться внутри, как черный ход исчез, будто его и не было, а рассеянным светом зажегся сам камень громадного храма. Это воистину оказался храм Восьми, состоящий, словно гигантский цветок, из лепестков-храмов, назначенных каждому божеству, чье величественное изваяние украшало основание каждого лепестка. Статуи богов из цветного камня казались почти живыми, и все они выглядели не раскрашенными в разные цвета однотипными болванками, а истинными произведениями гения-скульптора.

Денис и Света сразу узнали крылатого Ирната, красотку Алхой, закутанного в плащ Зебата с черным посохом, но остальных... Увы, их-то попаданцам прежде видеть ни в снах, ни наяву не доводилось. И именно это могло стать проблемой, о которой, как оно обычно и бывает с проблемами, никто заранее не подумал.

Храм-цветок имел сердцевину, к которой сходила лестница от черного хода. В центре культового сооружения имелся гигантский алтарь в форме

круглого стола, по краю которого стояли невысокие чаши. Каждая чаша напротив храма своего бога.

Самый глупый и неосведомленный о ходе ритуала жрец мог логически предположить – раскладывать принесенные богам дары надо в предназначенные для них чаши. Да вот беда, ни на одной из емкостей прежние пользователи не удосужились нацарапать инициал бога.

– Что-то мне это все русскую рулетку напомнило, а, Свет? Что, интересно, будет, если мы подарочек не туда сунем? – поскреб за ухом по примеру дядьки Денис.

– Мне не интересно, – сразу открестилась от намека на опасный эксперимент девушка. – Давай-ка лучше все хорошенько осмотрим и поточнее определим, где для какого бога чаша, чтобы не ошибиться.

– Помню, я в одной игре с похожей штукой лопухнулся. Кристаллы по постаментам неверно расставил. Землетрясение было феерическое, а в довершение вулкан извергся! – продолжил развлекать сестру байками любимый брат.

– Спасибо, повеселил, – нервно сглотнула Светка, сгружая рюкзак у гигантского алтаря.

– Чего ты дергаешься? Я ж сохранился тогда и не особенно старался, эффект от ошибки посмотреть хотелось. Сейчас обязательно справимся! – оптимистично подбодрил напарницу Денис, опуская сумку рядом с рюкзаком сестры. – Тот тощий тип с мешочком на поясе, весами и хитрой мор... э-э, в храме вроде как лучше не выражаться... тогда – с лукавым лицом точно Сигет, бог торговли, и ему в чашу наши монетки положим. Сейчас на других посмотрим повнимательнее и их опознаем!

Света же чуть нахмурилась и вздрогнула, когда с пола раздался тройной звонкий рrr-гав с интонациями явно возражающими. Девушка опустилась на корточки рядом с собаками, погладила каждую и, почесав за ушами, жалобно попросила:

– Это не Сигет, а кто? Поможете узнать?

Собачки, кажется, не возражали, но их пасти не были приспособлены для речи, а лапы для письма. Жрица-недоучка сообразила и поскорей, пока Денис не начал действовать методом проб и ошибок (умереть при землетрясении и утонуть в лаве девушке нисколько не хотелось) попросила:

– Покажите нам храм Сигета, пожалуйста!

Собачки благосклонно приняли ласку, дружно вскочили и потрусили к лепестку-храму, где стояла статуя благостно щурящегося босого толстяка в самой простенькой одежде – штанах и рубашке, даже шапки на лысой как

коленка голове не было. Зато его пухленькие ноги стояли на мешке.

– Блин, а ведь точно! Это как анекдот про мужика, который повыше будет, если на кошелек взгромоздится. И вещички у него такие простенькие, чтоб торговаться проще было... – запоздало догадался Дэн и тут же озадачился: – Тогда кто этот коварный тип гражданской наружности с весами? Не Зебат и не Ирнат, Сигета нашли, значит, он Трашп или Крисат. И...

– Дэн! – тихо предостерегла брата Света.

– Я не дурак, вернее, не полный дурак, понял, что у Восьмерых внешность обманчива, и в угадайку играть не стану. Чего нам стоило заранее дядюшку расспросить? Как-то все быстро случилось, вот и не подумали, – пожалел Денис, разглядывая мужчину с мешочком на поясе и весами в руке и... В другой руке, которая поначалу показалась свободной, бог держал нечто мелкое и похожее на какую-то принадлежность из женского маникюрного набора. Словом, с равным успехом этот лукавый тип – а в его усмешке парню виделось издевательство над тупостью прихожан – мог оказаться как богом магии, решившим заняться изготовлением артефакта, так и покровителем ремесел с инструментом для тонкой работы.

– Покажите, пожалуйста, Трашпа, – недолго думая снова воспользовалась помощью четвероногих друзей Светлана.

Псы с готовностью, огромными скачками, помчались и встали у «лепестка» со статуей здоровяка, который, покрась его в зеленый цвет, смог бы играть Халка без грима. Только печать интеллекта на лице замазать тональником, и вперед!

– О, значит, лукавый – Крисат! Вот ведь замаскировался! А еще маг, я б его богом шпионов назначил, – рассмеялся Денис и переключился на опознание женской божественной половины.

Алхой молодые жрецы в лицо знали, а две другие женские статуи являлись изваяниями богини искусств Элмай и богини любви Илай. Все три были красивы, только на сей раз угадать, кто есть кто, труда не составило. Цветущую пышной прелестью и таящую циничный холод в очах Алхой Дэн со Светкой и без прежних сонных видений опознали бы с полувзгляда. Элмай, тонкая, звонкая, мечтательная, в летящих одеждах, на удивление точно переданных в камне, держала в руках музыкальный инструмент, похожий на лиру. А Илай, чье платье казалось скорее соблазнительно открытым, нежели закрытым, – цветок. Собаки дружным лаем подтвердили версии жрецов, и закипела работа.

Попаданцы доставали из рюкзаков дары и аккуратно размещали их в

чашах: каждому богу свое, как полагалось. Старому «приятелю» Зебату положили гончую смерти из кости харга, Алхой – творение кондитеров из марципана, желе и цукатов, Илай поставили горшочек с живым цветком, названным в ее честь. Сигету Денис ссыпал все до единой монеты, полученные авансом в канатной лавке. Элмай досталось кольцо-лебедь, сплетенное Светой, а Трашпу – сова в технике макраме, связанная братом. Последним положили в чашу Крисату артефакт-фонарик, сотворенный дядюшкой Ригетом. И пусть работа была чужая, зато идею выдвигал Денис. Последним в очереди оставался Ирнат, которому требовалась кровь.

Нарочно резать самой себя Свете еще не доводилось. Чтобы не оттягивать неприятный момент, она поторопила Дэна:

– Давай быстрее, кто первый?

– Я, – поспешно объявил брат и лихо резанул себя по ладони, зашипел, переваривая массу «приятных» ощущений, и сжал руку в кулак над чашей. Кровь тонкой струйкой полилась вниз.

– Тебе, Ирнат, – припомнив наставления Бельташ, бормотнул жрец и тут же отвлекся, когда кинжал из его руки забрала сестра с намерением продолжить членовредительство:

– Не надо, Свет, нам не говорили, что калечить себя должен каждый.

– Надо, – поморщилась девушка. – Мы оба носим его метки, значит, должен каждый.

Правда, в отличие от брата, пластать руку Света не стала, порезала лишь большой палец и, пожертвовав несколько капель, залечила ранку себе и порез брату.

Все дары заняли положенное место. Однако в храме по-прежнему было тихо, спокойно, светло и пустынно. Боги возвращаться не торопились.

– Эй, а что дальше? Мы должны хором скандировать их имена и уговаривать вернуться на Вархет? – немного растерялся Денис, ожидавший другого эффекта от принесения даров.

Как они были положены кучкой, горкой или горшочком, так и лежали. Никто забирать, кушать, носить или сжигать подношения как не подошедшие по фасону или вкусу не спешил. Свечения, фанфар и прочих божественных спецэффектов не проявлялось.

– Не знаю, – согласилась с недоумением брата Света и глянула на собак, отбежавших к лестнице и теперь укладывающихся там одной теплой кучей с явным намерением хорошенько выспаться. – Возможно, как обычно, мы должны лечь спать?

– С чего это... – начал было возмущаться брат, осекся, вспоминая весь опыт общения с богами, пришедший через сновидения, и протянул: –

Пожалуй, что и так. Только где? Тут кроватей-то нет, даже коврика завалящего не имеется. Пыли, конечно, тоже нет, но голый камень на ночевку не вдохновляет. Спальные мешки все у Валта остались.

– Рюкзаки, верхнюю одежду разложим и как-нибудь устроимся, – пожалала плечами Света, другого выхода не видевшая. – Наверное, лучше всего там, где собаки. Они вроде как должны самое благоприятное и безопасное место инстинктивно выбирать.

– Может, оно и безопасное, но все равно, будет жестко, – заупрямился Денис и тут же вскинул вверх руку: – О, смотри, на каждом из восьми алтарей лежит какая-то тряпка.

– Алтарное покрывало, – поправила брата Света.

– Без разницы, давай их все соберем и устроим кровать. Нам как раз всем у лестницы хватит места.

– М-да, не на алтаре же устраиваться. Как бы нас с дарами или добровольными жертвами не спутали. Хорошо, пусть кроватью будет пол. Высота подходящая, просторно, падать некуда. Но если будет жестко и неудобно, мы вовсе не заснем!

– Потому пошли таскать алтарные покровы! – подвел итог Дэн.

Все равно в храме Восьми не было ничего, кроме камня и этих самых полотнищ. Такое впечатление, что его не люди сделали, а одним махом сотворили те же сами боги, чтобы у людей было место, где им поклоняться. Вот и получилось, что ничего годного для сна в храме под хребтом Раздела не оказалось. Попробуй на такую высоту мебель или доски затащить!

В четыре руки попаданцы за восемь ходок снесли к лестнице все тканые покровы с каждого из разноформатных алтарей. (Камень, высота, геометрия очертаний – ни один из восьми не был похож на другой, но жрецам было не до детального изучения и восхищения.) Покровы тоже оказались разными. Какие-то жесткими от вышивки и камней, как у Алхой, потому их отрядили в матрацы, какие-то помягче и нежнее, вроде, вот парадокс, плотной ткани Ирнатова покрывала. Им выпала роль одеял, наволочек и наматрасника.

Устраивали себе ложе земляне, пожалуй, дольше, чем распределяли дары, но в итоге соорудили подобие походной кровати, на которую и забрались вдвоем. Улеглись голова к голове, синхронно прикрыли глаза и постарались заснуть. Сон по необходимости, как назло, долго не шел, мешали то попавший под бок жесткий камешек вышивки с покрывала Илай, то шов рюкзака, то почти звенящая тишина храма, то свет, который и не думал затухать. Зато теплые собачьи бока гончих смерти, тут же перебравшихся на ложе к жрецам и уткнувшихся носами в подмышки,

отлично согревали.

– Страшно, – вздохнула девушка и покаялась: – Прости, Дэн, тебя, наверное, уже достали мои жалобы.

– Да ладно, забей, я понимаю, это мне все здесь кругом интересно, а ты домой сильно хочешь, – легонько боднул сестренку головой Денис. – И не бойся, Ирнат обещал, что здесь с ритуалом безопасно будет. Раньше сядем, раньше выйдем. Давай-ка срочно засыпай, пока я колыбельные голосить не начал и собачек на подпевки не взял.

Светлана хихикнула, привычная болтовня и шутки брата сняли часть напряжения. Под мысленное перечисление всех причин, по которым ей никогда-никогда здесь не заснуть, утомленная горным походом, перетаскиванием предметов по громадному храму и истрепанными нервами, Света сама не заметила, как засопела.

И вновь она оказалась в туманном пространстве без низа, верха и иных ориентировок. Только теперь попаданцев встречала не одна, а целых восемь фигур. От общей их силы, накатывающей приливом, хотелось одновременно рухнуть на пол, но пола не было, или взлететь на гребне волны.

Перед каждой фигурой, расплывающейся для зрения смертных из-за марева силы, материализовались чаши с дарами. И дары, как только сейчас до Светланы дошел смысл собственных действий, призваны были сыграть роль путеводного клубка, маяка и якоря. Принимая подношения, боги обретали подобие физической формы, доступной для восприятия жрецов.

Вот серо-оранжевое пятно пересыпало из одного комка света в другой честно заработанные Дэном монетки и стало знакомым, правда, сильно похудевшим, но ничуть не подросшим лысым типом.

Принял фонарик и увлеченно покрутил устройство в пальцах Крисат. Трашп, хмыкая под нос, теребил плетеную из веревок совушку. Элмай примеряла бисерного лебедя, Илай обнималась с цветочным горшочком. Она так смотрела на милый, простенький, но живой цветочек, что дрогнула бы и самая черствая душа. Боги любовались, принимали, впитывали поднесенные дары и их силу. Все слабее становился туман вокруг, в котором тонули Восемь богов и двое молодых жрецов. А потом пространство зашептало, заговорило, рассмеялось, добродушно буркнуло на все восемь голосов, обдавая Свету и Дениса не то жаром, не то холодом: «Принимаю! Принимаю! Принимаю!»

Резкий порыв злого ветра сдул последние клочья тумана с абсолютной пустоты, раздался потусторонний и совершенно посторонний то ли рев, то ли вой, то ли скрежет чего-то не злобного или злого, но невыразимо

чуждого всему живому и мертвому, просто потому что само никогда не было ни тем, ни другим. Светку с Денисом резко швырнуло назад, в тела, лежащие на постели под лестницей. Они еще переводили дух, не в силах пошевелить и пальцем, а из груди попаданцев принялись бить потоки пестрого, свитого из лент восьми цветов света. Эти потоки тянулись к пустым чашам, а оттуда куда-то в невообразимое далеко. Кажется, что-то еще гудело, как гигантский трансформатор на максимуме напряжения.

Рассеянный свет храма вспыхнул, ослепляя. Когда Света и Дэн проморгались, то пожалели о вернувшемся зрении. Восемь почти знакомых фигур сошлись в битве с чем-то, с кем-то, с... нет, в русском языке не было подходящего слова. Этот спрут живого – не зла, не тьмы, но изначального хаоса сам был овеществленным ничем, слепленным из самых разных кусков-лохмотьев «ничего». Там, где его «тело» касалось храма, появлялась на миг-другой пустота.

Боги бились с этим спрутом кто чем: Ирнат своими крыльями с кинжальными перьями и мечом-косой, мелькавшей молнией. Зебат – черным посохом, с навершия которого филин Ойх зыркал золотыми глазами и прожигал дыры в черноте. Илай хлестала врага веточкой с живыми листиками, Сигет долбил булавой, Алхой стегала плетью, Крисат колот трезубцем, с которого срывались молнии, Трашп натягивал составной лук, Элмай, казалось, стоявшая в стороне, била врага музыкой. Там, где оружие одного из Восьми разило тварь, ее плоть таяла. Удар за ударом чуждое Вархету, самой природе и жизни создание теряло силы. Круг из восьми богов, затянувший монстра в материальный мир, обернулся для твари не пожѐивой – ловушкой, из которой не было выхода. Движения богов походили на удивительно гармоничный танец, ткущий полотно самой реальности и одновременно сеть для чудовища, из которой оно, пока двигаются и разят его противники, не могло вырваться. И тварь это поняла, она заметалась и напряглась, собирая силы.

– Слишком долго, – выпалил Ирнат. – Надо прикончить его одним ударом. Трашп, Крисат, вы говорили, это возможно. Делайте!

– Элмай, нужно твое ожерелье, – потребовал бог магии, переглянувшись с собратом-ремесленником. В свободную руку мага вспорхнул дар жрецов покровительнице искусств – лебедь из бисера.

– То, что надо, работаем! – заключил Крисат, в очередной раз ударяя извивающуюся тварь трезубцем и что-то делая с украшением. – Алхой, напитай вещичку жизнью!

Ожерелье перелетело к богине, та свободной от плети рукой коснулась украшения, отчего разноцветный бисер разом засиял невыносимой

зеленю, как плеть жизнедарительницы, и вновь украшение материализовалось у мага.

Трашп и Крисат переглянулись, в две руки бросили сплетенное Светкой ожерелье-лебедь в монстра. На лету обычное украшение развернулось настоящей сетью, накрывшей тварь. Сеть не убивала – она стирала тварь из реальности, не разрезая ее на куски, а уничтожая сразу и навсегда. Но монстр все еще дергался, пусть это и были движения агонии.

Что произошло дальше, Света и Дэн осознать не успели. Алхой на долю секунды сбилась с ритма, невольно разрушая круг силы. В последнем бессознательном содрогании одно из щупалец монстра выстрелило вперед и пронзило богиню жизни, наколов, как яркую бабочку на булавку энтомолога. Та не сделала попытки уклониться. Может, не успела или слишком много сил отдала битве и плетению сети-ловушки? Легко жертвуя другими ради высшей цели, с такой же легкостью богиня пожертвовала и собой? Разменяла свою плотскую оболочку на окончательную смерть твари?

Тело Алхой содрогнулось и разлетелось радугой искр. Большинство их устремилось вверх, под своды храма, часть захлестнула тварь, растворяя ее псевдоплоть, как кислота. Еще горсть звездочек подлетела к Светке и Денису. Но, долетев до парня, звездочки резко отвернули и присоединились к своим товаркам, впившимся в грудь девушки. Впечатление было таким, будто на голую кожу плеснули горячего масла со сковороды. Светка закричала и потеряла сознание.

Глава 28

Награда?

Очнулась Света с гудящей головой. Тело зудело и казалось тесным, как севшее после стирки платье, мысли толпились и насакивали друг на друга. Но три горячих собачьих языка не позволили долго заниматься самоанализом.

Света села на «кровати» рядом с покачивающимся братом. Вокруг было тесно от вось... нет, лишь от семи богов, столпившихся у импровизированного ложа жрецов близ лестницы.

– Кто-нибудь, объясните, что вообще тут сейчас было? – хрипло спросил Денис. – Какая-то тварь, боги, искры... Ничего не понимаю!

– Вы исполнили назначенное, смогли проложить путь на Вархет, жрец. Мы вернулись и притащили за собой последнюю тварь хаоса, слепленную из остатков прочих монстров, тех, с которыми мы вели сражение и с которыми не могли окончательно покончить в пустоте. Невозможно уничтожить навсегда то, что никогда не было хоть на крошечную часть живым. Мы не могли уйти и оставить тварь вечной угрозой любой жизни. Мы затащили ее с собой и воплотили, чтобы одолеть. Восемь на одну. Битва должна была завершиться победой. Увы, за нее пришлось заплатить жизнью нашей сестры, Алхой, – четко и по существу проинформировал Ирнат, превращая гигантскую косу в обычный полуторный меч и вкладывая его в ножны. Боевые крылья бога тоже иставали клочьями темного тумана за спиной.

– Зачем, Алхой?.. – одними губами скорбно шепнул Зебат. Повелитель смерти казался резко постаревшим. Он мрачно сутулился, будто на плечи легла вся тяжесть Вархета.

– Она устала от всего. Слишком долго была среди немертвого и неживого, чуждого жизни и, кажется, немного сошла с ума. Алхой хотела уйти в одиночестве и не желала оставлять вас, потому поступила так, как лучше для всех. Нашла выход – отдала слишком много силы для победы и развоплотилась, – одними губами прошептала Света, пытаясь справиться с захлестывающими ее сознание чужими чувствами, памятью, силой. Алхой оставила своей последней и теперь единственной жрице всего лишь толику силы, но и эта частица едва не свела бедолагу с ума.

– Я пойду за ней, – собрался было Зебат кинуться в неизвестность.

– Она устала и от вас, – очень вовремя продолжила Света, останавливая самоубийственный порыв бога.

– Тебе досталась ее память? – надвинулся было на девушку Зебат, будто собрался вынуть из жрицы частицу супруги, и тут же был аккуратно взят в клещи Илай и Крисатом:

– Не стоит, брат, начнешь лезть в разум жрицы сейчас, лишишь ее рассудка безвозвратно.

– Эй, сестру не трогайте! – мгновенно, пусть и чувствовал себя слабее котенка, возмутился Денис. – Мы ж вас на Вархет вернули!

– Вы сделали все как должно и вовремя, – известил жрецов Ирнат, кивая нехотя отодвинувшемуся от девушки Зебату.

– И все тело у меня теперь в качестве благодарности в татушках, как у матерого эка! – бормотнул под нос Денис, разглядывая местную версию пестрокрылой колибри на запястье, в которой угадывался знак Илай, и кулон на груди, на котором составляли хоровод восемь птиц – семь ярких и одна посветлевшая до призрачного контура. – Птички... Ха!

– Теперь вы отправите нас домой, на Землю? – с надеждой на лучшее попросила Светлана.

– Домой? – вскинул бровь Крисат. – Это пока невозможно. Вы – единственные жрецы всех Восьмерых, прошедшие посвящение. Только в ваших силах приумножить число истинных служителей богов. Мы слишком долго пребывали вне пределов Вархета, и наша сила стала другой, она с большей вероятностью погубит любого из местных, чем поставит метку. Нужно время. Наше пребывание в мире, моления в храмах истинно посвященных сделают свое дело – магия и божественная сила, разлитая по Вархету, снова приумножится.

– А домой? Неужели ничего сделать нельзя? Зебат, ты обещал! – взмолилась Света.

– Я обещал, что у тебя будет дом на Вархете. Данное слово исполнено, – небрежно объяснил покровитель мертвых, похоже, не уступавший в хитроумии покойной супруге, о которой так печалился.

Другие боги молчали, лишь Ирнат качнул головой в ответ на невольный всхлип девушки. Сочувствия бог войны не выказал, да и остальным такие переживания были чужды.

– Может, мы кого-то другого в жрецы Восьмерых быстро посвятим, а вы нас домой отправите? – снова начала торговаться затосковавшая девушка. Вся волшебная белиберда, боги, ужасные твари, от одного воспоминания о которых кровь в жилах стыла, не шли ни в какое сравнение с уютом привычной квартирки, с любимыми карапузами в садике,

с возможностью поговорить в любой момент с родителями.

– Пока мы не вернем своей силы, границы мира пребудут закрытыми, – снисходительно объяснил элементарное правило Крисат, щуря хитрые, бессовестно зеленые глаза.

– И сколько это «пока» продлится? – потребовал конкретизации Денис. Он ничуть не возражал против приключений, да и на Вархете ему, признаться честно, нравилось, но оставаться тут только потому, что никуда в другое место, и домой особенно, попасть нельзя, как-то резко, возможно из-за всхлипов сестренки, расхотелось.

– Время – зыбкая величина, вам ли переживать о ней, жрецы Восьмерых? – прозвенел голосок Илай. От ее лучезарной улыбки Дэн едва не поплыл на волнах розового тумана, спасли разом защищавшие кожу в шести местах «татушки».

Проказница-богиня недовольно надула губки, но давить обаянием перестала.

Слово снова взял Крисат, чтобы объяснить смертным – теперь, после получения меток, пожалуй, условно смертным жрецам их положение:

– Вы – проводники нашей силы для Вархета. Все уже происходит, мы не можем без вреда остановить процесс. Понимаю, для любого из здешних людей подобное посвящение было бы неслыханной честью, а вы воспринимаете случившееся иначе.

– Потому нам придется договариваться. Мы готовы выслушать ваши пожелания, – встрял Сигет, чуть ли не потирая ладони. Видать, соскучился по работе!

– Можно Бельташ живой сделать? – выпалил Денис, не раздумывая.

– Совсем – нет, но большей частью можно, – скривил Зебат краешек рта. – Она сама с недавних пор вольна выбирать ипостась. Я дарую ей право пребывать в избранном обличье сколь угодно долго. Но заслужить ее симпатию постарайся сам или вон Илай попроси.

– Не-э-эт, я не хочу внушенного. Сам, – твердо решил парень и приготовился послушать заявку сестры.

– Если домой нельзя, ничего не надо. – Слезы закапали из глаз девушки. Она не рыдала, не билась в истерике, просто капельки бежали по щекам. А боги, такие могущественные, такие почти всесильные и прекрасные, бессильно переглядывались. Как утешить ту, которой от тебя ничего не нужно? Как побудить служить?

– Помоги нам, – присев на корточки рядом с печальной попаданкой, попросила Илай и шепнула на ушко, как подружка подружке: – Помоги Зебату. Алхой ушла, ты – единственная частица ее на Вархете. Безумный

повелитель мертвых – худшее, что может случиться. Пусть хоть отголосок, эхо ее памяти, но ему это сейчас нужно. Помоги не ради себя или нас – ради тех, кто дорог тебе в нашем мире.

Света подняла глаза на мрачного типа в плаще, чья рука сжимала черный посох с силой, способной выдавить воду из камня, и с невероятным удивлением обнаружила, что помнит и знает, как надо себя вести с этим хмуро-ехидным типом. Поняла, что он вовсе не такой мрачный и чужой, как кажется, и что он, как и она, любит вишни, бродить босиком по песку, собак, и...

Вот только кто именно любит все это – она или Алхой? Света запуталась сама в себе и в отголосках чужой памяти. Кажется, она всегда любила не вишни, а дыни. Зато бродить босиком по мокрому песку – это одинаково нравилось жрице, ушедшей богине и оставшемуся одиночкой богу.

– Я попробую, – шепнула девушка, поневоле принимая свое странное состояние, чтобы не потерять саму себя в ворохе безумных гаданий и попыток отделить неотделяемое. Кажется, в ее душе все смешалось, как крем в миксере, и сепарации не поддавалось. Кстати, удивилась Света, у Зебата и Алхой никогда не было общего дома. Жизнедарительница любила своего мрачного избранника, но их разнящиеся силы не позволяли богам жить вместе сколько-нибудь долго.

Потому Света помотала головой, собираясь с духом и бросаясь в новую мысль, как в единственный способ не рехнуться. Она встала и, глядя в черную бездну глаз Зебата, повторила недавнее утверждение:

– Ты обещал мне дом.

– Я сдержал... – начал было говорить бог.

– Нет, это дом дяди. Ты обещал дом для меня. – Света помедлила, а потом решительно, как прыжок с обрыва, потребовала: – И пусть это будет такой дом, где живут псы, в саду растут вишни, рядом озеро или море, где можно гулять по берегу, слушать прибой и пятками чувствовать мокрый песок...

Черные глаза Зебата, пораженно уставившегося на жрицу, медленно светлели. Из черных они превращались в водоворот жемчужно-серого с берилловыми и рубиновыми искрами. Печать обреченного одиночества стиралась с лица. Любимая ушла или любимая осталась? Или она оставила замену, или... Зебат, подобно Светлане, не стал делить неделимое, ему для окончательного решения, как утопающему, вцепившемуся в спасательный круг, хватило нескольких слов девушки.

– У нас будет дом, – резко кивнул он. – Я построю его и приду за

тобой. Пойдешь тогда со мной?

– Пойду, – ответила Светлана, коснувшись запястья бога легким и привычным движением, свойственным сбежавшей Алхой, а потом дернула за прядь черно-серых длинных волос.

Почему-то теперь она лица всех богов видела четко. Понимая, что все они имеют множество облиций, она осознала, что один излюбленный, привычный облик у каждого бога все-таки есть. Пусть не как внешность, данная от рождения человеку, скорее как самая удобная одежда.

Зебат был худощавым, с длинными, увязанными в хвост черно-серебряными волосами, длинноватым тонким носом, острыми скулами и удивительно красивыми, изогнутыми в кривоватой усмешке губами. Станный тип, чуть-чуть похожий внешне на дядюшку Ригета. Но Светлане, или Алхой, или им обеим, или все-таки только Светлане это лицо нравилось. Что будет дальше – время покажет. Обладая частью сознания Алхой, Света знала Зебата куда лучше, чем любого из когда-либо виденных и знакомых мужчин, лучше отца и брата. Что уж говорить о тех парнях, с которыми когда-то, кажется, невообразимо давно, встречалась и расставалась.

Зебат, по крайней мере, точно не будет разбрасывать по дому вонючие дырявые носки, курить и предлагать позвать на свидание-тройничок приятеля. А с его манией на эксперименты по созданию нежить-големов, в результате которой дом порой полнился разномастными громыхающими костями, с привычкой спать поперек кровати прямо в одежде и читать за едой она как-нибудь уживется.

Все казалось странным, но сосущая дыра одиночества на месте сердца, вырванного из привычного, а потому уютного мирка, начала затягиваться. Света прекрасно знала себя и понимала, что будут еще слезы в подушку и тоска по дому, родным, по Земле, но что-то, благодаря то ли жертве, то ли случайному дару Алхой, изменилось в смертной жрице бесповоротно. И обновленная ее версия хотела попробовать жить на Вархете. Вдруг получится? Во всяком случае, искристые глаза это обещали.

– Гм, а пока стройка, туда-сюда, вам, наверное, осмотреться надо, вы нас обратно ко входу в храм не вернете? А то дядюшка волнуется, наверное, да и другие тоже, – осторожно подбросил здравую идею Денис.

– Вернем, – согласились все семеро так слаженно, что разобрать, где чей голос не получилось.

В этот момент они казались одним целым. Реальность поплыла, подернулась знакомой «пищевой пленкой», и парочка молодых и единственных жрецов вкупе с тремя собачками оказалась на знакомой

площадке в горах хребта Раздела. Кроме них переправилась и куча алтарных покровов. Может, случайно, а может, боги побрезговали возвращать на алтари ткани, использованные жрецами в качестве постели.

Уходили через портал Денис и Света в разгар дня, а теперь ясно видели, как розовеет рассвет. Похоже, призыв богов, эпическая битва и последующие переговоры заняли почти сутки.

Едва брат и сестра вернулись, как к ним кинулся дядя, молча сграбастал в объятия и крепко, до хруста, сжал.

– С возвращением, служители Семи, – приветствовала Дэна и Светлану русококая рыцарша и подозрительно зарозовела.

– Откуда ты зна... – начал удивляться парень, но его изумление тут же развеял потрясенный голос Гората:

– Горы потряхивало, а в небесах видение казали: как дары вы клали, как звали и как пришли Восемь. Как бились они с жуткой тварью казали и как потом благодарили вас, – прогудел проводник, явно не знающий, как себя вести с такими важными по сути и такими безопасно-безобидными на взгляд клиентами. То ли в ноги броситься, то ли сделать вид, что все по-прежнему.

– Полагаю, об успешных итогах вашей миссии и возвращении богов знает отныне весь Вархет, – объявила дира Иргай, задорно подмигивая молодым жрецам, и не удержалась от завистливого короткого вздоха. О, ей бы оказаться рядом с богами, уж она нашла бы, о чем расспросить каждого, блокнота бы под запись точно не хватило.

– Это что ж, они еще и трансляцию умудрились замутить?! – восхитился Денис предприимчивости божественных нанимателей, а Света тихо присовокупила:

– Им было нужно, чтобы люди видели, за что и против кого бились их боги, какова была последняя битва. Сила молитв помогла одолеть тварь.

– И теперь каждая собака на Вархете нас в лицо знает? – ужаснулся свету грядущей немеркнувшей славы парень.

– Ваши образы были ясны, но лица скрыты туманом, – утешила жрецов Бельташ.

– Уф-ф-ф, – картинно схватился за сердце Дэн.

В такт брату облегченно расправила плечи и Света. Превратиться из людей в живые сувениры, которым не дадут покоя фанатики, маньяки и просто любопытные – такой судьбы девушка себе и брату совсем не желала.

– Вы это... – Горат чесанул лоб и решительно объявил: – Про оплату. Я денег за благое для всего Вархета дело не возьму. Это ж, наоборот,

выходит, все вам за возвращение богов до конца дней и за последним порогом обязаны. Путь к храму теперь открыт. – Проводник мотнул головой в сторону дороги, возникшей сызнова вместо густого кустарника и нагромождения камней.

– Ну и правильно, ты на экскурсиях и на байках о том, как жрецов лично в горы провожал, больше заработаешь, – рассмеялся Денис и, скроив разочарованную мину, объявил: – Кстати, раз вы все знаете, то нам и рассказывать не о чем. Впору Пацана звать, чтоб до дому подбросил на завтрак!

Договорить парень не успел. Призрачный ворон, поощренный разрешением безнаказанно пастись в замковых кладовых, торговаться об оплате каждой миссии отныне не собирался. Или на Пацана возвращение Восьмерки подействовало как стимул сознательности? Он словно дожидался призыва. Раскатистое «Р-р-а-а-т!», порыв ледяного воздуха, несколько секунд дезориентации – и вся компания, за исключением будущего горного экскурсовода, которому отныне предстоял свой личный путь, оказалась во дворе замка Кергот.

– О, Пацан у нас теперь за постоянного туроператора! – подмигнул Дэн позеленевшим спутникам.

Для вестибулярного аппарата людей птицепортация, как первая, так и вторая, оказалась сущим мучением. Дира Иргай фактически висела на Ригете, что последнего неприкрыто радовало. Уж больно по-хозяйски дядюшкины руки прижимали помолодевшую женщину к груди.

– Бельташ, тебя не укачало? – со скрытой надеждой поинтересовался парень.

– Не... – начала отвечать рыцарь смерти, поперхнулась словом, когда один из псов – судя по зеленым глазам, Алой – прикусил ее руку, и тут же исправилась, слегка опираясь на протянутую молодым жрецом руку: – Немного.

Дэн расплылся в блаженной улыбке, приобнимая выторгованную у бога красавицу. Со всех ног к отряду героев мчались люди, знакомые и не очень: перекатывался колобок Олсоп, летел призрак Итната, отчаянно хромал Нерпат. Гул поздравлений, восторгов, вопросов захлестывал людей.

Старый жрец, казалось, подобно дуре Иргай скинул десяток-другой лет, такой истовой радостью пополам с восторгом лучились его глаза. Он позабыл где-то посох и быстро хромал к вернувшимся с победой героям.

– У вас получилось! Я молился и верил! – выпалил Нерпат, нога его подвернулась, и бедолага начал заваливаться вперед. Светка и Дэн метнулись и успели подхватить старика под руки. Карие глаза деда

распахнулись, зрачки расширились, и он затрясся в руках спасителей, как монтер, взявший провод-фазу.

– Эй, дед, ты чего? Помирать не вздумай! – встревожился Денис. – Свет, чего делать?

– Рука, – прохрипел Нерпат.

Рукав рубашки задрался, и показалось запястье с картинкой – вороном в круге. Теперь метка жреца не расплывалась потерявшим от времени форму овалом с серым чем-то там, больше похожим на осьминога с перьями. Знак стал четким и ярким, будто нанесенным только что. Нерпат смотрел за свое запястье, как на величайшее сокровище во Вселенной, слезы восторга текли по морщинистым щекам, смачивая короткую седую бороду.

– Слава тебе, Ирнат! Благодарю, крылатый мой владыка! – дрогнул голос жреца, которого продолжали поддерживать под руки Денис со Светкой.

И снова старик выгнулся, весь засверкав серым огнем. Рот его распахнулся в беззвучном крике, а под руками первых истинных жрецов менялся первый из получивших метку вернувшегося бога. Словно некто незримый, но очень могущественный крутанул назад колесо его лет и притормозил на пике зрелости, оставив черную, присыпанную солью седины бородку и виски. Нерпат выпрямился, задышал ровнее и чуть отодвинулся, свободно переступая обеими ногами.

– Ого, хромота тоже ушла! Поздравляю! Ирнат взглянул на тебя и подтвердил легитимность звания! – расплылся в улыбке Дэн и тут же почесал за ухом, советуясь с сестрой: – Интересно, как Восемь рассчитывают себе остальных жрецов штамповать? Нам по всему Вархету придется бегать и хватать желающих за руки или в Кергот табунами паломники повалят?

– Пусть приснятся и расскажут, – объявила Светлана, вовсе не горящая желанием куда-то бежать и кого-нибудь спасти прямо сейчас, ее-то с обещанием переправить на Землю ловко прокатили. – Границы мира закрыты, домой нельзя, так что нам торопиться некуда.

– Я жрец Ирната, – сам себе не веря, промолвил Нерпат.

– Точно! Много лет уже, а с сегодняшнего дня и сертифицированный. Ты бы еще в храме порылся в чашах с огнем, может, яичко какое найдешь или кулон? – подмигнул Денис.

– Откуда? – не поверил жрец. – Храм у замка новый.

– Какая разница-то? Боги вернулись. Почему бы и чудесам не случаться? – фыркнул парень и осекся, потому что в гам, стоящий во дворе

замка Кергот, вплелись из-за стены весьма неожиданные крики:

– Статуя в храме! Крылатая явилась! Дир Нерпат! Огни сами в чашах зажглись!.. Дир!

– Я же говорил, – пожал плечами Дэн. – Посмотрим?

Руку Бельташ он протянул первым, и та ее снова приняла, смущаясь так отчаянно, словно никогда в ее жизни не было прогулок с парнями под ручку. Может, и впрямь не было? Живая не успела, одержимая мыслью о служении Зебату, мертвая же ни в чем таком не нуждалась. Но теперь колесо реальности сделало круг, и снова стало возможным то, что казалось потерянным навсегда.

Эпилог

Почти сразу

Весь Вархет гудел и судачил о чудесах. Вновь случалось всякое, но главным было всеобщее ликование людей: их боги вернулись. Очень и очень многие видели в небесах трансляцию последней битвы в подземном храме. И теперь не по слухам знали, зачем уходили Восемь и от какой беды ценой превращения в Семерку их защитили. Храмы наполнились верующими, звучали молитвы, реки силы, исполненные истовой верой, текли по миру, просыпалась задремавшая магия. Медленно, почти незаметно, но неуклонно, как прилив.

Кстати, Света оказалась права насчет решения вопроса посвящения жрецов во сне. Первым и единственным жрецам Семерых не пришлось «птицепортироваться» по всему миру или собирать реальную толпу для массового посвящения у дяди в замке Кергот. Вполне хватило нескольких (для начала всего семи) прогулок-снов. В них, следуя указаниям богов, чувствующих потенциал своих будущих служителей, Денис и Светлана хватали за запястья всех обреченных на служение и оставляли им на память симпатичные татуировки. Те же, чьи картинки на теле были лишь картинками, не подтвержденными верой и желанием служить богу, просыпались с чистой кожей и вольны были выбирать новый путь. Между прочим, юный служитель лесной часовенки Зебата, с которым свела попаданцев дорога, оказался из таких.

Дядюшка Ригет уверенно устраивал личную жизнь, беззастенчиво пользуясь служебным вороном Пацаном. Он мотался между замком и Брисом, вторгаясь в жизнь дыры Иргай, и дело неуклонно шло к свадьбе.

Из когда-то загаданных диром Ригетом трех целей исполнилось две: он вступил во владение родовыми землями, боги вернулись на Вархет, но Деньес и Свельта застряли тут же. Потому дядюшку немного мучила совесть. И если Деньеса житье-бытье на Вархете устраивало как нельзя лучше: сейчас все свободное время он делил между уходом за Бельташ, тренировками с Валтом и овладением неосвоенными жреческими силами еще пяти богов, то с племянницей было не все гладко. Свельта, пусть и привязалась искренне к дяде, тосковала по родным и дому на Земле.

Чуть позже

Боги готовились к новой эпохе Схождения: чудеса, знаки, явления. Их сила привыкала к миру, а мир – к их силе. Однажды в замке Кергот не во сне, а наяву явился тип в сером плаще с черным посохом. Не стучал в ворота, не въезжал на коне бледном – гнедом или рыжем, просто возник в садике, с восстановлением которого возилась для успокоения нервов Светлана.

Встал рядом, откинул с головы капюшон, неуверенно переложил посох из одной руки в другую, кашлянул, выдохнул, потрянул черно-серыми волосами и тихо сказал:

– Дом построен. Все, как ты говорила: собаки, сад, море. Взглянешь?

Светлана сняла рабочие перчатки, тщательно вымыла руки и кивнула. Дескать, пойдем, раз обещала и просила. Прохладная и чуть липкая (он что, волновался?) рука бога коснулась запястья девушки и подарила секундное ощущение дезориентации, схожее с птицепортацией. Несколько взмахов век, и пейзаж вокруг кардинально изменился. Не было больше старинного замка с узкими окнами, замшелыми камнями кладки и крепостной стены. Впереди раскинулась сияющая водная гладь, искрящаяся зеркальными солнечными бликами. Вдоль моря тянулась широкая полоса светлого песка, которую дружелюбным псом лизал прибой.

Две руки бережно развернули любующуюся видами девушку. Двухэтажный дом, сложенный из блоков бело-желтого ракушечника, доверчиво смотрел на мир огромными окнами. Его окружал пышно разросшийся плодовый сад, ковер из колокольчиков Илай устилал землю, оставляя свободными лишь желтые плитки дорожек.

В успокаивающий шум прибоя вплелся звонкий и очень знакомый лай. Издалека, загребая лапами песок, вывалив набок язык, как игривые щенки, к Зебату неслось пять здоровенных псов. Гончие смерти в своем живом обличе.

Они окружили господина и Свету, принялись, подобно самым обычным псам, бешено махать хвостами, подпрыгивать, приседать на задние лапы и звонко гавкать. Света невольно потянулась погладить ткнувшуюся в бедро морду с умилительно заглядывающими на нее золотистыми глазами.

– Тебе нравится здесь? – осторожно спросил повелитель мертвых.

– Очень, – тихо призналась девушка.

– Хочешь осмотреть дом? – Зебат снова протянул руку.

– Да, – согласилась Светлана, принимая приглашение.

Вместе по дорожке из маленьких желтых, как яичный желток, плиток они подошли к приоткрытой двери в дом. Полукруглая прихожая

отделялась от комнаты лишь символической низкой стеночкой из ракушечника с полочками под обувь с одной стороны и деревянной стойкой-вешалкой для верхней одежды с другой.

В комнате обосновались большой диван, пара уютных кресел и низкий столик с широким не то блюдом, не то чашей, полной воды.

– Ваза? – затруднилась с идентификацией и странным расположением предмета Света.

– Нет. Крисат и Трашп сделали артефакт для вас с братом. Дороги между мирами пока закрыты, Вархет слишком уязвим сейчас, чтобы открывать врата, но одно маленькое окно, приоткрытое ненадолго, не повредит. Ты можешь поговорить с родными. Хочешь?

– Конечно! А Дэн? Его надо тоже позвать! – воодушевилась девушка.

– Сейчас, – обреченно вздохнул Зебат. Пусть он и предпочел бы не включать в участники сеанса связи сумасбродного парня, но долг есть долг. Этим двоим они, семь богов, крупно задолжали.

Протянув руку, Зебат выдернул откуда-то своего чуть взъерошенного жреца. В одной руке Денис сжимал тренировочную палку (кажется, парню выпал счастливый шанс смыться с тренировки у Валта), зато в другую руку молодого человека намертво вцепилась настороженная и успевшая обнажить настоящий меч Бельташ. Каким-то чудом рыцарь почувствовала открытие портала и схватилась за своего избранника. Удержать, правда, не сумела. Не ей мериться силами с богами!

– Что случилось? – тут же принялся вертеть головой по сторонам ничуть не испуганный Дэн, высыпая ворох впечатлений на присутствующих вне зависимости от их статуса. – Миленький домик! И лоханка красивая, туда бы цветочки пустить плавать! Ух ты, море! Сто лет не купался! Пойдем потом, окунемся, а?

– Мы сейчас сможем поговорить с родными, – вмешалась в словесный потоп Света, ткнув рукой в тазик на столе.

– Видеозвонок настроили? Супер! – восхитился и почти не удивился Денис, тут же внося предложение: – Давай с мамулькой для начала перетрем. А уж она посоветует, папку напрягать или как.

– Кхм, я тоже хотела сначала поговорить с мамой, – откашлялась Света и смущенно спросила у Зебата:

– Ты так любого на Вархете переместить можешь? И дядю Ригета? Пусть бы он тоже с сестрой поговорил.

– Нет, я пока не могу касаться людей Вархета, слишком много иной силы. Пошли за ним птицу Ирната, – качнул головой Зебат.

– О, точно! – вскинулся Дэн и привычно заорал: – Пацан! Дело есть на

тазик мяса! Дядюшку до нас подкинь!

Знакомое далекое «Р-р-а-а-т!» было первым откликом, вслед за ним тут же последовало продолжение: призрачная птица на долю мгновения проявилась в комнате, доставляя в домик у моря дядюшку с занесенным над пустотой карандашом. По-видимому, Ригет занимался счетами.

В небольшой комнате стало тесновато. Бельташ скромно отошла и замерла у стенки. Света и Денис наскоро объяснили смущенному присутствием постороннего бога дяде, зачем его дернули из замка Кергот. Дядюшка почесал за ухом, заткнул туда карандаш и предложил:

– Вызывайте Лимей! Сестра, думаю, с ума давно сходит, не зная, куда дети подевались. Пусть на вас глянет. Надо ей сказать, что вы под присмотром.

Трое столпились у артефакта и вперили взгляды в серебряное дно, испещренное незнакомыми значками. Вода не колыхнулась.

– Пожелайте, – с легким смешком дал инструкцию повелитель смерти неучам.

– Мама! – позвала Света.

– Елена Альмери! Лимей! Прием-прием! – затараторил рядом Дениска, наклоняясь к воде. – Как слышно?

Вода в емкости завертелась круговоротом, потемнела до черноты и спустя несколько мгновений резко посветлела, становясь похожей на круглое окошко, открытое в сад, где у клумбы с розами возилась светловолосая женщина, очень похожая на Деньеса и Свельту, или, что вернее, на Свету и Дениса.

– Дети? – вскинулась Елена, расширенными глазами взирая на видение.

– Привет, мам! Мы на Вархете! Нас дядя Ригет сюда дернул, потому что дедушка Итнат помер и запер замок, а без нашей крови ничего не открывалось.

– Мамочка, как ты? Я соскучилась! – шмыгнула носом Светлана.

– Денис, Светик, родные мои, живы! – Елена-Лимей смотрела на близняшек и не могла наглядеться. В вархетской одежде они казались своими и чужими одновременно. Или дело было в печати взросления, появившейся на лицах молодых людей?

– Семеро с тобой, сестра, – поздоровался дядя, приблизившись к видеотазу.

– Восемь, – машинально поправила Ригета растерянная женщина, полагавшая, что давно оставила прежнюю жизнь за порогом мира и шокированная тем, как нагло старая жизнь перемешалась с новой и властно

постучала в настоящее.

– Нет, уже Семеро, от несчастных случаев в небесной канцелярии даже богов не страхуют с гарантией, – снова вмешался вездесущий Дениска. – Мы чего так задержались-то. Оказалось, вархетская Восьмерка, уходя, все дороги заблокировала для других и для себя. Им наша помощь нужна была, чтобы назад прийти. Местные в подручные никак не годились. Пришлось нам ритуал организовывать, попутно нас в жрецы посвятили. Так что теперь, пока вернувшаяся Семерка к магии здешней не адаптируется, а она к ним, все границы на замке. Специально для нас окошечко провертели, чтобы мы поболтать смогли. Не волнуйся, мама, у нас все хорошо, дядюшка следит, чтобы мы вовремя ели, спали, гоняет на занятия и разве что на горшочек сам не сажает...

– Цыц, болтун, – шикнул на племянника Ригет, отвечивая профилактический подзатыльник, и обратился к сестре: – Лимей, я рад, что ты благополучна, твои дети в милости у богов и благословлены метками жрецов.

– Брат... Денис, Света, мы с Игорем с ума полгода сходим, – только и смогла вымолвить женщина. – Как же так, никого не предупредили...

– Это моя вина, Лимей, ритуал перенес Деньеса и Свельту на Вархет, – вставил Ригет и покаянно склонил голову, принимая справедливость упреков.

– Мам, мы тут гадали, дядино заклинание к нам прилетело, потому что нас двое или потому что твой амулет из сокровищницы на антресолях валялся? – снова влез Дэн, не давая разгореться конфликту старшего поколения.

– На антресолях... – жалобно и растерянно согласилась Лимей, жалея, что не расплавила чертову побрякушку или не закопала ее где-нибудь в лесу.

– Вот он, скорее всего, и сработал. Ты на дядьку не сердись, он думал, ты где-то на Вархете скрываешься, потому и колдонул. Так я о чем: пока тут с магией и божественными энергиями все не состыкуется, мы только по-здешнему скайпу общаться сможем. Ты как-нибудь папку морально подготовить сможешь для контакта? А то, боюсь, к нему дед Кондратий на огонек заглянет. Нам таких родственников и даром не надь и с приплатой не надь, хватит призрака дедушки Итната.

– Свельта, время, – тихо вставил Зебат, но его слышали все: и те, кто был в комнате, и Лимей по другую сторону мира.

– Мамочка, до свидания, родная, не скучай, мы обязательно еще поговорим и увидимся! – стерев в лица слезы, закапавшие сами по себе,

постаралась как можно беспечнее улыбнуться девушка.

– Пять сек, боже! – шустро протараторил Денис, схватил рыцаря смерти за руку и притянул к тазику, отжимая чуть в сторонку сестру.

– Мама, познакомься, это Бельташ, моя невеста! Она – рыцарь смерти! Правда, красивая?! А у Светы жениха еще нет, она сейчас жреческую медицину осваивает и лечит все, что шевелится. Что не шевелится – шевелит и лечит! – торопливо перевел стрелки вероломный брат, пока Елена Альмери придирчиво разглядывала невестку и подбирала подходящие слова. – Кстати, к сестренке Зебат клинья подбивает. Дом построил, деревьев насажал, теперь небось на сына будет уговаривать! Но дочка у тебя строгая, пока думает. Может, ждет, пока другие боги дома и деревья на конкурс благоустройства представят?

Елена Альмери, шокированная свалившимися на нее новостями и видениями, все-таки не выдержала словесного напора сына и рассмеялась. Пусть чуть-чуть нервно, но это был настоящий смех.

Увы, в эти мгновения истек срок, отпущенный «окошку на Землю» к существованию. Блюдо с водой снова из артефакта стало обычным серебряным блюдом с загадочными значками. Зебат дернул бровью, и под раздраженный крик «Р-р-а-а-т!» комната опустела.

Осталась лишь Светлана, сам бог да тишина. Не лаяли собаки, лишь в приоткрытое окно доносился тихий рокот прибоя и шелест листвы под легким ветерком.

– Ты плачешь, – мрачно констатировал Зебат, стараясь смотреть куда угодно, только не на зареванную мордашку девушки. Помолчав чуть-чуть, бог через силу добавил: – Я не могу открыть портал для вас двоих на Землю, но готов рискнуть и распахнуть его для тебя. Только, прости, это смешает слои сил, следующую дверь между мирами можно будет распахнуть еще очень не скоро. Понадобится не меньше четверти века для обычного окна, а для порталов, пожалуй, и сотни не хватит.

– Не надо... Я плачу от радости – увидела маму, мы с ней поговорили, и пусть все вышло бестолково, но все равно хорошо. Я не могу лишиться Дениса права общаться с родными и быть рядом с любимой девушкой из-за собственного эгоистичного желания вернуться к привычному земному быту. Здесь у нас тоже есть дела, и вам, Семерым, еще нужна помощь. Если надо ждать, мы подождем. Лечить магией, брат прав, мне очень нравится. Я столько всего узнаю и столько еще хочу узнать и попробовать, а на Земле такая сила действовать не будет. К тому же, – уголки губ девушки приподнялись в намеке на улыбку, – ты обещал мне дом и подарил его.

– И никакого конкурса благоустройства? – настал черед неуверенно

улыбаться Зебату.

– Никакого, – опустила ресницы девушка, подняла руку и дернула бога за прядь волос.

Руку перехватили две другие руки, а на окошке сама собой задернулась занавеска...